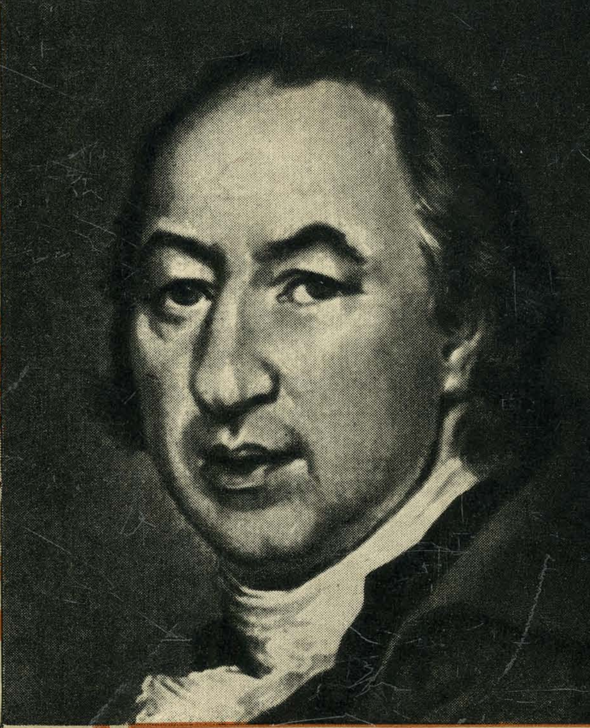
НОВИКОВ

А. Западов

Листъ 5

Отрывокъ путешествія

въ • • •

И • • • Т • • •

ГЛАВА XIV

По выѣздѣ моемъ изъ сего города, я останавливался во всякомъ почти

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 17
(441)

МОСКВА
1968

А. Западов

НОВИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Во свет
рабства́ тьму претвори.
А. Радищев

Николай Новиковъ

Глава I.

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В начале жизни школу помню я...
А. Пушкин

1

— „Великое число у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть учить не могут. Принимают и таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали...»

Читая, мальчик не водил пальцем по строчкам и временами отрывал глаза от казенной бумаги, чтобы стрельнуть взглядом в сторону слушавших его родителей.

— Верно, верно говоришь, Николаша, — сказала мать. — У наших соседей...

— Погоди, Анна Ивановна, не перебивай, — остановил ее муж. — Дай до конца добрести.

— «Такие в учениях недостатки реченным установлением исправлены будут, и желаемая польза надежно чрез скорое время плоды свои произведет», — повышая голос, прочитал мальчик.

— Чем исправлены-то будут? — спросила мать. — Что-то я не дослышала.

— «Реченным установлением», — повторил мальчик.

— Это что ж такое? Новая школа?

— Да нет, — объяснил муж. — Это так от правительст-

вующего Сената пишется: «установление», а само в себе значит «Московский университет».

— Как не понять, батюшка. Московский, значит, этот самый...

— Университет, — подхватил мальчик. — Ведь тут все сказано было: Петербургская академия наук далеко, Сухопутный и Морской кадетские корпуса — дело военное, а для дворян, которые желают высшим наукам обучаться, и для генерального обучения разночинцев открывается в Москве университет. Сюда способнее из округ лежащих мест приехать, чем в Петербург. Почти всякий в Москве имеет родственников и знакомых, где себя квартирою и пищею содержать может. Поняли, матушка?

— Как не понять, — согласилась Анна Ивановна. — У всех есть родственники.

— Дальше, дальше, Николай, — нетерпеливо сказал отец. — Что там еще написано?

Написано было о том, что империя требует ученых людей и что с их помощью в простом народе суеверия, расколы и тому подобные от невежества ереси истребятся.

Указ о Московском университете, подписанный в Петербурге 12 января 1755 года, читался в доме Ивана Васильевича Новикова сыном Николаем в ясный мартовский день и был накануне привезен из города Коломны в новиковское поместье Авдотьино. Известие о новом учебном заведении заняло всю семью — Николаю подошло время учения.

Новиковы были старинного дворянского рода. Фамилию свою произносили они с ударением на последнем слоге — Новико́вы — от слова «нови́к». Так называли молодых людей, вступивших в службу. И писалась эта фамилия иногда через «а» — Навиков, и в рифму к ней подбирали поэты: «стихов», «слов».

Иван Васильевич Новиков, человек петровской выучки, смолоду пошел во флот и, происходя в чинах, добрался до звания капитана полковничья ранга. При императрице Анне Ивановне взял отставку, но привычка к деятельной жизни сложилась крепкая, а потому Иван Васильевич в деревне не усидел и попросился вновь на службу, к статским делам. Был он определен воеводою в город Алатырь, женился на Анне Ивановне Павловой и десять лет правил городом, приученный строго блюсти законы и выполнять команды старших начальников.

У Новиковых было пятеро детей — три мальчика и две девочки. Был и еще сын, да умер во младенчестве. Николай ро-

дился 27 апреля 1744 года. Брат Андрей старше его на восемь лет, Алексей — на три года моложе.

Когда Иван Васильевич покинул воеводство, семья поселилась в Авдотьине, и маленький Новиков провел свое детство в играх с детьми дворовых крестьян.

Авдотьино, Тихвинское то ж, — по названию церкви Тихвинской божьей матери, стоявшей в селе, — раскинулось на берегу реки Северки, притока Оки, верстах в семидесяти от Москвы, невдалеке от села, позднее города, Бронницы. Господский дом на холме высоко поднимался над рекою.

Своей вотчиной — Авдотьином — Новиковы владели более четырех веков, но, кроме того, были у них небольшие земли в Мещовске, Суздале, Дмитрове и на Белоозере. Имения эти делились, назначались в приданое, владельцы обменивали друг у друга участки, подбирая наделы к одному месту, продавали, покупали — и все же за Иваном Васильевичем Новиковым считалось до семисот душ крестьян, из них полтораста в Авдотьине.

...Николай сложил бумагу и поглядел на родителей, не решаясь нарушить их молчание.

— Знать, нужно ехать, — сказал, наконец, Иван Васильевич. — Завтра и тронемся... Что же плакать, Анна Ивановна? Указ этот прямо для Николая писан. Довольно ему бездельничать. У дьячка уж он все выучил, а нынче одной грамотой не обойтись — полный курс наук требуется.

В Москве у Новиковых был деревянный дом, построенный близ Серпуховских ворот, у Земляного вала, обегавшего город. По соседству с Новиковыми — загородные дворы знатных людей, ближайшая усадьба — бригадира Глебова. В огромном ее парке любили гулять москвичи.

Это была окраина Москвы. На Всполье и предстояло теперь жить Николаю Новикову.

2

Университет в Москве был открыт по настоянию Ломоносова. Россия нуждалась в образованных людях. Ломоносов понимал это лучше всех и в письме фавориту императрицы Ивану Шувалову изложил свой проект университета, состоящего из трех факультетов — юридического, медицинского и философского. В отличие от принятой в Европе системы тут не было богословского факультета. Ломоносов полагал, что истинная наука не терпит вмешательства церкви.

Студентов для университета должна была готовить гимна-

зия при нем. На этом пункте Ломоносов настаивал особенно. Без гимназии, писал он Шувалову, «университет, как пашня без семя».

Газеты обеих столиц — Петербурга и Москвы — печатали объявления иностранцев о том, что они принимают к себе детей для обучения французскому, немецкому языкам, танцам, истории, географии, геральдике — науке о дворянских гербах. Однако для слушания университетского курса этих знаний хватить не могло.

При Петербургской академии наук, открытой в 1726 году, существовал свой университет. Но слушателей там почти не было, занятия велись очень плохо, и, несмотря на старания Ломоносова, дело поправить не удавалось. Академическая канцелярия во главе с советником Шумахером не желала заботиться об университете, и Ломоносов с обычной прямотой объяснял, почему это происходило:

— Шумахеру было опасно происхождение в науках и произвождение в профессоры природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался. Того ради учение и содержание российских студентов было в таком небрежении, по которому ясно сказывалось, что не было у него намерения их допустить к совершенству учения.

Ломоносов надеялся — и надежды его оправдались, — что новый Московский университет, свободный от власти Академической канцелярии, сумеет стать достойной школой подготовки ученых людей в России.

Иван Шувалов охотно подхватил идею Ломоносова — ему лестно было играть роль ревнителя просвещения. В августе 1754 года он объявил Сенату императорский указ об исправлении дома, предназначенного для Московского университета.

Дом этот стоял на месте нынешнего Исторического музея, у Воскресенских ворот Китай-города — у Курятных ворот, как именовались они раньше по причине своего соседства с царским хозяйственным двором. Корпус был строен «покоем» — имел форму буквы «П», и возраст его превышал полвека.

Располагались в нем Ревизион-коллегия, Провиант-контора, Главный комиссариат, а прежде, до московского пожара 1737 года, там находилась Главная аптека с Медицинской канцелярией. В доме рядом была Казанская австерия — питейное заведение, которое случалось навещать и государю Петру I. Австерия с годами обветшала, и ее разобрали, чтобы кирпич употребить на постройку здания для университетских служб.

Дом у Воскресенских ворот глядел фасадом на Кремль. Над главным с колоннами корпусом о трех этажах возвышалась башня, увенчанная высоким шпилем с орлом. Боковые корпуса

были двухэтажными. Против университетского дома, вправо от него, если смотреть с Красной площади, находился Ямской двор. Позже там устроили тюрьму. Несколько дней перед ссылкой в Сибирь провел в этой тюрьме Радищев. Во второй половине XIX века сюда еще сажали за долги, это и есть «яма», о которой упоминал в пьесах А. Н. Островский.

После того как дом был отведен университету, взялись за ремонт. Понадобилось настлать новые полы, исправить печи, переделать комнаты. Колонны также пришли в негодность, медные золоченые орнаменты осыпались. Но на их поправку времени уже не хватило — нужно было начинать занятия.

В починенном доме университет и гимназии получили двадцать аудиторий: три большие по четыре-шесть окон, а остальные маленькие, иные же темные чуланы, для обучения наукам непригодные. Кое-как удалось разместить здесь библиотеку, физический кабинет, анатомический театр, химическую лабораторию, типографию. Дом сразу оказался тесен, и уже в октябре 1755 года был прикуплен репнинский двор на Моховой улице, где и ныне стоит здание Московского университета.

Сенат ассигновал университету пятнадцать тысяч рублей в год. Императрица Елизавета сбавила до десяти. Нужную копейку приходилось потом испрашивать годами.

Выручали доброхотные жертвования. Горнопромышленник Демидов подарил двадцать одну тысячу рублей. Статский советник Авраам Сверчков по духовному завещанию оставил университету три тысячи наличными и на шестнадцать с лишним тысяч векселями, с тем чтобы эти деньги были отданы в рост под проценты, а когда дочка Сверчкова достигнет совершеннолетия, возвращены ей. Вдова действительного статского советника Наумова внесла тысячу рублей, и по этому поводу «Московские ведомости» писали: «Мы живем в такие счастливые времена, в которые не только мужской пол, но и дамы крайнюю склонность показывают к наукам».

Давать деньги в рост под проценты — занятие, предполагающее известное умение. Университетские чиновники навыком ростовщиков не обладали, а потому розданные деньги по ловкости кредиторов к ним не возвращались и заемное богатство таяло.

Университет подчинялся правительствующему Сенату и ни от кого другого повелений не принимал. Важной привилегией было то, что жалованье профессоров, учителей и студентов не подлежало вычетам и выдавалось на руки целиком. За проступки же их мог судить только университетский суд.

Директор университета Алексей Михайлович Аргамаков был человеком образованным и деятельным. Он служил офи-

цером, четыре года провел за границей, обучаясь языкам и наукам, и был подготовлен к новым обязанностям. Кстати сказать, Аргамакову принадлежал проект превращения Мастерской и Оружейной палаты в Кремле, где хранились царские короны, скипетры, оружие, драгоценная посуда, в музей, доступный для обозрения желающих к их удовольствию.

Над директором университета имели команду кураторы: управление строилось, «как в других государствах обычай есть». Кураторов было два — Иван Шувалов и Лаврентий Блюментрост, старый врач, первый президент Академии наук. Жили кураторы в Петербурге, вели управление по почте, а непосредственное руководство учебной и хозяйственной жизнью университета осуществлял директор, правда обязанный просить одобрения кураторов на каждый свой шаг.

К Алексею Михайловичу Аргамакову и пришли Новиковы на следующий день после приезда в Москву.

В директорской приемной лакеи у дверей держали на руках господские шубы. Просители попроще складывали на полу свои армяки, прислоняли к стене полушубки. Мальчики прижимались к отцам, смущенные строгостью казенного дома, но готовые начать возню, как только смягчится немного обстановка.

Директор неспешно обходил собравшихся, отвечал на вопросы отцов, приподнимал за подбородки мальчишеские головы и смотрел в глаза своим будущим воспитанникам.

— Куда бы вы желали определить вашего сына? — спросил он, подойдя к Новикову.

— В университет.

— А не молод ли он для университета? И знает ли язык латинский?

— Латинского не учил, а по-церковному читает не хуже нашего дьячка, да пожалуй, что и наставника своего превзошел, — ответил Иван Васильевич.

— Ну, это, наверное, не мудрено, — засмеялся Аргамаков. — Те же, кто хочет слушать профессорские лекции, должны сначала обучиться языкам и первым основаниям наук. На то и учреждены при университете две гимназии — одна для дворян, другая для разночинцев.

— В ученые мы не метим, — сказал Иван Васильевич. — Семья наша военная. Отец мой был полковником, я службу происходил на флоте, старший сын мой в армии, и второму, — он кивнул в сторону мальчика, — туда собираться пора.

— Военная служба — дворянский долг, — согласился Аргамаков, — священная, можно сказать, обязанность. И мудрый

законодатель о том подумал. В гимназиях наших на выбор четыре школы — российская, латинская, первых оснований наук и знатнейших европейских языков: немецкого и французского. И если вы не желаете сына своего обучать латинскому языку и вышним наукам, а намерены отдать в военную службу, будь же вы из разночинцев — то в купечество или к художествам, — на то есть школы европейских языков и оснований наук. Тем подается вам способ к обучению сына иностранным языкам или одной какой-нибудь науке, от которой ему в будущем состоянии его жития быть может некоторая польза.

— Польза будет немалая, — подтвердил Иван Васильевич. — Я думаю, что лучше всего придется школа европейских языков. Как ты полагаешь, Николай? — обратился он к сыну.

— Пустите меня по ученой части, батюшка, — попросил мальчик.

— Э, нет, голубчик. Ты записан в Измайловский полк, а после университета скоро выйдешь в офицеры, — возразил отец.

— Воля ваша, — сказал Аргамаков. — Извольте пойти к господину ректору гимназии. Он учинит мальчику экзамен.

3

Ректором гимназии был Николай Никитич Поповский, назначенный в университет из Петербургской академии наук вместе со своими товарищами — Барсовым и Яремским. Это были ученики Ломоносова. Окончив академический университет, они получили звания магистров, и по просьбе Шувалова их отпустили преподавать в Москву. Ломоносов сумел вложить в учеников любовь к просвещению, веру в творческие силы русских людей и вполне подготовил их к трудному учительскому пути.

Особо Ломоносов любил Поповского, чьи научные занятия дополнялись литературными трудами. Он перевел в стихах с французского языка «Опыт о человеке» английского поэта Александра Попа. Книга эта вышла в 1757 году в университетской типографии рядом с томами сочинений Ломоносова. Перевел Поповский также книгу Локка «О воспитании детей», переводил Горация, Анакреона, сам сочинял стихи, но в печать по скромности не отдавал.

Речью Поповского 26 апреля 1755 года торжественно открылись занятия в Московском университете — точнее, в его гимназиях.

Лекции по философии ректор начал читать на русском языке — поступок смелый и неслыханный. Языком науки был в XVIII веке латинский язык. Поповский оспорил европейскую традицию.

— Неверно, — говорил он, — будто излагать философию можно только на латинском языке. Неправильно думать, что философия своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может. Русский язык вполне для этого пригоден, а что касается до его изобилия, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою б по-российски изъяснить было невозможно.

Ученикам гимназии, слушавшим Поповского, речь его показалась убедительной: в самом деле, чтобы русские юноши могли познакомиться с философией, следовало излагать ее на понятном аудитории языке. Но коллеги Поповского — иностранные профессора — враждебно встретили это нововведение. Они утверждали, что легкость слушания философических лекций по-русски может отвратить студентов от занятий латинским языком, а знание-де латинского и есть главная цель учреждения университета.

Поповский не согласился с ними и прочитал по-русски весь курс философии, а текст его первой лекции Ломоносов отредактировал и напечатал в академическом журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Николай Новиков после беседы с ректором поступил в нижний класс российской школы. На первом году она была обязательна для всех учеников, ибо в ней обучали читать и писать на русском и латинском языках. Через год учеников, по желанию родителей, переводили в школы первых оснований наук, латинскую, европейских языков, либо оставляли в российской на продолжение курса. Русский язык преподавался и дальше во всех отделениях или школах. Иначе и не могло быть в учебном заведении, созданном по мысли и проекту Ломоносова.

Дом Новиковых за Серпуховскими воротами, близ церкви Екатерины Мученицы, был небольшим — всего пять комнат. Отец собирался строить новый. На дворе стояли отдельные постройки: людская изба, кухня, погреб, конюшня, амбар. Дом был окружен тенистым садом.

Отсюда, из Замоскворечья, со Вcполья, Новиков ежедневно хаживал в университет — мимо церкви Вознесения, через Казачью слободу, по Космодамианской улице, через Балчуг и Красную площадь к Воскресенским воротам. Тут, под стенами Кремля, шумел Китай-город, деловой и торговый центр Москвы. Дома тесно прижимались друг к другу. Ни огородов, ни палисадников.

С университетской башни Новиков смотрел на Москву. Кольцо Белого города обозначала стена, во многих местах разрушенная. Дальше виднелся еще обвод — Земляной город. Вперемежку собраны в нем дворцы, монастыри, церкви, избы, каменные дома, сараи. Летом постройки скрывались в зелени садов, на пустырях бродили коровы. Некоторые улицы были выложены бревнами, на остальных и в погожие дни грязь не просыхала. Неосторожный пешеход мог увязнуть по колено.

Вокруг Земляного города лежали слободы, замкнутые валом и рвом, наполненным водой. Это была граница города. Усадьбы и обывательские дома терялись среди лугов, озер и болотистых низин.

По соседству с университетом, на Никольской улице, находился дом Славяно-греко-латинской академии, где в свое время учились Ломоносов и Тредиаковский, а еще раньше была типография. В ней дьякон Гостунской церкви Иван Федоров и Петр Мстиславец печатали первые русские книги. Вдоль Красной площади тянулись ряды каменных лавок, а посредине, в деревянном сарае, стояли старые пушки, днем и вечером окруженные толпой ребятишек.

Новиков любил ходить по Москве, слушая уличные разговоры и запоминая виденное. Два щеголя наперебой рассказывают о своих любовных приключениях. Говорят они громко, бросая вокруг самодовольные взгляды. Молодцы в фартуках, расставив на легких козлах деревянные подносы, зазывают прохожих подкрепиться пирогами. Пожилой господин рассказывает собеседнику о том, как служил он в суде и сумел нажить триста душ крестьян. У дверей модной лавки на Тверской улице остановилась карета, запряженная четверкой лошадей, — степная помещица ведет к француженке выводок дочек, чтобы одеть их по последней моде, перенятой в Париже. Из переулка доносятся крики: «Ой, родненькие, не губите! Ой, больно!» Там секут за провинность дворового человека. Такие крики на Москве — да и по всей России! — не в редкость. Повсюду крепостные люди виноваты перед господами, и расчет с ними везде одинаков — розги да плети.

Да, в Москве было что послушать и посмотреть. Французский механист Демулен — его потом пригласили на службу в университет, и он оказался неслыханным бездельником и невеждой — в Немецкой слободе, в доме девицы Нагет, ежедневно показывал привезенные из-за границы курьезные механизмы и брал за смотрение по рублю с персоны. В том же доме немец звал посмотреть за полтину строение собора святого Петра в Риме. На Сивцевом Вражке в доме генерал-поручика Свиридова госпожа Камери родом с острова Мальта удивляла

своею силой. На грудь ее ставили наковальню, вкатывали бочку с водой, а человек, вскочив на ту бочку, делал фигуры...

Распорядок дня в гимназии был такой: утром занимались с семи до одиннадцати, потом перерыв на обед, а с двух до шести снова лекции и уроки языка.

Осенью и зимой темнело рано, и занятия после обеда продолжались только один час, так что многие ученики, отсидев утро, больше в гимназию в тот день не заявлялись. Университетские сторожа спускали собак, охранявших дом, и они бешено лаяли на прохожих, угрожая клыками. Небезопасно было и от лихих людей. Близ университета убили типографского ученика Петра Колмогорова. Чем надеялись поживиться у мальчика? Ходил он в чужих портах, завязывая их под мышками, в крашенинном кафтане... Кто был одет побогаче, совсем перетрусили.

Ученики гимназии состояли в кровной вражде с титулярными юнкерами — с учениками коллегий, будущими чиновниками. Где встретят юнкера гимназические ученики — изобьют Лавливали юнкеров и университетские Однажды летом несколько десятков мальчишек затеяли побоище близ Никольского моста в кремлевском рве, где росли яблони и вишни. Их, конечно, обирали зелеными, и университетские привыкли считать это своей привилегией, юнкера же ее нарушали. Проломленные головы в столичном городе выглядели непорядочно, а потому вышняя власть — Сенатская контора — провела следствие и наказала зачинщиков.

Каникулы у студентов и учеников гимназий бывали два раза в год — с 18 декабря по 6 января и с 10 июня по 1 июля. Казалось бы, времени на отдых давалось немного и год должен быть очень напряженным. Однако так только казалось. Профессора подсчитали, что большинство учеников занимается лишь тридцать-сорок дней в году. Очень многие заявляли о болезнях, мешающих им посещать классы, но главным злом были семейные праздники, которые справлялись раз или два каждую неделю. На уроки оставалось совсем мало времени.

Для дворянских сыновей университетская гимназия была способом избавиться от обязательной военной службы. Им представлялись привилегии и льготы, а записанным с детства в полки шли очередные чины. Указ 18 мая 1756 года предписывал всех недорослей из шляхетства, которые пожелают поступить в университет, принимать непременно.

Оттого и бывало, что какой-нибудь князь Александр Маметов числился четыре года в нижнем французском классе, занятий не посещал, никаких успехов оказать не мог, а отсидев свое время, просил о выключке. Николай Фиглов провел

четыре года в гимназии с таким же результатом, Иван Позняков за два года едва месяц ходил в классы. Братья Воейковы, Федор и Михаил, о чьем поведении ничего худого сказать нельзя, за полтора года едва выучились начаткам латинского языка и арифметики — ленились, значит, или неспособны. Конференция профессоров каждую неделю разбирала просьбы нерадивых учеников об отчислении и освобождала их.

Плохая подготовка университетских учеников привлекла внимание куратора Шувалова. Он в 1761 году предписал директору университета выдавать аттестаты уходящим только дважды в год и в них прописывать, что именно каждый знает, а не то, что он «прилежно обучался», как пишут обычно. «Можно прилежать, — объяснял Шувалов, — но за неимением понятия ничего не знать».

Наказаний нерадивым ученикам было предусмотрено немало, и делились они на шесть градусов, или разрядов, от словесного увещания до выключки из гимназии, что определял университетский директор. Регламент предусматривал: если ранее принятые меры не помогут, «такого непотребного ученика выключить и при всех прочих учениках чрез сторожа выбить из гимназии».

...«Выбить» — серьезный глагол!

Ленивого ученика заставляли носить изображенного на дощечке осла, били дубовою линейкою по ладони. Третий градус — урок учить на коленях. Четвертый — порка, что полагалось за великие продерзости, упрямство и ослушание. Однако в этом градусе наказывали две гимназии по-разному: подлых, то есть разночинцев, секли, оголив зады, розгами, а в дворянских классах указано бить по штанам линейкою. Дворянину не полагалось испытывать на своем благородном теле, что такое розга, даже педагогическая. Вероятно, многие дворяне-ученики знакомились с нею в домашней обстановке — вряд ли подмосковные помещики столь тонко понимали свои сословные привилегии, что остерегались пороть непослушных сыновей, — но учение дело государственное, и тут дворян трогать нельзя.

Фонвизин закончил латинскую школу дворянской гимназии. На склоне дней, вспоминая пережитые годы, он говаривал, что учились в его время весьма беспорядочно, ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой — нерадение и пьянство учителей. Лишь профессор Шаден отлично преподавал курс логики на латинском языке, объяснения его были внятны, и ученики знали предмет. О других иностранных профессорах, к сожалению, сказать этого нельзя. Например, Филипп-Генрих Дильтей был одним из тех иностранцев, которые прибыли в Россию за легкими деньгами.

Тиролец по происхождению, он служил адвокатом и через своего родственника получил приглашение занять кафедру права в Московском университете. Профессорского жалованья — 600 рублей в год — ему показалось мало, и Дильтей взялся за частные уроки. Он преподавал что угодно — географию, универсальную историю, геральдику, юриспруденцию и даже греческий язык.

Учитель Новикова во французском классе Николя Билон был в некотором роде человеком знаменитым, ибо его денежные затруднения послужили поводом для сенатского указа.

Билон занял деньги у московских ростовщиков по двум векселям — жалованье учителям младших классов полагалось небольшое, всего сто двадцать рублей в год, — и к сроку отдать не сумел. Городской магистрат посадил его в долговую тюрьму. Это было нарушением университетских прав — членов ученого корпуса мог судить только суд их товарищей.

Директор тотчас донес о таковом происшествии куратору Шувалову, а тому не составило большого труда добиться от Сената нового указа в поддержку университетских привилегий. 22 декабря 1757 года указ этот разослали во все судебные места, чтобы после никто неведением отговариваться не мог.

Во втором классе Билон отметил Новикова в числе самых лучших учеников. Университетская газета «Московские ведомости» печатала списки студентов и учеников гимназии — награжденных, переводимых из класса в класс и отчисленных. В номере газеты за 12 мая 1758 года Новиков увидел свое имя на газетной полосе.

4

В декабре 1759 года директор университета Иван Иванович Мелиссино — Аргамаков умер, пробыв лишь два года в своей должности, — отправился в Петербург. С собою он взял десять учеников гимназии, чтобы представить их куратору Шувалову и похвастаться плодами университетского просвещения.

Среди избранных были братья Денис и Павел Фонвизины. Они пробыли в столице несколько недель. Возвратившись в Москву, Денис Фонвизин с увлечением рассказывал приятелям о виденных им чудесах, о настоящем театре и об актерах, с которыми он свел знакомство.

— И вот директор повел нас к Шувалову, — говорил Фонвизин. — Вельможа принял всех весьма милостиво, а меня оглядел особо и подвел за руку к человеку, в котором угадал я кого, как вы думаете?

— Графа Разумовского, — ответило несколько голосов.

Фонвизин засмеялся.

— Видно, что вы далеко от столицы живете и по-деревенски судите. Разумовский никогда к Шувалову не поедет, ведь они...

Фонвизин оглянулся и приложил к губам палец.

— Словом, не угадали, и больше пытать не буду. Меня представили Ломоносову.

— Ты видел самого Ломоносова! — воскликнул Новиков.

— Как вижу тебя. А что ж тут диковинного? — Фонвизин прикрыл свою гордость небрежным тоном. — Он спросил меня, чему я учился. «Латыни», — ответил я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с превеликим красноречием.

— Латинский язык, спорить нечего, нужен, — сказал Новиков, — но и русскому не худо бы нам учиться побольше. Стыдно не знать отечественного наречия.

— В Петербурге, — возразил Фонвизин, — говорят по-французски, вернее, стараются говорить. Мы были с директором во дворце. Везде сияющее золото, огромная музыка, люди в голубых и красных лентах — первые чины империи. А в разговоре все с русского на французский перескакивают.

— Я бы, кажется, вовек из дворца не ушел, — мечтательно сказал Василий Рубан. Он был беден, учился в разночинской гимназии на своем коште с превеликим усердием, а в свободное время пробовал сочинять стихи.

— Французский-то язык и у нас, на Москве, в ходу, — заметил Новиков. — Плохо то, что рядом с ним и русский коверкают. Щеголи и модницы говорят на своем языке, чему не у Ломоносова учивались. Намедни слышал я разговор. Жаловалась госпожа на мужа — любит он ее, а это, мол, неприлично... «Муж, — говорит, — расстроен от жены, это-де, радость, гадко. Как привяжется он ко мне со своими декларасьонами да клятвами в любви, я сперва прошу его отцепиться, а после резонирую, что стыдно и глупо мужу быть влюбленным в свою жену. Он не верит, и мне одно средство — упасть в обморок». В модном языке есть и русские слова, да в каком-то другом значении. Маханье, например, — что такое?

— Ну, это просто, — ответил Павел Фонвизин. — Махать за кем — ухаживать, строить куры.

— Какие еще куры? — спросил Рубан.

— Это слово из женского щегольского наречия, — пояснил Павел Фонвизин. — По-французски faire la coure — то есть влюбляться, ухаживать. Теперь все чаще так говорят, скоро мы к такой речи привыкнем.

— И сами так изъясняться будем? — спросил Новиков. — Уволь, братец, от столь мрачных предвещаний. Русский язык надобно нам беречь и правильные его образцы распространять печатно, чтобы читатели их запоминали и от писателей доброму бы научались.

— Какие у нас писатели? — с горечью сказал Рубан. — Кто может на рифмах связать «байка, лайка, фуфайка», тот уже печатает оды, трагедии, которые полезно читать лишь тому, на кого рвотное лекарство не действует.

— Ты, наверное, про свои стихи говоришь? — спросил Павел Фонвизин.

— Не задирайся, Павел, — остановил брата Денис Фонвизин. — И ты, Василий, не горячись, шутка — не обида. Лучше послушайте, какую вам скажу новость. Директор наш говорил Шувалову, будто Московский университет начинает выпускать свой журнал.

— Об этом и здесь молва идет, — сказал Новиков. — Пример Александра Петровича Сумарокова и журнала его «Трудолюбивая пчела» ободряет наших начальников, особливо асессора Хераскова, — ведь он и сам пишет немало.

— Херасков — господин весьма скучный, — сказал Фонвизин. — Таким будет и журнал его. А мне подавай остроты и соли!

— Тогда читай Сумарокова, — посоветовал Новиков и наставительно прибавил: — Каждый писатель должен иметь два предмета: первый — научать и быть полезным, и второй — увеселять и быть приятным. Но тот писатель будет превосходнее, который сумеет оба эти предмета совокупить во единый.

— И это все, что ты видел в столице? — спросил Фонвизина Рубан.

— Вы мне сказать не даете главного! Ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр. Ведь я увидел его в первый раз! Играли русскую комедию «Генрих и Пернилла». Актер Шумский так своими шутками смешил, что я хохотал до упаду. Комедианты были вхожи в дом дядюшки моего. И я свел знакомство с Федором Григорьевичем Волковым, первым актером российского театра. Видел я и Ивана Афанасьевича Дмитревского на сцене, случалось говорить с ним. Вот прямо редкие люди — умные, честные, знающие!

— Что же тебя удивило? — спросил Новиков. — В каждом сословии есть умные люди. Не на одних дворянах свет клином сошелся.

— Я так и не думаю, — обиженно сказал Фонвизин.

— А я знаю об этом, — сказал Новиков, и тема разговора была исчерпана. Ученики разошлись по классам.

При университете в доме у Воскресенских ворот два немца, Вевер и Школарий, содержали книжную лавку, единственную в Москве, и Новиков любил туда захаживать. На прилавках и полках там располагались книги, глобусы, математические инструменты, ландкарты. Книги были немецкие и французские — русских изданий выходило еще немного.

Вевер иногда заказывал студентам университета переводы иностранных книг и потом печатал их. Денис Фонвизин рассказывал, что перевел для него басни датского писателя Гольберга, за что получил на пятьдесят рублей книг, и звал посмотреть соблазнительные эстампы, уверяя, что картинки всем, кто видел, очень нравятся. Новиков смотреть эстампы не пошел, но долго толковал с Вевером, расспрашивая, где он печатает книги, хорошо ли они покупаются, какие больше приходятся на вкус публике и сколько дохода могут принести.

Он читал журналы. С января 1759 года в Петербурге стали выходить два — «Трудолюбивая пчела» и «Праздное время, в пользу употребленное». Имя Александра Петровича Сумарокова, драматурга и поэта, было известно любителям словесности. Ныне он выступил на поприще журналистики. Его «Трудолюбивая пчела» была первым журналом, который издавался частным лицом, писателем. Выходивший с 1756 года журнал «Ежемесячные сочинения» служил органом Академии наук, учреждения правительственного.

Сумароков выражал собственные мнения, не спрашивая, что кому нравится. А нравились его сатиры не всем. Он посвятил «Трудолюбивую пчелу» жене наследника престола Екатерине Алексеевне и сделал это, намереваясь показать, что от будущих русских монархов ожидает внимания к просвещению и искусству, чего не видели они со стороны Елизаветы Петровны и ее двора.

Человек резкий, прямой, неуживчивый, но предельно честный, Сумароков искренне заботился об успехе просвещения, больше всего любил театр и литературу. Он полагал, что общество в целом-то устроено правильно: крестьяне работают в поле, дворяне управляют, купцы торгуют, священники молятся — каждому свое. Все сословия полезны в государстве, крестьяне — также дети отечества.

Крепостное право необходимо, думал Сумароков, иначе кто же будет кормить дворян? Освобождать мужиков нельзя — они не знают, что делать со своей свободой, это люди совсем неразумные. Образованные дворяне должны ими руководить. Но крепостной не раб, а человек. Во всем, как живое существо, он подобен своему господину. Система выходила сложная, но Сумароков не мог понять и устранить ее противоречий.

Он писал о Мечтательной стране, где люди не ведают ни благородства, ни подлородства и крестьянский сын столько же имеет права, сколько сын первого вельможи. Тамошний государь преследует беззакония и отлично умеет выбирать себе помощников. В его совете собраны самые достойные люди.

Новиков очень уважал Сумарокова как писателя и внимательно читал статьи «Трудолюбивой пчелы».

Когда Новиков учился в дворянской гимназии, университетской типографией, библиотекой и пожарным обозом заведовал асессор Михаил Матвеевич Херасков, поэт и драматург. Херасков окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Петербурге, где раньше получил образование Сумароков, недолго побыл в армии, а как открылся Московский университет, перешел туда и с некоторым перерывом прослужил в университете более сорока лет.

Херасков искал средств усовершенствовать человеческую натуру, проповедовал добродетель и был настойчив в попытках направить окружающих на путь справедливости и добра. По всему выходит, что Херасков уже в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов сделался масоном. Он, вероятно, вступил в орден еще в Петербурге и теперь искал в Москве себе единомышленников. Университетская молодежь ценила его литературное дарование и уважала в нем бескорыстную любовь к наукам и просвещению.

Из бесед и споров в московском доме Хераскова — он принадлежал к богатой и знатной семье, мать его, оставшись вдовой, вышла замуж за князя Никиту Трубецкого, Юрий и Николай Трубецкие были его братьями — возникла идея литературного журнала. Херасков взял на себя обязанности редактора и с 1760 года наладил издание журнала в университетской типографии.

Журнал был назван «Полезное увеселение» и выходил ежемесячно. На его страницах печатались молодые авторы из кружка Хераскова — братья Нарышкины, Алексей и Семен, братья Денис и Павел Фонвизины, Ипполит Богданович, Алексей Ржевский, Сергей Домашнев и другие. Сам издатель помещал в журнале стихи, статьи и для каждой книжки строго выбирал материалы в нравственном духе.

Участники «Полезного увеселения» не выработали какой-то политической программы да и не предполагали, что она может быть необходима. Но их умонастроение и редакторский отбор Хераскова сказывались на содержании нового журнала.

Журнал был против тиранства и деспотизма, против волчьей жадности вельмож, тесной толпой обступивших престол

Елизаветы Петровны. Членам кружка рисовалось счастливое братство независимых дворян, образованных людей с твердыми моральными принципами, верующих в бога, но не связанных выполнением церковных обрядов.

По-видимому, кружок Хераскова и морально-религиозные взгляды авторов журнала вызывали у властей подозрения. Желание познать самого себя, углубиться в духовный мир настолько противоречило поискам удовольствий, захватившим светское общество, стремлениям разбогатеть и подняться в чинах, что скромные цели университетских литераторов могли показаться даже опасными.

5

Наконец гимназическое учение принесло свои первые плоды. Окончивших курс настало время переводить в студенты университета.

В день годовщины коронации Елизаветы Петровны, 27 апреля 1759 года, ученики и преподаватели собрались к дому на Моховой и в чинном порядке, парами отправились в Казанский собор, что у Воскресенских ворот. Впереди шли нижние классы, затем средние и вышние, потом студенты, потом директор Мелиссино, асессор Херасков, профессора и магистры. Отстояли молебен, в том же строю возвратились обратно.

После обеда в Большой аудитории — публичное собрание. Присутствовали духовные особы во главе с митрополитом и множество знатных светских персон. Профессор Керстенс произнес на латинском языке мудреную речь о том, что имеющаяся в человеческой душе сила сопротивления есть причиною многих человеческих действий. Мало кто понял витиеватые рассуждения опытного оратора, но впечатление учености запомнилось. Дальше выступали студенты: Федор Пушкин — на английском, Егор Булатницкий — на итальянском, Ростислав Татищев — на немецком, Аркадий Марков — на французском, Дмитрий Аничков и Матвей Елисеев — на российском.

От имени восемнадцати учеников Яков Булгаков просил ректора Шадена о производстве их в студенты. Шаден ответил длинной латинской речью, а в заключение вручил шпаги тем из новых студентов, кто раньше не имел права на них по своей неблагородной природе, — разночинцам. Шпага составляла принадлежность парадного облачения студентов. Опять произносились благодарственные речи, ученикам раздавали книги и медали, потом был исполнен серенад сочинения университетского капельмейстера Дуни. Приглашенные были уго-

щены ужином на сто персон, а ночью горела иллюминация изобретения философа адъюнкта Рости.

Новиков весь день провел на университетском торжестве. Награды ему не причиталось, но он радовался отличным речам приятелей — Аничкова и Булгакова, не предвидя, что собственное его учение близится к концу.

Ректор гимназии давно жаловался на пропускающих уроки учеников. Список их все увеличивался. Дисциплинарные меры не помогали.

Новиков на третий год своего пребывания во французском классе вдруг перестал посещать занятия. Вероятно, болезнь отца или матери потребовала его приезда в Авдотьино, а по юношеской небрежности он не сообщил в гимназию о вынужденном пропуске. За это и пришлось ему поплатиться.

На конференции, то есть на заседании дирекции совместно с профессорами, в январе 1760 года было решено просить директора наказать нерадивых. Пока составлялись списки, прошло три месяца, и 28 апреля в приложениях к «Московским ведомостям» были напечатаны фамилии исключенных.

Среди них под номером двадцать вторым значился Николай Новиков. Рубрика гласила: «За леность и нехождение в классы». Однако в протоколе конференции, состоявшейся 3 июня 1760 года и подтвердившей распоряжение директора, было сказано яснее. В этом списке первым назван Андрей Рахманов — он «за отлучку, о которой никого не предупредил, исключен, и его имя пропечатано в газете». О Новикове же сказано: «idem», по-латыни «то же самое», исключен за отлучку, о которой не предупредил. Легенда о лености напрасно порочила память писателя: вовсе не она была причиной того, что Новиков покинул гимназию.

Глава II.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПОЛК

Достойно села ты на троне...
В. Майков

1

У фельдмаршала Апраксина при обыске нашли письма великой княгини Екатерины Алексеевны. Вслед за этим был арестован канцлер Бестужев. Его объявили крайним злодеем. Потом взяли Елагина, Адодурова, брильянтщика Бернарди — людей, с которыми дружила Екатерина.

Кольцо вокруг великой княгини было сомкнуто. Оставалось ждать признаний арестованных, находки тайных бумаг, следствия, пыток и казней...

Бестужев мог рассказать о плане, с которым он не раз подходил к Екатерине, чтобы царствовать ей вместе с мужем после смерти Елизаветы Петровны. Себе канцлер брал председательство в трех коллегиях: иностранной, военной, адмиралтейской, и чин подполковника в четырех гвардейских полках. При таком порядке царствующим супругам оставалось бы власти всего ничего. Екатерина поняла политикана, но не отвергла его предложений, потихоньку с ним торговалась. Проекты были не словесные, а на письме. Ну как отыщутся! Страх!

Было и сердечное горе — имя любовника Екатерины поляка Станислава Понятовского, служившего в свите английского посла Вильямса, наверняка попадется в бестужевских бу-

магах. Арестант Елагин состоял его другом. Понятовский — иностранец, пытать не посмеют, но уехать ему придется, и что тогда?..

Внешняя политика России при Елизавете Петровне определялась союзом с Австрией, направленным против турок. Швеция после военного разгрома в Северной войне не внушала тревоги. Врагом показала себя Франция, однако Россия с ней общих границ не имела.

Наибольшую опасность для России несла сильно возвысившаяся Пруссия Фридриха II. Войска прусского короля захватывали приграничные области своих европейских соседей. Австрия и Франция объединились для войны с Пруссией, и Россия примкнула к их союзу. В августе 1756 года, после того как прусская армия заняла Саксонию, союзники выступили против Фридриха. Через год русская армия под командованием фельдмаршала Апраксина двинулась на Кенигсберг и разбила пруссаков у деревни Гросс-Егерсдорф.

Война эта, получившая название Семилетней, оказалась затяжной и трудной для России. Елизавета Петровна хворала, дни ее, казалось, были сочтены. Престол переходил к наследнику Петру Федоровичу. Тот, кто выигрывал сражения у Фридриха, мог сильно потерять в глазах его поклонника, будущего русского императора, и такой беды никто на себя накликать не хотел.

Старый придворный полководец фельдмаршал Апраксин именно так понимал обстановку. После победы над пруссаками при Гросс-Егерсдорфе не повел он армию преследовать противника, остался на месте, а затем и отступил поближе к русским границам, ссылаясь на недостаток продовольствия и фуража. Военный совет подтвердил решение командующего — и случай покончить с Фридрихом был упущен.

В Петербурге поведение Апраксина сочли подозрительным и приняли меры: фельдмаршал был арестован, и заменил его генерал Фермор.

На балу в тот день, как схватили Бестужева, Екатерина смело подошла к членам следственной комиссии князю Трубецкому, фельдмаршалу Бутурлину и спрашивала их, в чем обвиняется канцлер. Оба ответили, что им приказано было арестовать Бестужева, а теперь другие люди будут искать причины ареста и найдут их.

Екатерина провела мучительную ночь. Но Бестужев — старая лиса! — оказался проворнее своих сторожей и прислал верного человека известить Екатерину, что он успел сжечь все экземпляры проекта о престолонаследии. Подозрения неизбежны, однако документов не существует.

У Екатерины отлегло от сердца. На всякий случай она сожгла свои бумаги и села обдумывать положение.

На что можно было надеяться ей, немецкой принцессе, которую муж ненавидит, императрица осуждает за тайное участие в политике, следственная комиссия будет обвинять в секретной переписке с фельдмаршалом Апраксиным, с канцлером Бестужевым, наконец, с прусским королем, ведущим войну против России? Неужели впереди позор, гибель друзей, изгнание?.. Но куда? В Пруссию?!

Дойдя в своих соображениях до этого пункта, Екатерина подняла голову. Ей представился отчаянный ход, которого никак не могли ждать ее противники. В европейских государствах не бывало еще случая высылки жены наследника престола по недоказанным — и недоказуемым, Екатерина была в этом уверена! — обвинениям. Конечно же, Елизавета Петровна не пойдет на международный скандал. А если так, то нужно действовать и держаться храбрее. Не зря Бестужев в последней записке советовал ей поступать с твердостью.

Надо рискнуть...

Екатерина взяла бумагу, перо и сочинила письмо императрице. Характер своего адресата она знала.

...Государыня милостива к ней, но, видно, Екатерина ласки не заслужила и одарена не по заслугам — великий князь ее не любит, императрица гневается. Заставляют безотлучно сидеть в комнате, самые невинные развлечения запрещены. Детей своих не видит, хотя и живет с ними под одной крышей. Здоровьем совсем ослабла, конца опале не предвидится — не лучше ль отпустить ее, великую княгиню, домой, в Германию? А дети... Что же, императрица заботится о них, да и впредь своим попечением не оставит.

Екатерина писала это, зная, что ехать ей некуда. Отец давно умер, мать с любовником жила в Париже, одалживая деньги у кого придется в ожидании, что дочь заплатит русским рублем. В герцогстве Ангальт-Цербстском стояли войска прусского короля, и брат Екатерины, бывший владетельный герцог, бежал в Гамбург.

Императрица прочитала письмо, но проходили дни, затем недели — ответа не было.

Екатерина сделала новый ход.

Она сказалась больной, твердила, что умирает, и послала за священником государыни, исповедаться и причаститься, уверенная, что Елизавете сейчас же о том доложат.

Исповедь длилась долго. Священник покинул больную, убежденный в ее невиновности, и пошел с докладом. Императрица согласилась принять невестку на следующую ночь.

Накануне, апрельским вечером, Екатерина встала с постели, оделась, тронула пудрой бледное лицо. Она собралась очень рано — минуты текли, а за ней никто не приходил. Екатерина легла на кушетку и задремала.

В половине второго ее разбудил Александр Шувалов.

— Государыня вас ожидает, — сказал он.

Екатерина мгновенно стряхнула сон. Разговор определял судьбу — и она была к нему готова.

В дворцовом коридоре встретился Петр Федорович. Супруги, не видевшиеся много дней, молча раскланялись и пошли рядом. Екатерина знала, что муж поверил в ее болезнь и не скрывал своей радости. Он громко обещал Елизавете Воронцовой, что женится на ней после смерти Екатерины.

Шувалов привел их в туалетную. Четыре свечи отражались в зеркалах, бесконечно умножаясь числом, тускло блестела золотая умывальная посуда. Часть комнаты напротив окон была отгорожена тяжелым занавесом. Перед ним высилась императрица в парадном платье.

Занавес качнулся. Екатерина не удивилась — Иван Шувалов должен был тайно участвовать в этом свидании. Наверное, и Петр Шувалов прятался вместе с ним за складками парчовых полотнищ.

На туалете Екатерина увидела свернутые в трубку бумаги. «Письма», — сообразила она и, как было задумано раньше, с плачем бросилась на колени перед Елизаветой.

— Ваше величество, отпустите меня домой, здесь я всем не мила!

Елизавета казалась более огорченной, чем разгневанной.

— Как же мне отпустить тебя? — сказала она со слезами на глазах. — Вспомни, что у тебя есть дети!

— Дети мои у вас на руках, — с живостью ответила Екатерина, — им нигде не может быть лучше, и я надеюсь, что вы их не покинете!

— Конечно, нет. Но что подумают при дворе и в Европе, узнав, что я тебя отпустила?

— Объявите, чем я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя.

— А чем ты будешь жить у своих родственников?

— Тем же, чем жила и прежде, когда не имела чести быть вызванной в Россию.

— Кто там у тебя остался? — спросила Елизавета. — Твоя мать в бегах, она живет в Париже и, надо сказать, мотает деньги без счету.

— Но ведь прусский король преследует мою мать за ее приверженность к интересам России и к своей дочери, — воз-

разила, плача, Екатерина. Она поняла, что нашла верный тон и сумела парировать укол.

— Встань же, — сказала Елизавета, — а то я буду сердиться.

Екатерина повиновалась.

— Бог свидетель, как я плакала о тебе, когда ты заболела по приезде в Россию. Если бы я тебя не любила, я отпустила бы тебя в то время.

Императрица оправдывается перед ней!

Екатерина принялась благодарить государыню, уверяя, что ее доброта превосходит все на свете. Однако тут же получила острую дамскую шпильку от собеседницы.

— Ты чрезвычайно горда. Вспомни, как однажды в летнем дворце я подошла к тебе и спросила, не болит ли у тебя шея. Ты мне едва поклонилась, конечно, из гордости.

— Боже мой! Это было четыре года назад! Неужели ваше величество помнит этот случай! Чем же я могу гордиться перед вами?

— Ты воображаешь, что нет на свете человека умнее тебя, — сказала императрица и отошла к Петру Федоровичу и Александру Шувалову. Они громким шепотом начали говорить Елизавете в оба уха. Екатерина услышала фразу мужа: «Чрезвычайно зла и чересчур много о себе думает», — и громко ответила ему:

— Я рада сказать в присутствии ее величества, что действительно очень зла против тех, которые советуют вам делать несправедливости.

— Ваше величество, — залопотал Петр, — видите сами, какая она.

Елизавета знала цену своему наследнику и в записках Разумовскому именовала его «проклятый мой племянник». Подойдя к Екатерине в упор, она сказала:

— Ты мешаешься во многие дела, которые до тебя не касаются. Я не смела этого делать во времена императрицы Анны. Как ты могла посылать приказания фельдмаршалу Апраксину?

Долгим кружным путем подходила Елизавета к главной теме разговора и, наконец, добралась до нее. Политическая интрига — вот в чем была соль!

Екатерина, ломая руки, клялась, что никаких приказаний она Апраксину и не думала пересылать, что ее обвиняют напрасно.

Императрица, глядя на нее, невольно вспомнила свой последний разговор с российской правительницей Анной Леопольдовной. Тогда она сама тоже все отрицала и заставила пове-

рить себе. Неужели перед нею стоит женщина, которую нужно бояться? Счастье, что догадались арестовать Бестужева! Вдвоем они были бы очень опасны. Да в придачу к ним Апраксин — глуп, вороват, ленив, но ведь в его руках армия.

— Как ты можешь отпираться, когда твои письма лежат на моем туалете? — презрительно сказала Елизавета.

— Ах! — воскликнула Екатерина. — В самом деле, я трижды писала Апраксину, зная, что мне вообще запрещено посылать письма кому бы то ни было. Но ведь это были обычные поздравления, и лишь в одном письме я просила фельдмаршала аккуратно выполнять ваши приказания и вовсе не давала ему своих.

— Бестужев говорит, что писем твоих было много.

— Если Бестужев говорит это, он лжет.

— Посмотрим, — сердито сказала Елизавета. Разговор возбудил в ней беспокойство. — Бестужев обличает тебя, и я велю его пытать.

Угроза не испугала Екатерину. Она видела, что императрица точными сведениями не располагает.

— Как угодно будет вашему величеству. Так или иначе я писала Апраксину только три письма и содержание их вам ведомо.

Наступила пауза. Воспользовавшись ею, Петр Федорович бросился на Екатерину со своими упреками. Он болтал вздор, не замечая хмурого взгляда императрицы, повторяя, что согласен отпустить Екатерину, но не может жить один, что ему придется снова жениться и он знает, кого ему следует взять и кто будет лучше гордячки Екатерины.

Александр Шувалов переглянулся с императрицей. Было очевидно, что Петр говорит о Елизавете Воронцовой и что он вряд ли мог выбрать более неудачную обстановку для своей болтовни. Выдвижения Воронцовых во главе с Романом Михайловичем, отцом фаворитки великого князя, Шуваловы допустить не могли и не хотели. Думая очернить Екатерину, Петр спасал ее.

Екатерина спокойно защищалась от бессвязных нападок мужа. Императрица снова убедилась, как нескладны речи ее племянника, и оценила выдержку Екатерины. Она подошла к ней и вполголоса сказала:

— У меня много еще о чем говорить с тобой, но сейчас не могу, вы еще больше рассоритесь.

— Мне крайняя нужда открыть вам мою душу и сердце, — шепотом отвечала Екатерина.

Она твердо знала, что грозу удалось отвратить, и легкой походкой вышла из комнаты вслед за мужем.

2

Между тем война с Пруссией продолжалась. Союзники — Австрия, Швеция, Франция, Россия — были недовольны друг другом, не рисковали деньгами и солдатами. Фридрих, отлично осведомленный о раздорах в стане противника, искусно лавировал и находил пути к спасению. Частные цели, которые преследовались каждым союзником, мешали достижению общей — разгрому Фридриха II.

Русская армия одержала ряд блистательных побед над пруссаками, побывала в Берлине, казалось, конец войны близок.

Однако ратный труд русских солдат и военачальников стал напрасным. Императрица Елизавета Петровна 25 декабря 1761 года умерла. На трон вступил государь Петр Федорович.

Он поспешил закончить Семилетнюю войну.

Все завоевания России были утеряны.

Жалкий полупьяный недоросль, голштинский прапорщик по кругозору, ненавистник России, фанатично преданный прусскому королю, Петр Федорович менее кого-либо другого подходил для роли российского императора, но волею обстоятельств должен был исполнять ее в течение полугода. Продолжать непристойную комедию власти ему не позволила собственная супруга Екатерина Алексеевна.

Раньше Петр Федорович играл фарфоровыми солдатиками, не жалея разбивать фигурки тех, что назывались убитыми. Ныне пришел ему час играть живыми гвардейцами, командовать маршировкой, парадами, приказывать генералам и публично пить здоровье обожаемого Фридриха II.

Будущий сотрудник новиковских изданий, в ту пору офицер Андрей Тимофеевич Болотов по приезде своем в Петербург наблюдал церемонию вахтпарада при новом императоре и оставил рассказ о ней в своих записках.

Из окна дома, в котором он квартировал, Болотов увидел батальон гвардии, распудренный, одетый в новые кургузые мундиры прусского образца, только что введенные Петром III для русской армии. Перед первым взводом шагал низенький и толстенький старичок с эспантоном — палкой, обозначавшей офицерское достоинство, — и в мундире, унизанном золотыми нашивками, с голубою лентой через плечо — знаком ордена Андрея Первозванного.

— Это что за человек? — спросил Болотов у стоявшего с ним рядом князя Урусова.

— Как, разве вы не узнали? Это князь Никита Юрьевич.

— Никита Юрьевич? Неужели Трубецкой?

— Точно так, — ответил князь.

Болотов удивился.

— Что вы говорите? — воскликнул он. — Господи помилуй! Как же это? Князь Никита Юрьевич был у нас генерал-прокурором и первейшим человеком в государстве. Разве нынче он не тот?

— Он по-прежнему генерал-прокурор, но сверх того недавно пожалован фельдмаршалом.

— Умилосердитесь, государь мой, — сказал Болотов. — Я, как и все, считал его дряхлым стариком, отягощенным болезнию ног. Ведь по этой причине он и во дворец и в Сенат по нескольку недель не ездил.

— О, — отвечал, усмехаясь, Урусов, — это было во время оно, а ныне у нас и больные и здоровые, молодые и старички поднимают ножки, маршируют и так же, как и солдаты, хорошенько месят грязь.

Государь послал к Фридриху II своего любимца Гудовича с уверениями в преданности и дружбе. В ответ Фридрих отправил в Россию полковника Гольца, и этому пруссаку Петр III приказал подготовить проект мирного договора.

Гольц сам не стал ничего писать, тотчас же снесся с Берлином, получил оттуда текст, составленный под диктовку прусского короля, представил Петру III — и документ получил его утверждение.

По мирному договору Фридриху возвращались все земли, занятые в войну русскими полками, Россия и Пруссия заключали между собой союз, обязываясь помогать друг другу при нападении третьей стороны.

Фридрих II находился в самом отчаянном положении, он готов был пожертвовать многим, чтобы спасти хоть что-нибудь из своего королевства, и даже мог отдать России Восточную Пруссию — правда, надеясь при этом поживиться за счет Польши. Ему никогда не снилось, что русский император пренебрежет победами своей армии. Недаром Фридрих после заключения мира так охотно поднимал на торжественных обедах тосты в честь русского императора, приговаривая, что он «не может довольно часто пить столь дражайшее здоровье».

Оценивая этот позорный для России мир, поэт Александр Сумароков писал:

Российски лавры увядали
И отдавалися врагам,
Которых россы побеждали,
Повергли россов к их ногам.

Совершив столь решительный поворот во внешней политике, ставши другом заклятого врага России, новый император

занялся политикой внутренней. Он приказал вернуть из ссылки знатных иноземцев, отправленных в Сибирь покойной государыней за политические интриги и корыстолюбие, — Миниха с сыном, семью Лилиенфельда, хирурга Лестока. Им покупали дома, возвращали имения. Только Бестужев, бывший канцлер, высланный Елизаветой, продолжал оставаться в своем поместье — царская милость его не коснулась.

Ближайшими советниками государя стали его родственники — прусский генерал принц Георг, ныне генерал-фельдмаршал и полковник лейб-гвардии Конного полка, и принц Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский, фельдмаршал и командующий войсками в Петербурге, Ревеле, Нарве, Эстляндии и Финляндии. Составлением указов занимался тайный секретарь Дмитрий Волков, великий дока по письменной части.

Одним из произведений Волкова был манифест о вольности дворянской. Документа этого ждали: русское дворянство давно тяготилось обязательной службой.

«При Петре I, — говорилось в манифесте, — дворян приходилось понуждать служить и учиться, от чего, правда, последовали неисчетные пользы: невежество переменилось в здравый рассудок, увеличилось радение о пользе общей, прилежность к службе умножила число искусных и храбрых генералов, гражданские дела вершат сведущие и годные люди. Благородные мысли вкоренили в сердцах истинных патриотов любовь и верность государю, и поэтому теперь нет причин дальнейшего понуждения к службе. Все дворяне, статские или военные, вольны либо продолжать служить, либо выйти в отставку. Можно ехать на службу и к иностранным государям, возвращаясь, однако, если призовет российское правительство».

В манифесте выражалась надежда на то, что благородное дворянство, чувствуя к себе толикие щедроты, не станет уклоняться от службы и будет учить детей благопристойным наукам в пользу отечества. А тех, кто ни себя, ни детей ни в какие полезные науки употреблять не будет, манифест повелевал презирать и уничтожать, приезд же их ко двору или вход в публичные собрания объявлял нетерпимым.

Дворянство не побоялось презрения верноподданных и толпами стало уходить в отставку. Полки потеряли сотни офицеров, и на порожние места без особого выбора брали иностранцев, благо ехали они в Россию на большое жалованье охотно.

Другое следствие манифеста было совсем неожиданным и принесло популярность этому документу в такой среде, на которую он вовсе рассчитан не был. В народе стали говорить, что вслед за дворянской вольностью будет объявлена вольность для крестьян и бумага-де эта подписана, да только дво-

ряне ее объявлять не хотят и царя придерживают. Вольность — свобода от помещичьей палки, право иметь собственность крестьянину, идти куда хочешь, работать где нравится.

После известия о внезапной смерти государя Петра III у крестьян возникло убеждение, что дворяне погубили царя, чтобы скрыть дарованную народу волю. И как только прошел слух, что Петр III жив и идет занимать отнятый у него неверной женой Екатериною престол, под его знамена устремились десятки тысяч бойцов.

Указы Петра III, затронувшие интересы церкви и духовенства, вызывали недовольство в стране. Царь приказал отнимать у монастырей вотчины, брать на военную службу сыновей священников и дьяконов, чего раньше никогда не бывало. Передавали, что государь, призвав первенствующего в Синоде архиерея Димитрия Сеченова, велел ему убрать из церкви все иконы, оставив лишь изображения спасителя и богородицы. Он распорядился также, чтобы священники обрили бороды и ходили одетыми в немецкое платье, как лютеранские пасторы. Все домовые церкви запечатали. Нарушались старые обычаи и порядки, без нужды ломались вековые традиции.

Лейб-компания, привилегированный отряд телохранителей Елизаветы, была распущена. Грехов за ней числилось много, и жалеть о том не стоило, но на место любимцев императрицы, которым дозволялось решительно все, Петр III поставил свою голштинскую гвардию — таких же разбойников и пьяниц, только немецкого происхождения.

Озабоченный больше всего на свете судьбой родной Голштинии, Петр III намеревался отнять у Дании герцогство Шлезвиг, чтобы соединить его с прежним своим владением.

Для новой кампании, затеянной государем, требовались войска. Русская армия, обескровленная Семилетней войной, нуждалась в пополнениях. Военная коллегия приказала явиться в строй всем молодым дворянам, приписанным к полкам, опять набирали рекрутов.

Стон и плач стояли повсюду. Едва избыв одну кровопролитную войну, Россия, подталкиваемая придурковатым царем, должна была начинать другую. Зачем, во имя чего? Этот вопрос был на уме, а часто и на языке у каждого.

Николай Новиков, записанный в Измайловский полк, по именному указу обязан был явиться на службу в Петербург.

Занятия в университетской гимназии, усиленное чтение, знакомство с кружком Хераскова, собственные размышления, жизнь в Авдотьине — все это заставило его задумываться над своим будущим. В мыслях о нем господствовала одна

идея, которую Новиков мог бы определить строкой сумароковской притчи: «На пользу общую коль радостно трудиться!»

Вместе с авторами, которых он любил читать, Новиков полагал, что верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных, то есть что возникла она из договора между властителем и народом. Обязательства обе стороны принимали взаимные, и, если одна договорившаяся сторона перестает их выполнять, договор разрушается. Но при этом нация без государя существовать может, а он без нее ничто. Правильный государь — подобие бога, преемник его высшей власти на земле, и свойство царской, как и божественной, власти должно проявляться в кротости и правоте.

Сумароков развивал эту мысль в трагедии «Мстислав»:

Царю потребней всех на свете добродетель.
Когда провознесен он выше естества,
Когда в народе он наместник божества,
И размышления царей другим уставы, —
Так мысли царские во всем должны быть правы.

Если царь ведет себя иначе, значит он деспот, тиран и подданные освобождаются от каких бы то ни было обязательств по отношению к нему.

Такой взгляд на самодержавие позволял определить, дурен или хорош государь, и оправдывал подданных, возмутившихся против несправедливого царя. Теперь Новикову, уезжавшему в Петербург, выпала возможность самому проверить эту книжную теорию — гвардейцы могли вблизи наблюдать монархов.

Новый, 1762 год Новиков встретил в семье, а наутро, получив родительское благословение, простился и поскакал в Москву.

В конторе Измайловского полка за Яузой, у церкви великомученика Никиты, Новиков увидал своих будущих сослуживцев, однолетков-дворян, поспешавших в полк. Начальник команды, унтер-офицер, выправил подорожную и в тот же день повез юношей в Петербург, на полковой двор, к молодцам-измайловцам.

3

Измайловский полк по старшинству и времени учреждения был третьим гвардейским полком после Преображенского и Семеновского Сформировать его повелела императрица Анна Ивановна указом 17 августа 1730 года. Название свое полк получил от подмосковного села Измайлово, летней резиденции государыни.

Дух и традиции гвардейских полков, созданных Петром I, внушали новым правителям России некоторые опасения. Анне Ивановне и Бирону была нужна своя военная сила. Во главе Измайловского полка поставили иностранцев, шефом-полковником сделали графа Левенвольде, батальон получил брат герцога-фаворита.

Рядовых для этого полка набирали на Украине, искали молодых людей высокого роста. Унтер-офицеры и капралы были взяты из армейских частей, грамоте умеющие, чтобы могли обучать и впредь офицерами быть. Командный состав вербовали из лифляндцев, курляндцев и прочих иноземцев.

В 1732 году Измайловский полк был переведен в Петербург и вместе с другими гвардейскими полками нес во дворцах и в городе караульную службу. Разместили его в Адмиралтейской части близ церкви Вознесения, неподалеку от дворца. На турецкую войну в 1737 году отправился только один батальон измайловцев. Но за взятие Очакова полк был награжден двумя серебряными трубами.

По окончании войны полку отвели место для постройки слободы за рекой Фонтанкой, на продолжении Вознесенской улицы, и в 1741 году, уже при новой императрице Елизавете Петровне, избы окончили постройкой. Каждая рота поселилась на отдельной улице, вместо названия получившей номер. С годами город разросся, через слободу лег Измайловский проспект, а отходившие от него улицы так и продолжали называться ротами — Первая, Вторая и так далее, и сохранили свои цифры после Октябрьской социалистической революции, когда были переименованы в Красноармейские улицы.

В январе 1762 года началась для Новикова солдатская служба.

Петр III мучил гвардию, добиваясь безукоризненного равнения в рядах. Его прельщала мертвая неподвижность шеренг фарфоровых солдатиков, он ревновал к выправке гренадер короля Фридриха II.

Каждое утро, не жалея своего императорского времени, Петр III бесновался, выкрикивая немецкие ругательства, на плацу, где нет-нет да и повернется солдат не в ту сторону.

А после смотра в ротах расправлялись с провинившимися.

Молодых солдат на вахтпарады не водили. С ними на полковом дворе занимались дядьки из старослужащих. Кажется, невелика солдатская премудрость — по команде встань, повернись, пойди, побеги, — но требует она от человека большой собранности и огромного терпения у тех, кто учит, и у тех, кто учится. Девять солдат проворны, один зазевался — и снова раздается команда дядьки, опять все десять тянут носки

в строевом шаге. Устали ноги, взмокла спина, ружье оттянуло руки, голод терзает внутренности, а до обеда еще ох как долго!

Новиков проходил школу молодого солдата не ропща и не жалуясь, хоть на фрунтовое учение очень досадовал. Жаль было тратить часы, которые можно провести с книгой, на бесконечное исполнение ружейных приемов...

Месяца через четыре новобранцы уже пообтесались настолько, что их стали назначать в полковой караул.

Ближе к весне среди гвардейцев разнеслись слухи о скором походе в Данию. Как почти всегда, солдатский вестник показал большую осведомленность: поход и верно готовился.

Фридрих II обязался помогать царю, хоть перспектива русско-датской войны ему и не нравилась: он опасался, что Петр III, оставя Петербург для участия в походе, может лишиться престола, и советовал ему поспешить по крайней мере с коронованием — все-таки помазанного на царство государя низлагать как-то труднее. Однако Петр, уверенный, что умеет обходиться с русскими, посмеялся над этими страхами и объявил о своем отъезде к армии. Главнокомандующим был назначен граф Петр Румянцев, отличившийся в Семилетнюю войну.

Приближение срока похода ускорило развязку.

Императрица Екатерина 26 июня 1762 года приехала в Ораниенбаум, где летом жил государь. На следующий день супруги отправились в Гостилицы к Алексею Григорьевичу Разумовскому и вечером расстались. Петр III возвратился к себе в Ораниенбаум, а Екатерина отбыла в Петергоф. Больше им встретиться не довелось.

Екатерина, исподволь подготовлявшая захват престола, вела свой заговор умно и осторожно. Партизаны ее, привлекавшие сторонников среди гвардейцев и в придворных кругах, — братья Орловы и Никита Панин — не знали, что они стараются для одной хозяйки.

Но добивались они разных целей: Панин предполагал, что императором будет провозглашен его воспитанник великий князь Павел; Орловы же хотели сделать Екатерину самодержавной императрицей, и этот план казался ей единственно годным.

Силы накапливались, но ничего еще не было готово. Вдруг настало время действовать.

Капитан Преображенского полка Пассек, участник заговора, 27 июня был арестован. У него могли выпытать признание.

В ночь на 28 июня Алексей Орлов в наемной карете, запряженной шестеркою лошадей, поскакал за Екатериной.

На рассвете он вошел к ней в спальню петергофского дворца.

— Пора вставать, государыня, — сказал Орлов, стараясь утаить волнение. — Все готово для того, чтобы вас провозгласить.

Екатерина проснулась.

— Что? — спросила она.

— Пассек арестован.

Этих слов было достаточно. Позабыв о присутствии Орлова, Екатерина вскочила в постели, натянула поверх ночной сорочки платье, схватила в горсть чулки и сунула ноги в туфли.

— Едем же!

Кони побежали.

В пяти верстах от города карету встретил Григорий Орлов в одноколке. Сидевший с ним князь Барятинский-младший уступил свое место Екатерине, и скачка продолжалась.

Орлов правил в Измайловский полк, чья слобода располагалась по пути из Петергофа к Зимнему дворцу. На измайловцев надеялись: в заговоре участвовали офицеры братья Рославлевы, братья Всеволожские, Похвиснев, Ласунский. Подняв измайловские батальоны, можно было уверенно идти на Дворцовую площадь.

В шесть часов утра Орлов, не доезжая Фонтанки, остановил лошадь у канцелярии Измайловского полка. Он передал вожжи Екатерине, спрыгнул и подошел к подъемному мосту: полковой двор был окружен рвом.

У моста часовым стоял Новиков. Он видел, что с офицером приехала дама, слегка подивился тому, как строго осадила она взмыленную лошадь, но понять, что происходит, не успел.

— Подъем! Тревога! — закричал Григорий Орлов. — Встречайте государыню!

Навстречу ему спешил дежурный по полку, с вечера предупрежденный Алексеем Орловым о возможности приезда Екатерины.

— Барабанщик, бей тревогу! — приказал дежурный.

Услышав частую дробь, схватились за палочки ротные барабанщики. Измайловцы, гремя ружьями, бежали к избе полковой канцелярии.

Григорий Орлов снял с одноколки Екатерину и, держа ее за руку, провел по мосту.

Часовые взяли на караул.

Новиков первый раз вблизи увидел Екатерину. Она была невысокого роста. Фигуру скрывал наброшенный на плечи офицерский плащ. Голова ее на длинной шее высоко приподнималась над округлыми плечами. Склад лица выглядел муж-

ским: широкий открытый лоб, орлиный нос, длинный подбородок придавали ему властное выражение. Карие глаза оттенялись темными бровями.

Солдат Новиков смотрел на государыню, держа прямо перед собой ружье. Он желал Екатерине успеха. К просвещенной великой княгине обращался со стихами Сумароков, на нее возлагал надежды Херасков. И мог ли Новиков думать о том, что по-уставному приветствует своего злейшего врага, который погубит его любимое дело и самого прикажет замучить в крепости?!

— Государыне императрице Екатерине Алексеевне ур-ра! — закричал Григорий Орлов.

— Ур-ра-а! — отвечали солдаты.

К полковой избе тащили под руки священника.

— Присягайте мне, ребятушки, — попросила Екатерина.

Священник кланялся и что-то бормотал.

— Давай крест целовать, кутейник, шевелись проворнее, — прошептал ему Орлов.

Офицеры и солдаты, отталкивая друг друга, торопливо прикладывались к золотому кресту.

— Довольно, батя, шагай на улицу! — скомандовал Орлов, повертывая священника за плечи. — Пожалуйста, ваше величество, — обернулся он к Екатерине.

У моста ожидала карета Алексея Орлова, следом за Екатериной прибывшая из Петергофа. Императрица села в нее.

— А ты давай вперед, — сказал Григорий Орлов священнику. — В Семеновский полк.

Священник зашагал, подняв руки с крестом. Следом Григорий Орлов, за ним карета, а за каретой, не соблюдая рядов, повалили солдаты.

Орловы разослали гонцов в гвардейские полки с извещением о перевороте и о том, что поход в Данию отменяется. Семеновский полк, поднятый по тревоге заговорщиками, вышел навстречу процессии с криками:

— Виват! Да здравствует императрица Екатерина!

У Казанской церкви на Невской перспективе к пехотным полкам присоединилась Конная гвардия. Солдаты постарались жестоко избить командира, голштинского дядюшку Петра III, которого яростно ненавидели.

Екатерина вошла в Зимний дворец. Гвардейский караул приветствовал новую государыню.

Солдаты разобрались по полкам и выстроились.

Митрополит Гавриил скорым шагом обошел ряды, кое-где протягивая для поцелуя крест. Он принимал присягу на верность Екатерине.

Затем гвардейские полки были отведены и расставлены по набережной реки Мойки, поблизости от дворца, а их место заняли армейские части петербургского гарнизона. Целовать крест времени уже не хватило, и к присяге приводились одни полковники.

Екатерина совещалась со своими приближенными. Надобно сыскать бывшего императора. Сидит ли он еще в Ораниенбауме, знает ли о случившемся, не попробует ли вернуть потерянный трон?

Поздно вечером, часу в десятом, войска под предводительством императрицы выступили в поход. Повзводно, церемониальным маршем, с барабанным боем полки шли по петергофской дороге. Екатерина ехала впереди на белом коне. Она была одета в преображенский мундир старого образца и в правой руке держала обнаженную шпагу. Сзади нее молодая княгиня Екатерина Дашкова, также в гвардейском мундире. Воинственные дамы нетерпеливо взбадривали шпорами коней, и ряды пехоты поспешали за ними.

В полночь у Стрельны был назначен привал, отставшие подтянулись, и марш продолжался.

Рано утром войска подошли к Петергофу. В зверинце, на косогоре, были расставлены пушки, в руках артиллерийской прислуги дымились фитили. Однако выстрелов не последовало: войска, занимавшие Петергоф, сдались в плен государыне.

Роты расположились в дворцовом саду на отдых. Загорелись костры, солдаты резали быков, приведенных с обозом, и варили кашу.

Под вечер, часу в пятом, гвардейцы увидели карету, запряженную восьмеркой лошадей. На запятках и по подножкам стояли вооруженные гренадеры. Карету сопровождал конный конвой. И хотя ничего не было объявлено, распространился слух, что в карете сидит бывший государь и Орловы увозят его в Ропшу, в пригородный дворец. Там его дни вскоре и кончились.

В седьмом часу вечера полки поднялись в обратный путь. Шли всю ночь и утро, проводили императрицу в Летний дворец, стоявший там, где позже был выстроен Михайловский замок, и возвратились в казармы.

Все кабаки, погреба и трактиры были отворены. Уставшие от похода, томимые отчаянно жарким днем, солдаты пили сверх сил. Женщины бегали с ведрами и сливали в ушаты и кадки водку, пиво, дорогие вина — без разбору. Когда-то еще выдастся такой славный денек с даровым угощением! Пьяные спали на мостовой, и кареты объезжали безгласные тела. Ули-

цы были полны солдат, и неуважение к потрудившимся героям могло дорого обойтись кучеру и седокам.

Измайловцы немало гордились тем, что императрица их полк подняла первым. Заслуги гренадерской роты Преображенского полка, посадившей на престол Елизавету Петровну, были памятны. Лейб-компания получила неслыханные льготы, и солдаты Измайловского полка были б довольны их десятой долей.

Пребезмерно упившись, измайловцы пожелали говорить с Екатериной. Солдаты группами потянулись к Летнему дворцу, где ночевала императрица, и загалдели под окнами. Караул, не пропустивший случая выпить здоровье государыни, переговаривался с пришедшими, но препятствий им не чинил.

Екатерина, двое суток не смежавшая глаз, едва успела заснуть, как ее разбудил капитан Пассек.

— Проснитесь, ваше величество, — тревожно сказал он. — Наши люди страшно пьяны. Им сказали, что тридцать тысяч пруссаков идут сюда, чтобы отнять у них царицу. Солдаты говорят, что не видели вас уже три часа, и беспокоятся, живы ли вы, не в Пруссию ли вас увезли. Никто не успокоит их, кроме вас.

Екатерина подняла голову и кивнула Пассеку на дверь. Он вышел. Царица натянула штаны, мундир, сунула босые ноги в сапоги, крикнула:

— Я готова!

Сопровождаемая Пассеком и караульным офицером Екатерина вышла на крыльцо

— Вот она! — раздался пьяный голос.

Солдаты собрались у крыльца.

— Жива ли ты, матушка? — закричало несколько голосов.

— Друзья мои, — сказала Екатерина. — Я здорова. Идите спокойно и дайте мне поспать, я устала. Ваши офицеры верно служат мне. Слушайте их, а теперь все идите по домам.

— А что же пруссаки? Где они? — спрашивали из толпы.

— Здесь нет пруссаков, — ответила Екатерина. — Есть только подданные русской императрицы, которая всех вас любит и проводит в полк.

Екатерина села в карету, стоявшую у крыльца наготове, и кучер тронул коней.

Измайловцы окружили экипаж и двинулись по улицам, будя обывателей пьяными криками.

Царица довела буйных гвардейцев до полкового двора, пожелала им спокойной ночи и галопом возвратилась в Летний дворец досыпать.

На следующее утро поднялась она рано и первым делом распорядилась изготовить манифест о ночном приключении.

В манифесте было похвалено усердие измайловских и других гвардейских солдат, но затем напоминалась им воинская дисциплина и было приказано не верить мятежничьим слухам, которыми злонамеренные люди хотят смутить общее спокойствие. Впредь за непослушание своим начальникам и всякую подобную дерзость обещано строгое наказание по законам.

Приняла государыня и другие меры. По всем площадям, мостам и перекресткам расставлены были пикеты с заряженными пушками и зажженными фитилями, готовые враз по команде стрелять. Город перешел на военное положение, и с неделю Екатерина его не снимала. Радость тоже должна иметь свои границы.

Измайловцы, проспавшись, сообразили, что лейб-компании из них не выйдет, и больше претензий на особые милости не предъявляли.

Переворот в самом деле, если не считать убийства императора, вышел бескровным, однако вино пролилось рекой.

Купцы обивали пороги Сената, прося, чтобы им уплатили за погреба, растащенные при благополучном восшествии на трон ее императорского величества. Камер-коллегия подсчитала претензии. Сумма оказалась немалая — двадцать пять тысяч рублей.

Такой расход казна принять не могла. И Сенат решил деньги за простое вино зачесть откупщикам в откупную сумму, а виноторговцам — в пошлинный сбор. Тем дело через три года и кончилось.

А милостей вообще было рассыпано много, императрица не поскупилась на чины, деньги, ордена и государственных крестьян. Григорий Орлов — камергер, Алексей — майор в Преображенском полку, обоим — ордена Александра Невского. Кирилле Разумовскому, Никите Панину, князю Волконскому — пожизненные пенсии по пяти тысяч рублей...

В гвардейских полках повышали чинами.

Николай Новиков стал унтер-офицером.

4

Петербургская жизнь была не в пример разнообразнее авдотьинской, а капральская должность оставляла досуг. Новиков завел знакомства в городе. Однако с визитами пришлось повременить: гвардия выступала в поход.

Занимая престол, русские цари совершали торжественный обряд коронации, и для этого нужно было ехать в Москву, под

своды Успенского собора. Церковь благословляла нового монарха, он возлагал на голову золотую корону, и власть его отныне подкреплялась авторитетом священства. Петр I короновал себя и свою жену Екатерину, успел короноваться мальчик-император Петр II, громко отпраздновала свое торжество Елизавета, и лишь Петр III опоздал с церемонией.

Екатерина спешила. Коллегиям, конторам, канцеляриям, Сенату, Синоду, двору повелено было складываться и переезжать в Москву. Гвардия сопутствовала императрице. От Измайловского полка были назначены два батальона — первый и третий.

Поезд Екатерины — семьдесят экипажей, четыреста лошадей — 1 сентября потянулся в Москву и через десять дней прибыл в село Петровское. Три дня свита приводила себя в порядок, а затем состоялся торжественный въезд императрицы в Москву.

Город выглядел празднично. На пути к Кремлю заборы были обиты ельником, стены домов украшены коврами, балконы — драпировками, на перекрестках и площадях сооружены галереи для зрителей. Гвардейские полки, выставленные шпалерами, образовали узкий коридор, по которому шагом ехали экипажи.

В воскресенье 22 сентября Кремль заполнили гвардейские и армейские солдаты. Народ не пускали.

Екатерина в Успенском соборе, стоя у трона со скипетром и державой в руках, выслушала литургию, а потом первый член Синода, новогородский архиепископ Димитрий совершил миропомазание — начертил на лбу государыни крест кисточкой, помакнутой в благовонный состав — миро. Пел хор, стреляли пушки.

Всю осень в Москве праздновали, чредой текли царские приемы, обеды, спектакли, выезды в дома знатнейших вельмож, посещения монастырей. Для горожан готовилось пышное зрелище — уличный маскарад «Торжествующая Минерва».

Сочинял и репетировал маскарад первый актер российского театра Федор Григорьевич Волков, литературной частью ведал Михаил Матвеевич Херасков. Замысел был парадным — аллегорией показать, как пороки гибнут, когда воцарилась Екатерина, она же богиня мудрости Минерва. Волков придумал двенадцать маскарадных групп. Сначала изображались пороки — пьянство, обман, невежество, спесь, мздоимство, мотовство, затем показывались золотой век, мир и добродетель.

Написать хоры для каждого отделения попросили Сумарокова. Живые и острые его стихи высмеивали обман, поборы и

плутни подьячих, а в хоре «Ко превратному свету» говорилось о заморской стране, где установлены неслыханные в России порядки:

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.
За морем нет тунеядцев.

Однако стихи эти показались чересчур смелыми, и Сумарокова заставили их переделать.

Маскарадом «Торжествующая Минерва» закончилось празднование коронации. Три дня — в конце января и начале февраля 1763 года — маскарад, растянувшись на две версты, ездил по улицам Большой Немецкой, обеим Басманным, по Мясницкой и Петровке, изъявляя гнусность пороков и славу добродетели. В процессии было занято четыре тысячи участников, все в маскарадных костюмах.

Новиков любовался зрелищем из толпы москвичей, запрудивших улицы. Императрица смотрела на процессию через окно дома Бецкого и осталась довольна великим собранием народа, увидевшего картины Золотого века и победу Минервы.

Праздник этот обошелся дорого: Федор Григорьевич Волков, три дня водивший маскарад, простудился и умер. Потерю эту глубоко переживали друзья его, причастные к театру и литературе.

Весной заболел отец Новикова Иван Васильевич. Сын привозил к нему в Авдотьино лекарей из Москвы, больному пускали кровь, ставили пиявки, лечили и теплом и холодом, перепробовали многие медицинские средства. Когда врачи уезжали, мать звала деревенскую бабушку-ведунью. Результат усиленного лечения был печальным — больной совсем ослабел и в июне скончался.

Смерть отца была большим горем для Новикова. Но выходить в отставку и жить в Авдотьине он не пожелал. Мать с помощью старшего сына вполне могла справиться с имением, и Новиков решил продолжать службу.

Между тем подошло время ее выполнять. Императорский двор собрался возвращаться в столицу. По петербургской дороге потащились обозы коллегий и сенатских канцелярий, приготовилась к походу гвардия.

Новиков заехал проститься с матерью. Осиротевший дом заставил сжаться его любящее сердце.

Наконец августовским утром батальоны Измайловского полка выступили из Москвы и к концу месяца, не спеша маршируя, пришли в Петербург, пробыв почти год в отлучке.

Снова началась караульная служба.

Новиков томился однообразием гвардейских будней. Он искал занятий. Карты и вино — обычные забавы солдатской братии — его не манили. Новиков желал споспешествовать просвещению своих единоземцев, как о том писалось в его любимых книгах, и средство к тому видел одно — печатный стан.

Спору нет, славен автор, умеющий увлечь за собой читателя к высотам духа или пусть даже занять его настолько, что он забудет сесть к карточному столу. Но полезен человечеству и тот, кто даст в руки людям творения писателя, кто распространит по свету его вдохновенные слова — издатель! Рукопись прочтут считанные знатоки, печатная книга доступна тысячам и служит не одному поколению.

Укрепляясь в таких мыслях, Новиков предпринял в марте 1766 года свой первый издательский опыт. Канцелярия Академии наук выполнила его просьбу отпечатать в типографии «Реестр российским книгам, продаваемым в Большой Морской, в Кнутсоновом доме». Это был каталог книжной лавки. Новиков задался целью познакомить читателей с кладовыми печатного слова, помочь им выбрать нужную книгу. Он просил изготовить четыреста экземпляров каталога и рассчитался с академической типографией за работу и бумагу.

Видимо, продажа «Реестра» пошла успешно, и Новиков еще раз попытал счастье.

Литератор-разночинец Михаил Чулков напечатал свою книгу «Пересмешник, или Словенские сказки», четырехтомное собрание новелл. Сочинений подобного рода в русской литературе еще не бывало. Чулков нашел путь к новым слоям демократических читателей. Его сказки были насыщены бытовым материалом, понятны для людей, не получивших большого образования, они увлекали запутанными сюжетами. Взамен царей и героев — этих обязательных персонажей классических трагедий и поэм — в сказках Чулкова можно встретить подъячего, монаха, мужика, офицера, поступки их были понятны читателю, происходившему из разночинной среды, — сам он, вероятно, в сходных обстоятельствах поступал так же.

Новиков знал Чулкова, раньше они встречались в Москве. Он взял «Пересмешник» из академической типографии на комиссию, передал тираж в книжную лавку и поместил объявление о выходе этой книги в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Часть тиража Новиков переправил в Москву, в университетскую книжную лавку к Веверу, и вскоре получил известие, что книга хорошо продается.

Литературное чутье не обмануло Новикова. В столице есть читатели, которые не жалеют полтинников за листки печатной

бумаги! Их может стать значительно больше, если книги будут полезны и занимательны.

В Москве Новиков видывал, как поступает Вевер. Он сговаривался с типографией, выбирал бумагу, шрифт, ему носили корректурные оттиски, которые читали для него знакомые студенты и гимназисты из тех, что пограмотнее. И наконец, выходила книга.

Нужны были деньги. Доходы от взятых на комиссию книг могли поступить лишь через несколько месяцев. Где же достать полсотни, сто рублей?

В Авдотьине жили натуральным хозяйством — были сыты, одеты неказисто, но прочно, однако звонкой монеты в доме не важивалось. То, что выручали осенью за продажу хлеба, сразу же расходилось на уплату долгов и закупки. Петербургские приятели Новикова с радостью одолжили бы его, если б сами не занимали. Житье в столице принуждало гвардейцев к расходам, далеко превышавшим жалованье. Нужно было чисто содержать себя в одежде, кормить слуг, лошадей, покупать модные вещи, обедать в дорогих трактирах.

«А не попросить ли мне у Вевера? — подумал Новиков. — Он мне поверит. Съезжу-ка я к нему».

В Москве постоянно жила команда Измайловского полка. Начальник ее князь Хованский вел дела с московскими купцами и ремесленниками, покупая и заказывая амуничные вещи и провиант. Новиков узнал в полковой канцелярии, когда будут посылать в Москву за приготовленной амуницией — чеканными бляхами к мушкетерским сумам, —и получил назначение в командировку.

Вевер искренне обрадовался, увидев в своей лавке Новикова.

— Ба! Николай! — воскликнул он. — Каким ветром занесло? Скоро ли будешь генералом? Как служба?

— Здравствуйте, Христиан Людвигович, — ответил Новиков. — Служба наша известная — из караула да в караул. А в генералы выходить я не собираюсь. Хочу пуститься по вашей части. Пристрастен я к книгам, и военная карьера не манит меня.

Новиков рассказал о своем плане.

— Риска я не боюсь, — говорил он. — И если с умом печатать, можно прибыль иметь. Но я за нею гнаться не намерен. Стыдно, что в России негде купить книгу, да русскую-то и не скоро найдешь, ибо выходят они по одной в год.

— Ну, Николай, ты приуменьшаешь, — засмеялся Вевер. — Чаще, чаще. Иначе мне пришлось бы закрывать лавку, а я, как видишь, торгую.

— Христиан Людвигович! — сказал Новиков. — Надумал я издавать книги. И в Петербурге это легче делать, чем в Москве, — типография лучше, грамотных людей больше. Не ссудите ли меня деньгами? Вам в залог пришлю на комиссию в Москву экземпляры. Мне бы рублей двести...

Новиков знал характер немца и запросил вдвое больше, чем нужно.

— Нет, двести много, — сказал Вевер. — А сто рублей дам.

Сговорились на ста двадцати. Новиков написал вексель с обязательством уплатить Веверу в трехмесячный срок, считая с 13 февраля 1766 года, полученные от него деньги ходячею российскою серебряною монетою. И подписался с поименованием недавно присвоенного чина: «Лейб-гвардии Измайловского полку фурьер Николай Иванов сын Новиков».

К этому времени у его знакомца литератора Михайлы Попова был готов перевод с французского книги «Две повести: Аристоноевы приключения и Рождение детей Промифеевых». Новиков прочитал рукопись и подал в академическую канцелярию просьбу принять от него для печатания книгу.

Автор приложил к повестям письмо Новикову:

«Государь мой! Дружба ваша и приязнь всегда были для меня драгоценны, и я их навсегда потщусь сберечь... но ваше доброе сердце и похвальная склонность к снисканию добродетели и учения, которое приобретет, наконец, человеку незыблемую славу, прилепляют к вам мою душу наиболее... Слабые ума моего производства были причиною вашего со мною знакомства, ими приобрел я к себе вашу любовь, и вы с тех пор удостоили меня вашим дружеством».

Попов обещал передавать Новикову все свои новые сочинения. Когда Новиков приступил к изданию «Трутня», притчи Попова были первыми произведениями, которые он поместил в журнале.

Законы для того ль, чтоб правда процветала
Иль чтобы ложь когда святою ложью стала?
...Кричат: «Закон! Закон!»
Но исправляется каким порядком он?

А. Сумароков

1

В декабре 1766 года был объявлен манифест, созывавший Комиссию о сочинении Нового уложения.

«Ныне истекает пятый год, — писала Екатерина, — как бог един и любезное отечество чрез избранных своих вручил нам скипетр сея державы для спасения империи от очевидныя погибели».

Что царствованию Екатерины истекал пятый год, это было, без сомнения, верно, однако слова о том, что власть вручил ей сам господь бог и какие-то «избранные» люди России, — чистая выдумка. Императрица делала вид, что она снизошла на просьбы подданных и захватила трон, чтобы избавить их от погибели, которую сулило им правление Петра III. Кто знал, как ловко Екатерина выпихнула с престола мужа, которого тут же и придушили ее помощники, тот, читая или слушая манифест, только ухмылялся. Красиво повернуто, что и говорить.

А дальше в манифесте писалось о том, что необходимо узаконить такие государственные установления, которые повели

бы к соблюдению доброго во всем порядка, чего в настоящее время не видно в России. Желание монархини — видеть свой народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на земле простираться. И чтобы лучше узнать нужды и чувствительные недостатки народа, распорядилась она через полгода после опубликования этого манифеста привезти в Москву депутатов сочинять проект Нового уложения, с помощью которого законам будет придана сила.

Уложение царя Алексея Михайловича, составленное в 1649 году, с течением дней обросло таким количеством дополнений, часто противоречивших друг другу, что уже сын его Петр I приказал трудиться над новым сводом законов. Однако, занятый множеством предприятий, он забывал подталкивать медлительный Сенат. Императрица Анна Ивановна также указывала заняться приведением в порядок российских законов, но вельможи и чиновники этим поручением пренебрегли.

Елизавета Петровна, посетив Сенат в 1754 году и слушая разговоры о юридических трудностях при разборе, например, дел о беглых крестьянах, пожалела своих подданных, которые по причине коварных и ябеднических вымыслов не могут получить прямых и скорых судебных решений.

Сенатор граф Петр Иванович Шувалов, желая угодить императрице, тут же признал, что каждое присутственное место должно было разобрать указы по своей части, но к тому еще нигде не приступали.

— Ваше величество, — сказал он, — с начала вашего государствования, двенадцать лет назад, изволили приказать нам заняться законами. По несчастью нашему, не сподобились мы выполнить вашу волю. У нас нет законов, которые были бы ясны и понятны всем, а потому верноподданные и по сей день не могут пользоваться этим благополучием.

Государыня, выслушав покаянную речь Шувалова, велела Сенату преимущественно перед прочими делами сочинить ясные законы и тому положить начало немедленно.

Сенат поблагодарил за науку и определил приступить к сочинению законов. Учредили Комиссию, а всем коллегиям, канцеляриям и конторам наказали рассуждать, каждой по своей части, почему в движении дел происходит остановка, оказывается сумнительство, и обо всем том на каждую материю сочинить один указ, выключив излишки законов, а недостатки пополнив.

Через год Сенат начал было слушать некоторые статьи, подготовленные для Нового уложения, но сбился на перестройку учреждений: Штатс-контору соединить с Камер-коллегией, Раскольничью контору влить туда же, Сибирский приказ упразднить, а дела его раздать прочим присутственным местам, вза-

мен Ревизион-коллегии быть при Сенате Счетной экспедиции и прочее в таком роде.

Начавшаяся война с Пруссией и совсем остановила пересмотр законов.

В очередное царствование опять вспомнили о юстиции, но на этот раз Екатерина II взялась за гуж сама, о чем прежде всего сообщила своим заграничным корреспондентам.

В европейских столицах заговорили о мудрости северной Семирамиды, о юридическом блаженстве, которое учиняет она для диких народов России. Екатерина довольно улыбалась: ее законодательное усердие было замечено в свете.

Депутаты новой Комиссии приглашались установить законы для России, руководствуясь Наказом, который сочинила императрица.

Впрочем, слово «сочинила» не совсем подходит к определению того, что подготовила Комиссии Екатерина. Ее Наказ представлял собою серию выписок из книг европейских политиков и ученых, причем тексты приспособлялись, по разумению составительницы, к условиям самодержавного Российского государства. Она очень свободно обращалась с мыслями авторов, подгоняла их к своему пониманию вопросов, беспощадно кромсала и урезывала. Главными пособиями Екатерины были знаменитая книга Монтескье «Дух законов» — оттуда она списала триста параграфов, половину своего Наказа — и книга Беккариа «О преступлениях и наказаниях», по которой она составила длиннейшую десятую главу «О обряде криминального суда».

В Комиссии участвовали депутаты от Сената, Синода, от коллегий и канцелярий, от каждого уезда и города и по сословиям — от каждой провинции — депутаты однодворцев, казаков, пахотных солдат, государевых черносошных и ясашных людей, некочующих народов, крещеных и некрещеных. Им назначалось жалованье, и были объявлены льготы — депутат, в какое бы прегрешение ни впал, освобождался от смертной казни, пыток и телесного наказания. А тот, кто депутата, пока Уложение сочиняется, ограбит, прибьет или убьет, получал по суду вдвое больше против того, что в подобных случаях следовало. Депутатам раздавались особые знаки — золотые медали с надписью: «Блаженство каждого и всех», и датой: «1766 года декабря 14 дня». Дворянам дозволялось, как закончат проект, поставить изображение медали в свои гербы.

Все сословия были представлены в Комиссии — все, кроме помещичьих крестьян. А ведь они составляли почти половину населения России! Самый многочисленный и бесправный слой русских людей совсем отстранили от обсуждения законов, ибо голоса его боялась императрица, не хотели слушать дворяне.

В мае — июне 1767 года Екатерина со свитой в две тысячи человек путешествовала по Волге, посетила Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Симбирск, откуда направилась в Москву. По пути жители вручали ей челобитные.

Более шестисот жалоб привезла императрица, и почти все они были от помещичьих крестьян. На воевод просьб не писали, на взятки не пожаловался никто — видно, понимали просители, что сделать тут ничего нельзя. Екатерина осталась очень довольна, когда секретари доложили ей результаты. «Моя администрация хороша, — решила императрица, — и взяток никто не берет, правосудие отправляется бескорыстно». Слезные же крестьянские челобитные с описанием жестокостей, чинимых помещиками, и жалобы на непосильные поборы она распорядилась возвратить тем, кто их подавал, с приказанием, чтобы впредь государыню бездельными просьбами не утруждали.

Можно было делать вид, что крестьяне довольны своими господами, но закрывать глаза на растущее возмущение народа не приходилось Волновались рабочие на липецких заводах, крепостные измайловского сержанта Собакина в Шуйском уезде прикончили мать помещика и смертным боем били отца. Крестьяне помещика Фролова-Багреева ушли в лес, и сысканы были из них только два человека. Крестьяне барина Олсуфьева в Кашинском уезде просили освободить их от помещиков, воевода уговаривал быть в послушании, но мужики ответили, что у таких помещиков в послушании быть не хотят, и против них отправили воинскую команду. .

Императрица приказала Сенату придумать благопристойные средства утишить беспорядки. Сенат приговорил распубликовать печатный указ и читать его во всех церквах, чтобы крестьяне и дворовые люди отнюдь не осмеливались жаловаться на своих помещиков, а дерзнувших бить кнутом. Но не оставить и господ — секретно поговорить с ними, чтобы они последовали человеколюбию и входили в рассуждение крестьянских сил, накладывая оброки и задавая работу.

Все, однако, знали цену этим разговорам. Роста человеколюбия в России не предвиделось.

2

Через полгода после объявления манифеста в Москву съехались четыреста шестьдесят избранных депутатов, и Екатерина приказала 30 июля 1767 года открыть заседания Комиссии о сочинении Нового уложения.

В этот день депутатов собрали в Чудовом монастыре и парами отвели в Успенский собор. Они принесли присягу, обе-

щав употребить в трудах чистосердечное старание, и под командой генерал-прокурора князя Вяземского строем были отведены во дворец.

Там депутаты выслушали митрополита Димитрия и речь Екатерины, прочитанную князем Голицыным, приложились по очереди к монаршей ручке и были распущены по домам.

Дни первых заседаний Большого собрания посвящались чтению Наказа, выборам маршала и поднесению императрице титула Великой, Премудрой, Матери отечества, ею по рассчитанной скромности не принятого. Затем Комиссия стала слушать чтение депутатских наказов, но сразу выяснилось, что с ними можно просидеть до скончания века. Только от однодворцев, пахотных солдат, государственных крестьян и прочих хлебопашцев депутаты привезли тысячу шестьдесят шесть наказов, пунктов в них, трактовавших каждый о своей материи, набралось больше девяти тысяч! А сколько было еще других сословий, городов, уездов, канцелярий и коллегий!

Екатерина, понимая, что затевает небезопасное дело, — кто знает, как могут пойти разговоры в Комиссии? — установила строгий порядок заседаний и перечислила обязанности руководителей. Депутаты могли только обсуждать статьи Наказа, никаких решений им принимать не полагалось. Генерал-прокурору Вяземскому Екатерина передала «Обряд управления Комиссией» и «Генерал-прокурорский наказ», где все определила подробно: сколько времени говорить ораторам, как записывать их речи и куда отдавать дневные записки, то есть протоколы.

Но и этого ей показалось мало. Она изготовила для директора дневной записки — начальника протокольной части Комиссии — секретный наказ, в котором велела ему следить за протоколами всех частных комиссий, и назначила в Большом собрании место за председательским столом с маршалом и генерал-прокурором. Маршал Александр Ильич Бибиков был должностным лицом, выбранным депутатами, и хотя Екатерина ему доверяла, но постоянное наблюдение за Комиссией поручила и генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому, человеку, ей безусловно преданному. Сначала они командовали вместе, а скоро к ним подсадили и директора дневной записки — графа Андрея Петровича Шувалова: теперь они втроем управляли Большим собранием, и Екатерине стало спокойнее.

Для того чтобы сохранить потомкам речи депутатов о статьях сочиненного императрицей Наказа и вообще вести письменную часть, понадобился немалый штат. Депутаты обсуждали статьи, а при сем присутствовали и слова заносили на скрижали истории сочинители, их помощники, держатели дневных записок и писцы, старшие и младшие. Жалованье: сочинителям

четыреста рублей в год, держателям двести либо триста, писцам от восьмидесяти до ста двадцати, смотря по человеку.

Для трудов по Комиссии было велено отнюдь не брать приказных людей, а командировать из гвардейских и полевых полков хорошо грамотных офицеров и сержантов — дворян. И само собой произошло, что среди них оказалось много таких, кто окончил гимназию при Московском университете либо два-три года учился в ней. Пишущего народа потребовалось немало: семьдесят обер- и унтер-офицеров да полсотни студентов Московского университета, а при них восемь сторожей и три курьера. Хозяйственная часть покупала чернила десятками ведер, сургуч — пудами...

К секретарской службе императрица приказала определить особливых людей из дворян со способностью.

В зале Большого собрания для них ставили налои — конторки — перед первым рядом депутатских мест Каждый записывал все, что ему видно и слышно, — какую статью разбирают, кто что говорит, занося подлинные слова, как были сказаны. Но, кроме того, держатели отмечали, кто в каком часу пришел на заседание и кто когда вышел, тихо ли в покое, как долго рассуждали и прочее.

Свои протоколы держатели представляли Андрею Шувалову, он их редактировал и составлял общий отчет о заседании, прилагая все усердие, чтобы дневная записка была таковой, как желается. Директор внимательно следил за работой всех секретарей, не скупясь на выговоры за неполноту и небрежение.

Во вторую партию отправленных из гвардии сотрудников для Комиссии попал и Николай Новиков. Дежурный генерал-адъютант граф Кирилл Разумовский 17 августа 1767 года сообщил генерал-прокурору Вяземскому, что в его распоряжение назначено еще двадцать два человека для исправления письменных дел у сочинения проекта Нового уложения, в том числе князь Федор Козловский Преображенского полка, Петр Соймонов, Федор Шишков, Петр Толбузин, Николай Новиков — Измайловского, Николай и Федор Карины — Конной гвардии.

Новиков очень серьезно отнесся к этой командировке. Работа в Комиссии представлялась ему достойным поприщем общественного служения. Ему доведется быть летописцем депутатских прений по вопросам, жизненно важным для всей страны, он будет разбирать наказы с места, привезенные депутатами, узнает о нуждах и требованиях русских сословий. Он был доволен своим назначением — быть держателем дневной записки в Комиссии о среднем роде людей, а в свободные от ее заседаний дни вести записку в Большом собрании.

Работы будет много, но насколько она дельнее и приятнее,

чем хождение в петербургские караулы и маршировка на полковом дворе! Радовало также, что среди сотрудников есть немало друзей по Московскому университету и литераторов, с которыми хотелось встречаться и говорить.

Главным рабочим органом Комиссии Нового уложения была Дирекционная комиссия, пять членов которой избирались на общем собрании депутатов. Она формировала частные комиссии, числом девятнадцать, для рассмотрений вотчинных, судных, земледельческих, до торговли касающихся, к лесам относящихся законов, обрядов и указов. Мнения и протоколы этих частных комиссий поступали в Дирекционную, там сверялись они с Наказом, принимались или переделывались и лишь затем отсылались в Большое собрание для окончательного утверждения.

Комиссия о среднего рода людях начала свою работу в конце сентября. Ее составили пять депутатов: от Главной над таможенными сборами канцелярии граф Эрнст фон Миних, от дмитровского дворянства — князь Иван Вяземский, от михайловского — Семен Нарышкин, от ярославского — князь Михайло Щербатов и от жителей города Венева Московской губернии — Михайло Степанов. Сочинителем в этой Комиссии был Петр Соймонов, держателями дневной записки — Николай Новиков и Михайло Лыков.

Императрица предполагала, что не всякий депутат может сразу понять и оценить ее Наказ, и потому велела читать его с прилежанием, твердить почаще, дабы он знакомее сделался.

В Наказе она писала:

«Земледельцы живут в селах и деревнях и обрабатывают землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей; и сей есть их жребий.

В городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках.

Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены... Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства».

Каждому, стало быть, свое — определен крестьянский жребий, и тон, каким это было сказано, не оставлял сомнений в том, что жребий этот непреложен и менять его не будут. Назначение мещан — ремесла, торговля, науки и художества. Дворянам рекомендовалась военная служба, но присовокуплено было, что «однако ж и правосудие не меньше надобно во время мира, как и в войне», а из того следовало, что и оно прилично дворянам.

Обитающие в городах мещане — это и есть средний род людей, которым предписано было заниматься той комиссии, куда назначили Новикова.

Шестнадцатая глава Наказа трактовала о среднем роде в семи параграфах, но в подробности не входила, открывая только дорогу к рассуждениям.

Комиссия приняла определение, предложенное императрицей, и к среднему роду отнесла три группы мещан: упражняющихся в науках и службах, торгующих и занятых в разных приличных мещанству работах.

Долгие часы заседаний Комиссии ушли на то, чтобы установить разделение в каждой группе и перечислить ее права, общие и личные.

Упражнявшиеся в науках и службах, например, были разделены так:

белое духовенство,

ученые в разных науках,

выслуживщиеся и приказные служители,

художники

Статьи своего проекта законов о правах среднего рода жителей Комиссия посылала в учреждения, этими людьми ведавшие, — в Академию наук, Академию художеств, в губернскую канцелярию, в Адмиралтейскую коллегию, в берг- и мануфактур-коллегии. Тамошние начальники сочиняли свои примечания на подготовленные статьи и отсылали в Комиссию.

Новиков, например, так записал мнение Комиссии о правах ученых, поелику они суть среднего рода люди, и кто такой есть ученый:

1. Название ученого придается такому человеку, который приобрел превосходные и основательные познания в некоторых науках.

2. Таковые суть: богословие, право церковное и гражданское, медицина, философия, стихотворение, реторика, грамматика и прочие письменные науки, геометрия, астрономия, география, оптика, перспектива, механика и все части математики.

Академия наук забраковала эти формулировки:

— В первой статье дано ученому определение несколько пространнее, нежели должно, что впредь может произвести некоторое замешательство.

— Во второй статье науки исчислены не все и пропущены важные. Опираясь на эту статью, грамматик, чье знание никогда в науки не причислялось, может сказать человеку, весьма искусному в натуральной истории, химии или ботанике: «Ты не ученый — твое ученье в законе не считается». Ясно, что все науки исчислить нельзя, а хотя бы и можно теперь было, то впредь родятся неудобства, ибо науки продолжают возрастать и части их способны составить самостоятельные науки. Медицина и хирургия не зависят друг от друга, но имеют об-

щее основание — анатомию. Стихотворение, реторика, грамматика — все принадлежат к филологии, к словесным наукам. По этим причинам науки и достоинства ученых в законе перечислять не стоит.

Академия художеств восторженно приняла статьи о правах художников и назвала их «прозорливым предначертанием».

В проекте было написано так:

1. Под именем художников разумеются те, кои упражняются в таких достойных почтения работах, в которых совершенное искусство рукоделия с довольным познанием наук соединяются.

2. Таковые, соединяющие теорию с практикою, суть живописцы, скульпторы или истуканщики, архитекторы, резчики на каменьях и меди, медалиры, машинисты, часовщики, мастера инструментов математических и физики экспериментальной, химики и аттестованные в сей науке аптекари, сочинители музыки.

Дальше было сделано примечание:

— Не одни художники суть полезны роду человеческому, но часто бывает, что ремесленники или простые люди изображают такие машины или вещи, которые великую пользу могут государству принести, и они хотя и не имеют познаний в вышеписанных искусствах и науках, но могут требовать и получить право художника.

...Дневные записки Комиссии о среднего рода людях велись аккуратно и толково. Когда Новиков уходил из Комиссии, он оставил своему преемнику десятки дел, подшитых и переплетенных.

3

Императрица более полугода назад покинула Петербург и, наконец, стала собираться в обратный путь. Комиссия также начала готовиться в дорогу. Заседания в половине декабря были прекращены и возобновились только в феврале 1768 года.

Новиков ехал в Петербург офицером.

Полковая канцелярия Измайловского полка 15 января известила Комиссию, что сержант этого полка Федор Шишков и каптенармус Николай Новиков по именному указу 1 января выпущены из гвардии в армию поручиками. Новиков получил назначение в Севскую дивизию и штабом этой дивизии распределен в Муромский пехотный полк с приказанием по-прежнему быть при Комиссии и на службу в полк не выходить.

После переезда в столицу Большое собрание принялось слушать законы о юстиции, и чтение велось довольно скучно, по-

ка 2 апреля не пришла очередь указов о беглых крестьянах — о сыске и об отдаче беглых людей и крестьян с женами и детьми по крепостям и об отвозе и о высылке их на прежние жилища. Тема эта, каждого по-своему, задевала всех — пахотных солдат, однодворцев, черносошных крестьян и, конечно же, дворянских депутатов, владельцев крепостных душ: беглые для них составляли прямой убыток.

Правительство часто вспоминало о беглых мужиках — указов и законов набралось около двухсот. Год от года усиливались строгости, а крестьяне все чаще бежали от помещиков туда, где могли чувствовать себя свободнее, — в донские степи, за польский рубеж, в северные глухие леса. Государство теряло сотни тысяч работников. Но как заставить их вернуться и остановить бегство на будущее время?

Депутат города Углича Сухопрудский предложил рассудить, отчего бегут крестьяне: сами ли они беспокойны, или же терпят они у господ своих великую нужду, вымогательства податей и побои, что делает им жизнь в родных деревнях несносною? И речь его клонилась к тому, что дело тут не в дурных крестьянских характерах, а в жестокостях их господ.

Дворянские депутаты Михаил Глазов и Петр Степанов выступали с обвинениями против крестьян, беглецов называли пьяницами, лентяями и уверяли, что жалеть о бежавших не стоит — это вредные и заразительные отрасли народа.

В защиту крепостных говорили депутат от пахотных солдат нижегородской провинции Иван Жеребцов и депутат козловского дворянства Григорий Коробьин.

— Что принуждает крестьянина бежать, оставив семью и дом? — спросил Коробьин. — Не могу себя уверить, что только крестьяне виноваты. Есть в свете довольно таких владельцев, что берут с крестьян свыше обыкновенного подати, другие посылают мужиков на заработки, чтобы их деньгами поправить запущенное хозяйство, но более всего таких, которые, увидев, что крестьяне вошли в достаток, отнимают у них имущество силой.

Депутаты слушали внимательно горячую речь козловского депутата. Новиков схватил новое перо и спешил слово в слово занести на бумагу слышанное.

— Известно, — продолжал Коробьин, — что земледельцы суть душа общества, и если они пребывают в изнурении, то слабеет и само общество. Яснее сказать: разоряя крестьян, разоряем и государство. Нетрудно видеть, что причиною бегства крестьян служат по большей части помещики — они безмерно отягощают своих крепостных. Зло состоит в неограниченной власти господина над имуществом крестьянина. Надоб-

но законом определить, что именно помещики могут требовать от крестьян, и учредить нечто полезное для собственного рабов, то есть земледельцев, имущества. Крестьянин, зная, что у него есть собственность, никуда бежать не станет.

Речь Коробьина заметно оживила прения, депутаты говорили один за другим несколько дней, возражая оратору. С ним согласились только трое, опровергали его мнение восемнадцать. Дворяне никак не хотели признать себя виновными в дурном обращении с народом.

Опытный и дальновидный оратор, неутомимый защитник дворянских привилегий, князь Михайло Щербатов, споря с Коробьиным, убеждал собрание в том, что крестьянам вообще не на что жаловаться и что живется им едва ли не лучше, чем дворянам.

— Я шлюсь на всех находящихся здесь господ депутатов, — говорил он, — и утверждаю, что крестьяне час от часу богатеют и благоденственнее становятся Наказы, присланные от городов, полны жалобами на то, что крестьяне своими торгами подрывают купеческие торги. Следовательно, они богаты! Где примечено худое состояние помещичьих людей или недоимки по государственным сборам? Нет таких мест в Российской империи! Крестьяне защищены своими господами, которые о них пекутся. Так надлежит ли нам право делать благополучнейшими таких людей, которые все благополучие имеют и коего сверх меры умножение может им во вред обратиться?

Искусная речь князя Щербатова, несмотря на очевидную фальшь его аргументов, была с восторгом принята дворянскими депутатами. Как будто бы поле словесного сражения осталось за ними. Однако неизмеримо более важным оказалось то, что впервые в собрании представителей русских сословий было громко заявлено о нуждах народа, о жестокостях помещиков, о том, как облегчить крестьянские беды.

Эти речи жадно слушали и запоминали секретари Комиссии, молодые люди с отзывчивыми сердцами. Неприкрашенная, страшная картина русской крепостной деревни открылась для них, и самый чуткий, умный и талантливый слушатель Николай Новиков постарался вскоре познакомить с нею читателей своих сатирических журналов.

Депутат от пахотных солдат Иван Жеребцов высказал пожелание устраивать школы для детей этого сословия Города Пензы депутат Степан Любовцев ему возражал.

— Школы для пахотных солдат весьма излишни, — сказал он. — Земледельцу то и школа, чтобы обучать детей хлебопашеству и прочим домовым работам. А ежели они с малолетства будут употребляться в науки, то уже к земледелию их

склонить будет никак невозможно. Земледельцам наук, к состоянию их не принадлежащих, совсем иметь не следует, может быть, кроме российской грамоты, и то по собственному чьему желанию. Так этот и сам выучится. А школы государственной пользы никакой принесть не могут, кроме казенного ущерба, отчего и хлеб дороже нам станет.

Граф Александр Строганов, депутат серпейского дворянства, согласился с Жеребцовым. Он выпевал изящно и долго, но когда Новиков переписывал свою дневную записку, то увидел, что граф также хлопотал не о крестьянских детях и не о просвещении народа, а о благополучии помещиков.

— До каких бедств доводит нас невежество! — говорил он. — Без ужаса представить себе не могу плачевное зрелище умерщвленных собственными крестьянами помещиков. Года еще нет, как подобный умысел почти на глазах наших произошел: эти злодеи, словно дикие звери, господина своего, размучив, убили, и жену его, и нерожденного еще младенца из недр ее вырвали. Я уверен, что если бы сей род людей был просвещеннее, то, конечно, мы бы не стали свидетелями таких свирепств. Итак, вы видите, сколь училища для крестьян полезны, — заключил он с нескрываемым торжеством.

Участвуя в разборе наказов депутатам от избирателей, Новиков прочитывал их и сортировал, раскладывая по кучкам, — какие от дворянства, какие от городских жителей, от коллегий и канцелярий.

Шуйские дворяне наказывали депутату князю Оболенскому, чтобы он добивался особого знака для вышедших в отставку из службы дворян. Они получают патенты на свои чины, но не всегда оные при себе иметь могут, а с прочими людьми отличность иметь должны. Так не угодно ли будет повелеть таким дворянам носить на ленте сверх кафтана знак, а какого вида — определить указом?

Благородное дворянство Кадуйского уезда было обеспокоено недавним запрещением возить в города вино и водку собственной выделки. Потому штаб и обер-офицерские чины из дворян за неимением при себе домовой водки принуждены бывают покупать напиток в городах, с противными и непристойными специями и запахом. Дворянство, по характерам их, видит в этом себе недостаток.

Дворяне Пронского уезда сообщили о том, что воровство и грабежи происходят в России по большей части от множества безместных церковников. Земли у них мало, детей много, доходов нет, в работе же, как всем известно, сей род ленив. Не повелено ли будет безместных церковников верстать в сол-

даты, а негодных к тому — в подушный оклад? Тогда и воровство уняться может.

Ярославское дворянство в наказе своему депутату князю Щербатову жаловалось, что главный чин Российской империи, удостоенный особливой поверенности от монархов, теряет свои права, которые от перемены обычаев или от захвачения других чинов ныне совсем в забвение пришли или затушены подкопами под законы. От Щербатова требовали, чтобы он старался в Комиссии возвести дворянство на прежнюю степень преимуществ.

Избиратели князя Щербатова протестовали против указа Петра I, подписанного в 1721 году: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворян, равно как и дети их и их потомки, суть дворяне, и надлежит им писать патенты на дворянство».

Через год в табели о рангах — лестнице военных и гражданских чинов, от коллежского регистратора до канцлера, — Петр снова подтвердил: «Дослужившиеся до обер-офицера и их дети суть дворяне». Это значило, что дворянами становились те, кто получал чин прапорщика, поручика и капитана. В штатской службе было труднее: дворянство присваивалось более старшим чинам, соответствующим штаб-офицерским званиям.

Итак, ярославские дворяне, а вместе с ними представители этого сословия из многих других мест Российской империи требовали отменить жалованное дворянство или награждение этим званием за личные заслуги. Только те, кто происходил от благородных предков, могли пользоваться привилегиями, доступ новых людей в первое сословие государства дворянам желательно было прекратить.

Такова была главная просьба русского родовитого дворянства, привыкшего по праву рождения пользоваться тем, что по своим личным качествам многие члены этого сословия получить не могли. Дворянин — ему открыты все дороги к административным постам и почестям. Мещанин — будь он семи пядей во лбу — мог рассчитывать только на небольшую должность под командою дворянского сына, пусть хоть вдесятеро его глупее и невежественнее.

В Комиссии закипела борьба между «породой» и «чином». По проекту о правах благородных выступали депутаты от дворян, от городов, казачьего войска, от коллегий и департаментов.

Депутат города Рузы Иван Смирнов говорил:

— Надобно, чтобы дворянство и преимущества оного не доставались по наследству, но чтобы всякий старался достигать их по заслугам. За преступление же или за небрежность к своей должности нужно отнимать и самое дворянство. И су-

дить дворян следует по законам, которые установлены для всех других людей в государстве.

— Жаловать дворянством никак невозможно, — возражал депутат Ржевы Володимировой Игнатьев. — Многие из подьяческих, посадских и прочих подобного рода людей, вышедшие в обер-офицерские и штатские чины, покупают деревни, размножают фабрики и заводы, а чрез то делают подрыв природному дворянству в покупке деревень. Надо запретить покупать деревни тем, кто выслужил себе дворянство, а если у них есть деньги, пусть отдают их в рост за проценты и тем довольствуются вместо доходов от крестьянства.

Самый велеречивый оратор дворянского сословия в Комиссии, князь Щербатов, доказывал, что права «природы» нарушить нельзя.

— Самый естественный рассудок убеждает нас, — говорил он, — что честь и слава наиболее действуют в дворянском сословии. Честь прививается дворянам с рождения, с воспитания. Надобно потому установить, чтобы никто из разночинцев в право дворянское только по чину обер-офицерскому вступить не мог. Лишь один государь может награждать по своему соизволению этим правом того, кто окажется достойным.

Обсуждение вопроса о правах благородных людей снова взбудоражило Большое собрание. Проект, составленный в частной комиссии, был одобрен затем Дирекционной комиссией и вынесен на общее обсуждение. Обладать крепостными желали купцы, промышленники, казаки и даже духовные лица! Дворяне отстаивали свое исключительное право иметь крепостных рабов и потому решительно возражали против награждения дворянским званием вместе с чином.

Споры в Комиссии стали тяготить императрицу. Она лучше всех знала, что никакого практического смысла эти словопрения не имеют: как захочет русская самодержица, так и будет, что бы там ни говорили черносошные крестьяне или купеческие головы. Оставлять же в столице это собрание ораторов не было расчета: политический горизонт омрачался.

Турция, подталкиваемая своими европейскими покровителями, напала на Россию. Война требовала энергичных распоряжений, денег, людей, продовольствия, оружия. С Комиссией надобно было кончать.

В четверг 18 декабря 1768 года Бибиков прочитал в Большом собрании именной указ. Начинался он титулом Екатерины:

— Божею поспешествующею милостью мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, государыня

Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, княгиня Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных...

Маршал перевел дух:

— Государыня и великая княгиня Нова-города, Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и всея Северныя страны повелительница и государыня, Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследная государыня и обладательница.

«А теперь, — подумал Новиков, — желает она расширить свой титул и вписать еще строку: «великая княгиня Молдавская и Валашская, Крымских ханов наследная государыня». Какой же ценой мы заплатим за новые титулы?..»

— Ныне учинено от вероломного неприятеля нарушение мира и тишины, — читал Бибиков, — столь нами желаемых, сколь они нужны для приведения к окончанию предпринятого нами поправления гражданских законов. При таких обстоятельствах нам теперь должно быть первым предметом защищение государства от внешних врагов. От сего же самого Комиссии о сочинении проекта не малая приключится остановка, по причине, что многим депутатам к своим должностям надлежит отправиться.

В Петербурге были оставлены только члены частных комиссий, которым отдали приказ продолжать труды по-прежнему. Остальные депутаты разъехались по своим полкам, усадьбам, городам и канцеляриям. Императрица обещала созвать их вновь, когда окончатся дела, порученные частным комиссиям, но, сказать правду, исполнять свое обещание не думала: для нее вполне хватало первого опыта.

Штаты Комиссии были сильно сокращены, и через несколько дней, 26 декабря, прикомандированные к ней обер-офицеры полевых полков отправились по своим частям

Новикову не пришлось уйти вместе со всеми товарищами — сдача дел Комиссии о среднего рода людях задержалась.

Глава IV.

ИЗДАТЕЛЬ «ТРУТНЯ»

Замешанный в толпе последний офицер,
Какую пользу тем я обществу доставлю,
Когда в полку число поручиков прибавлю?

Я. Княжнин

1

— Погляди, что я принес. На улице раздавали прохожим.

Товарищ Новикова по службе в Комиссии Лыков протянул ему четыре маленькие печатные странички.

— Что это? Ода в честь закрытия Комиссии или новый манифест?

— Не пойму. Люди брали, и я не отказался.

— «Всякая всячина», — прочитал Новиков — «Сим листом бью челом, а следующие впредь изволь покупать».

— Ишь как приманивает, — засмеялся Лыков. — А ведь ты и верно покупать будешь — все деньги на печатную бумагу готов убить

2 января они сидели в канцелярии Комиссии. Новиков сдавал дела, уходя в полк, Лыков оставался вести дневную записку.

— «Всякая всячина каждый год с нами пребывала, ныне можем видеть ее напечатанную», — читал Новиков «Поздравление с Новым годом» — тысяча семьсот шестьдесят девятым.

Нет сомнений, он держал в руках номер нового журнальчика. Кто его издатели, чьи письма и стихи будут там печатать?

Журналу потребно разрешение властей. Кому же удалось его получить?

Через неделю Новиков, зайдя в мастерскую переплетчика Веге на Луговой-Миллионной, купил следующий номер «Всякой всячины». Подписи издателя и редактора не значилось, и авторы не ставили под статейками своих настоящих имен: это еще не было принято в журналистике, да и литературные произведения порой печатались анонимно. Любители словесности из дворян не считали удобным ставить наследственную фамилию на книжке, которую, может быть, осудит читатель, а имена авторов незнатных никому не могли быть памятны.

Но шила в мешке не утаишь, да Екатерина и не старалась этого делать: читателям «Всякой всячины» следовало знать, что журнал — затея царицы. И в Петербурге слышали, что «Всякую всячину» издает секретарь императрицы Григорий Васильевич Козицкий и что сама она там пишет статьи. Стало быть, журнальчик нужно читать со вниманием.

«Всякая всячина» объявила себя «бабушкой» новых журналов и выразила уверенность в том, что скоро появится поколение внуков. Для того были приняты меры. Кто желал выступить с журналом, мог подать прошение в Академическую комиссию, ведавшую типографией, не открывая своего имени, лишь поставив подпись «Аноним».

В половине января Новиков рассчитался с Комиссией и по приказу Военной коллегии должен был отправиться в Севскую дивизию, в Муромский пехотный полк.

Никакой охоты продолжать военную службу у Новикова не было.

Он знал по опыту, как связывает человека военный мундир Новиков понимал, что быть офицером почетно и служба эта — дворянская, однако склонности к ней не имел.

Перейти в штатскую также не хотелось. Если служить, как подобает прилежному чиновнику, надо помнить законы и указы, уметь разбираться во всех канцелярских пружинах. Работа в Комиссии показала ему, как это сложно. А потом взятки, акциденции... Смешно говорить, сам он рук не запачкает, но ведь надобно следить за подчиненными, чтобы и они просителей не обижали... Нет, приказные дела его не занимали, к ним он тоже не чувствовал склонности.

Легче других и спокойнее была бы служба во дворце, если бы не надлежало владеть наукой притворства, и в большем объеме, чем, например, нужно театральным актерам. Те притворно входят в разные страсти на время, а при императорском дворе роли разыгрываются всю жизнь

Придворный человек всем льстит, говорит не то, что ду-

мает, обязан казаться добрым и снисходительным, когда надут гордостью и пышет злобой. Он обещает — и ничего не исполнит. Хвалит, а сам терзается завистью. Нет у него истинных друзей: вокруг льстецы, и он льстит, угождая случайным людям — фаворитам. Верно, придворная служба весьма блистательна, однако очень скользка и скоро тускнеет. Нет, не годится и она...

«К чему же потребен я в обществе? — размышлял Новиков. — Нельзя ничего не делать! «Без пользы в свете жить — тягчить лишь только землю», — сказал славный российский стихотворец Александр Петрович Сумароков. Последовать его путем — писать, исправлять нравы? Но хватит ли дарования? Я хочу служить моим согражданам, я знаю их нужды — в Комиссии было о них говорено предовольно, — люблю книги, уважаю сочинителей... Так не приложить ли мне силы к изданию их трудов? Так делывал Сумароков в своей «Трудолюбивой пчеле», его пример — мое ободрение. Буду издавать еженедельные листы и не гоняться за всякой всячиной, а писать дельно, с пользой для света».

Исполнение этой мысли ждать себя не заставило.

2

Война с Турцией не сулила блестящих побед. Первая армия то переходила Днестр, то возвращалась обратно. Командующий князь Голицын проявлял робость и беспомощность, солдаты страдали болезнями, лошади падали от бескормицы. Деньги в казне таяли, доходов не предвиделось.

Русское правительство добивалось в Польше уравнения политических прав православных с католиками. Король Станислав Понятовский, бывший любовник Екатерины, возведенный ею на польский престол в 1764 году, сопротивлялся этому акту. Россия ввела в Польшу тридцатитысячное войско. В его присутствии король изменил свою позицию, члены сейма, не пожелавшие принимать навязанные им решения, были вывезены в Россию — и сейм признал законными требования императрицы.

В 1768 году в городе Баре образовалась конфедерация польской шляхты и католического духовенства под лозунгом «За веру и свободу», выступившая против России и короля Понятовского. Развернулись военные действия, конфедератов оттеснили в Молдавию. Их поддержали Турция и Франция. И здесь нужны были войска и деньги...

На уральских заводах солдаты усмиряли приписных крес-

тьян. Оказывали непослушание соликамские и чердынские работные люди. То в Астрахани, то близ Петербурга ловили беглых, разглашавших, что государь Петр III жив, готовится принять царство и желает позаботиться о народных льготах.

Молодой адъютант Опочинин выдавал себя за сына английского короля и государыни Елизаветы Петровны. Его схватили, дознались, что есть заговорщики Намеревались они низложить Екатерину, истребить Орловых и на престол возвести Павла Петровича.

Главнокомандующий Москвы фельдмаршал Салтыков в ноябре доносил императрице, что в городе и окрестностях разбои весьма умножились, а полки выступили на войну и не осталось ни одной конной команды. Екатерина войск не прибавила и рекомендовала учредить команды из московских жителей.

В октябре и ноябре были по всей России проведены рекрутские наборы — с каждых трехсот душ по одному рекруту. В солдаты забирали безместных церковников, поповских и дьяконских сыновей. Армия ждала пополнения.

Не хватало звонкой монеты — Екатерина решила ввести бумажные деньги, ассигнации: турецкая война за первые же месяцы поглотила миллион с четвертью рублей, казна пустовала...

Слухи о неудачах русских войск наполняли Петербург. Серьезность положения преувеличивалась в столичных разговорах. Но как было не соглашаться с дурными пророками, которые напоминали, что, если бы дело шло гладко, не пришлось бы распускать Комиссию? Видно, каждый офицер и сержант на счету, люди вот как нужны, потери армии велики...

Новиков слышал и позднее записал рассуждения трусливых политиканов, уверявших, что турецкая армия вооружена лучше русской и отчаянно смела в атаке.

— У меня и теперь сердце обливается кровью и волосы дыбом становятся, когда вспомню янычар, с открытою грудью бегущих и всех саблями поражающих, — рассказывал какой-нибудь участник прежних кампаний. — Эти варвары рождаются на погубление человеческого рода. Они подобны диким зверям. Семь гренадеров моей роты воткнули в янычара по штыку, но он и тогда вокруг всех рубил, и я насилу мог от него уйти... А пушки их так длинны и так далеко стреляют, что мы в десяти верстах от них едва укрывались. Ныне, я чаю, они еще далее стреляют — ведь пушкари у них какие-то европейские христиане.

Боязливым старичкам такого склада возражали, ссылаясь на общепризнанную храбрость русских солдат и офицеров, на победу над пруссаками в Семилетней войне. Кто-то подтверж-

дал это мнение, но кто-то продолжал распускать панические слухи о турках.

Императрица требовала от командующих скорых, решительных действий, она готовилась заменить Голицына Румянцевым, а на его место во Вторую армию поставить Петра Панина, однако следовало подумать, как пресечь неприятные разговоры и занять умы легкой и спокойной темой.

Еще совсем недавно, когда после коронации распространились слухи о том, что Екатерина выходит замуж за Григория Орлова и дворянство этим марьяжем оскорбилось, она поспешила прекратить подобные толки: издала манифест о воспрещении непристойных рассуждений по делам, до правительства относящимся, — манифест о молчании.

Теперь, после созыва Комиссии, таким окриком и угрозами ртов не заткнешь — сама позволила наговаривать лишнее, а кое-где даже крепостные возмечтали о том, что в их пользу будут переменяться законы. Гласность была допущена, в один день ее не отменишь. И хоть видимость публичности надо както при новом политическом ходе сохранить.

Екатерина была хитра и сообразительна. Средство она отыскала.

Надобно издавать журнал, выпускать его почаще, раз в неделю, писать повеселее, ведя свою линию. В Петербурге о таком журнале не слыхивали, найдутся подражатели. Если будут споры — тем лучше, за ними станут следить читатели — глядишь, и убавится охотников осуждать Голицына и толковать о том, почему закрыли Комиссию. В Англии выходили с полвека назад журналы «Зритель» и «Болтун», они имели успех и развлекали общество долгое время — вот и пример!

Секретари у императрицы были дельные, грамотные, сама она писать очень любила, хоть русским языком владела неважно. Есть откуда и переводить — иностранные книги и журналы во дворец поступали.

И с нового, 1769 года начал выходить в Петербурге еженедельный журнал «Всякая всячина», печатавший, однако, не все, что придется, а лишь то, что было угодно и выгодно императрице.

«Всякая всячина» объявила, что она стоит за сатиру в «улыбательном духе», которая не затрагивает отдельных лиц и государственных учреждений, а выступает лишь против людских пороков вообще, не целя ни в кого персонально. Императрица не терпела никакой критики. Все, что было ею заведено в стране, она считала замечательным, совершенным и не желала слушать ничьих советов. Если и были недостатки в управлении Россией, то все они относились на счет предыдущих цар-

ствований, а нынешнее, по мнению Екатерины, от этих недостатков освободилось. Из номера в номер, всем своим содержанием, журнал Екатерины II внушал читателю:

— Всякий честный согражданин признаться должен, что, может быть, никогда, нигде какое бы то ни было правление не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами монархиня имеет о нас, в чем ей, сколько нам известно и из самых опытов доказывается, стараются подражать и главные правительства вообще.

Лихоимство и обман издавна проникли в присутственные места Российской империи и вызывали гнев и возмущение всех, кому приходилось сталкиваться с администрацией. Вступив на престол и торопясь завоевать популярность, Екатерина II особым манифестом 18 июля 1762 года осудила взяточничество, с которым якобы мирились прежние государи, и расписала его яркими красками:

— *Ищет ли кто место — платит; защищается ли кто от клеветы — обороняется деньгами; клевещет ли на кого кто — все* происки свои хитрые подкрепляет дарами. Напротиву того, многие судящие освященное свое место, в котором они именем нашим должны показывать правосудие, в торжище превращают... и мздоприимством богомерзким претворяют клевету в праведный донос, разорение государственных доходов в прибыль государственную, а иногда нищего делают богатым, а богатого нищим...

За семь лет нового царствования в русской юстиции ничего к лучшему не изменилось, судьи брали взятки по-прежнему, а кое-кто и пуще принялся грабить ближнего. Однако Екатерина громогласно утверждала, что суд в России исправился и стал неподкупным.

«Всякая всячина» разъясняла мнение императрицы читателям. Те, кто недоволен судейскими порядками и жалуются на взяточников, беспокоятся напрасно, ибо сами навлекли на себя злоключения. Законы в России лучше, чем на Западе, а если они и были несколько запутаны, так для приведения их в порядок была созвана Комиссия Нового уложения. Судьи хороши — ведь их назначает императрица, которая неустанно заботится о народном благе, в Европе же торгуют патентами на судебные должности: кто больше заплатит, тот и судит.

Журнал императрицы отвергает все жалобы на чиновников и сожалеет о трудностях их службы, рассуждая так:

— Не подьячие и их должности суть вредны, — статься может, что тот или другой из них бессовестен. Но если бы менее было около них искушателей, не умалились бы тогда на них жалобы?

Не «искушать» подьячих легко — не нужно только их беспокоить: «Не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно миритеся без подьячих, сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот».

Что будут делать подьячие, оставшись без просителей, нужен ли стране суд, если гражданам рекомендуется впредь решать споры самим, без посредничества, — эти вопросы «Всякая всячина» не обсуждала, как не думала она о том, что удобнее было бы исправить государственный аппарат, чем перестать им пользоваться, избегая опасности взяток.

«Всякая всячина» рекомендовала журналистам толковать о достоинствах правительства и не расписывать дегтем недостатки русской жизни:

«Добросовестный сочинитель, — говорилось в одной из статей журнала, — изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечество: но, располагая свои другим наставления, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостью; описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю и отечеству, изображает миролюбивого гражданина, верного хранителя тайны »

Журналистам вменялось в обязанность изображать примерных персонажей, призывая подражать им, и черною краской не пользоваться — в России, мол, все светло при нынешней монархине, — а кто говорит иное, тот злопыхатель и человек вредный. Но против некоторых возмутительных фактов и сама «Всякая всячина» метала гром и молнию. В самом деле, какой стыд: «Многие молодые девушки чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через что подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего». Вот ведь что случается в обществе. Почище судейского разбоя!

При этом «Всякая всячина» не упускала повода изложить свою точку зрения на важные вопросы современной жизни прямо или в иносказательной форме. Например, была напечатана сказка о том, как некие портные шили мужику новый кафтан — из старого он вырос. Добрый приказчик созвал портных, наметил покрой. Мужик дрожит от холода во дворе. Но когда приступили к работе, вошли четыре мальчика, которых хозяева недавно взяли с улицы, — они помирали там с голода и холода. Им приказали помогать портным, однако дело только замедлилось, мальчики, хоть и знали грамоту, но были весьма дерзки и нахальны, стали прыгать и шуметь, критиковали портных и не весть чего требовали.

Так журнал выразил царицыно недовольство работой Комиссии о сочинении Нового уложения. «Мужику» — населению России — затеяли шить кафтан, то есть составлять законы, а дерзкие мальчики — понимай: сочувствовавшие крестьянству депутаты — помешали портным и приказчику — Екатерине. «Мужик» остался без кафтана, он продолжает мерзнуть, в этом вина мнимых народных заступников, и нужно негодовать против них, а не против государственной власти.

3

Новиков взял отставку с военной службы, навестил в Авдотьине мать и возвратился весной 1769 года в Петербург свободным человеком в звании отставного поручика.

Чин был невелик, но какое это имеет значение, когда перед владельцем его открывалось бурное поприще журналистики!

«Всякая всячина» теперь была не одна. В январе вслед за нею появился журнал «И то и се» Михайлы Чулкова, чью книгу «Пересмешник» брал на комиссию Новиков. В феврале бывший студент Московского университета Василий Рубан начал издавать журнал «Ни то ни се». Преподаватели Сухопутного кадетского корпуса Румянцев и Тейльс выпускали журнал «Полезное с приятным», выбирая для него из иностранных изданий статьи на моральные темы.

1 марта офицер полевых полков Василий Тузов начал свое издание — «Поденщина». Он думал было каждый день выпускать по свежему номеру из четырех страничек, но писал плоховато, к изданию привычки не имел и через месяц бросил затею. Наконец 1 апреля вышел еженедельный журнал «Смесь», чей издатель сумел так искусно скрыть свое имя, что остался неизвестным. А листы «Смеси» были остры, злободневны и нравились Новикову. Издатель, не обинуясь, писал о том, что крестьяне умеют мыслить основательно о многих полезных вещах, головы же знатных людей бывают набиты требованиями чести без малейших заслуг, высокомерием, смешанным с подлостью, и пустыми родословными.

Среди такого невиданного в России обилия журналов Новикову предстояло найти место своему изданию — подлинно сатирическому, каким он его хотел видеть. Не подпевать «Всякой всячине», как Рубан, не баловаться печатью, как Тузов, а выполнять гражданский долг с пером в руках вместо шпаги, положенной дворянину.

Какое название приискать журналу? Эти «Ни то ни се»,

«И то и се», «Смесь», «Полезное с приятным» были, в сущности, перефразировкой имени «Всякой всячины». Новиков не желал повторять надоевшую комбинацию. Имя должно быть неожиданным, значащим и кратким.

Он перечитал предисловие ко «Всякой всячине». Там говорилось о господине, живущем чужими трудами. Трутень!.. Сумароков издавал «Трудолюбивую пчелу». Это было десять лет назад. Времена изменились. Сатира должна разить сильнее — велико и неизбывно народное горе... А если «Трутень»? Издатель его дворянин, он также сидит на горбу своих крестьян, как и тот бездельник из «Всякой всячины». Но в отличие от него издатель «Трутня» мучится своей привилегией и желает быть полезным отечеству. Порукой тому его журнал.

Итак, «Трутень».

В предисловии к журналу Новиков изложил свои мысли о военной, гражданской, придворной службах и распростился с карьерой. Он счел для себя возможным только один род деятельности — издание трудов своих сограждан, «особливо сатирических, критических и прочих, ко исправлению нравов служащих». Ибо намерение его — исправлять нравы.

Новиков подал прошение в Академическую канцелярию, журнал был разрешен, и в начале мая 1769 года «Трутень» вылетел в свет.

Эпиграфом для своего журнала Новиков выбрал строку из притчи Сумарокова, как бы разъяснявшую понятие «трутень»:

Они работают, а вы их труд ядите.

Впрочем, закончив 1769 год и приступая к изданию «Трутня» в следующем, Новиков заменил эпиграф на другие сумароковские стихи:

Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много.

За полгода журнальной борьбы Новикову дали почувствовать опасность резкой сатиры, и он предупредил об этом читателей в новом эпиграфе.

Листки «Трутня» выходили каждую неделю. Новиков печатал по шестьсот с лишним экземпляров каждого номера — «Всякая всячина» начинала с тысячи шестисот. Однако номера ее не покупались, и тираж издатели сократили втрое. А Новиков через три месяца выпустил «Трутень» вторым изданием — спрос на его журнал был велик — и с тринадцатого листа печатал уже в тысяче двухстах экземплярах. Другие издания 1769 года довольствовались тиражом 500—600 экземпляров.

Первый номер «Трутня» был занят предисловием — много ли уместишь на четырех крошечных страничках? — но во вто-

ром, вышедшем 5 мая, читатели могли ощутить сатирический запал нового издания. Новиков сочинил и напечатал письмо некоего дяди к племяннику с рекомендацией поступать в «приказную службу», то есть стать чиновником: «Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку».

Это письмо, говорившее о том, что в судах процветают взятки, что на воеводстве можно нажиться, не понравилось Екатерине II.

«Всякая всячина» в девятнадцатом листе поместила статейку, ее автор рассказывал о встрече с человеком, который считал себя умнее всех и думал, что свет не так стоит: «Люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется... Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости весьма обыкновенные человечеству».

Заключали статейку правила:

1. Никогда не называть слабости пороком.

2. Хранить во всех случаях человеколюбие.

3. Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того...

4. Просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения.

Но этих ограничений Екатерине показалось мало, и она прибавила: «Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтоб впредь о том никому не рассуждать, кто чего не смыслит; и шестое: чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

Такая программа уничтожения журнальной сатиры, предложенная императрицей, вызвала резкую отповедь Новикова. В пятом листе «Трутня» 26 мая за подписью «Правдулюбов», которая стала затем постоянным его псевдонимом в полемике 1769 года, он писал:

«Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбие. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным снисходит, или (сказать по-русски) потакает».

«Всякая всячина» не замедлила ответом:

«На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пятым

отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая оные... Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие... Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь».

Так заявила «Всякая всячина» в двадцать третьем номере. Новиков выступил с ответом в восьмом листе «Трутня» 16 июня:

«Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна».

«Трутень» упрекал императрицу в плохом знании русского языка, делая вид, что не ведает, с кем спорит. Дерзость эта не имела еще себе равной.

Почему груба «Всякая всячина»? В руках ее издателя — административная власть.

«Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист Трутня уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное, а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-либо право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно было бы написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам; итак, их всех ей уничтожить не можно».

Вслед за этой статьей, подписанной фамилией Правдулюбова, в том же восьмом листе «Трутня» Новиков поместил письмо Чистосердова, поднявшего свой голос в защиту журнала. Чистосердов предупреждал издателя: в придворных кругах считают, что автор «Трутня» не в свои садится сани и совсем напрасно пишет о знатных людях. «Кто-де не имеет почтения и подобострастия к знатным особам, тот уже худой слуга. Знать, что-де он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали».

Чистосердов передает прямую угрозу оскорбленных Новиковым придворных господчиков, напоминавших о судьбе Антиоха Кантемира. После первых своих сатир он был отправлен за границу в должности посла, сначала в Лондон, а затем в Париж, и умер на чужбине.

«Пишите сатиры на дворян, — говорил Чистосердов, — на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех прочих людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассудки и

угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных: тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь английской соли употребление знают немногие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят».

Письмом Чистосердова Новиков показал, откуда журнал может ожидать себе неприятностей, но не сбавил тона. В двадцатом листе «Трутня» от 8 сентября он пародировал статью, напечатанную 21 августа во «Всякой всячине», и вывел редакцию этого журнала под именем «самолюбивого человека». Этот «самолюбивый» хочет, «чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу он терпеть не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаяся из дома в дом, ему похвалы возглашали, что, однако, есть грех».

Борьбу «Трутня» против журнала Екатерины II поддерживали журналы «Смесь» и «Адская почта» — ежемесячный журнал под таким названием начал издавать в июле писатель Федор Эмин. Постепенно «Всякая всячина» стала выходить из боя, убедившись, что ей трудно состязаться с «Трутнем» в остроумии и доказательности. Поле сражения осталось за Новиковым.

Спор о характере и направлении сатиры, разгоревшийся в 1769 году между «Трутнем» и «Всякой всячиной», имел чрезвычайно важное и принципиальное значение. Екатерина II старалась привить русской литературе охранительные взгляды, она желала, чтобы писатели поддерживали монархию и прославляли государственный строй России, закрывая глаза на его недостатки. Литература, по ее мнению, должна была защищать незыблемость монархии и не имела права критиковать самодержавную власть. Новиков не посягал на основы монархии, не думал об уничтожении крепостного права, но злоупотребления им стремился прекратить и горячо сочувствовал крестьянам.

На страницах «Трутня» Новиков представил читателю несколько кратких и выразительных характеристик господ, которые безвинно мучат крепостных людей и не признают за крестьянами права на человеческое достоинство. Так, некто, названный Змеяном, утверждает, что господин должен быть тираном своих слуг, если хочет видеть их послушными.

«Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только потому, что они крепостные его рабы.. Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва-

едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы».

Его превосходительство господин Недоум желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтобы простой народ был вовсе истреблен, о чем подавал правительству просьбы. Опасаясь смертельного обморока при встрече с неблагородным человеком, Недоум не ездит в церковь, не бывает на улицах и, «подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою, или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных...»

Несколько резких, лаконических штрихов новиковского пера — и перед нами этюды к большому социальному портрету российского дворянства, сословия землевладельцев-крепостников, — портрет, который в полном объеме будет написан мастерами русского критического реализма XIX столетия.

Крестьянская тема во всем своем значении возникла на страницах «Трутня». Новиков открыто заявил, что он сочувствует крепостному народу и осудил господ. Материалы «Трутня» показали полнейшее юридическое бесправие крестьян и дали понять, что вопрос о положении крестьянства в России имеет важнейшее государственное значение. Так, в таком объеме и с такой силой вопрос этот еще не ставился в русской литературе.

Однако из числа периодических изданий 1769 года первой напомнила о крестьянах «Всякая всячина». Редакция правительственного журнала предвидела неизбежное выдвижение этого вопроса в печати — слишком велико было к нему общественное внимание — и постаралась обезопасить его постановку. С этой целью в одной из статеек «Всякой всячины» был рассказан такой эпизод:

«Лишь успел я переехать, то услышал вместо поздравления с новосельем превеликий крик. Я осведомился, что тому причиной. Мне сказали, что мой сосед милостиво наказывает своих людей на конюшне своей плетьми. Я спросил, часто ли то бывает. Ответствовали мне, что, кроме воскресных дней и господских праздников, почти всякий день».

Затем автор переходит к другой теме, а в конце статьи вновь возвращается к наказанным дворовым. Способов помочь крепостным холопам он не видит и не ищет. Обычная гуманность заставляет сочувствовать им, но мысль о необходимости изменить бесправное положение крестьян в голову автору не приходит. Статья «Всякой всячины» заключается фразой: «Но кто за людей смеет вступиться? Хотя сердце соболезнует

о их страдании. О всещедрый боже!.. всели человеколюбие в сердце людей твоих!»

«Всели человеколюбие» — не больше... Нельзя улучшить положение крестьян — можно только молиться о ниспослании добродетелей их свирепым владельцам. Только такой совет могла дать «Всякая всячина», и лишь он был годен для государственного режима, который поддерживался этим журналом. После всех ужасов крестьянской жизни, раскрывшихся перед многими представителями российских сословий на заседаниях Комиссии, после громких требований ограничить бесконтрольную власть помещиков и учредить «нечто о собственном рабов имуществе» журнал Екатерины II воззвал лишь к частному милосердию.

Это была попытка уклониться от решения существеннейшего вопроса современности, намерение внушить журналистам единственный, по мнению императрицы, возможный вид постановки крестьянской темы в русской литературе. Но мог ли истинный просветитель примириться с таким решением?

Новиков развертывает в «Трутне» типичную картину взаимоотношений помещика с крепостными.

Староста Андрей — Андрюшка, как называет он себя в письме господину, ибо крестьяне при обращении к барину могли пользоваться только уничижительной формой имен, — докладывает помещику о деревенских делах. Оброк собран, но недоимки велики: «Крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился». Неплательщиков секут на сходе, но денег у них от этого не прибавляется. Деревню разоряет соседний помещик Нахрапцев — «землю отрезал по самые гумна, некуда и курицы выпустить», да еще грозится судом и тюрьмой. «С Филаткой, государь, как поволишь? — спрашивает староста. — Он лето прохворал, хлеба не сеял, работать в доме некому, лошади пали, что с ним делать?»

А вот как писали в то время крестьяне, — на что указал П. Н. Берков, — в челобитной генерал-губернатору Орловского наместничества А А. Беклешову. «Оглянись, государь Александр Андреевич, на наши горькие слезы, защити от воров поверенных да целовальников! Как они нас разоряют: ведь нам, государь, невмочь стало! Просить некого, кроме тебя, государь; нигде суда не сыщешь, ходь лоб взрежь. Все у них на жалованье... Как ты ездил, государь, по городам,... так нас в тогдашнее время исправник подхватя, да посадил под караул, пока ты проехал; для того, что он ведь от них, воров, получает по триста в год, да вина и водки, что выпить может. Так они и живут — рассуди их! - душа в душу; правды не сыщешь ни на алтын... Умилосердись, государь, прикажи, чтоб нас

воры-поверенные не разоряли! А коли ты, государь, не вступишься, так они из нас кровь высосут».

В листе тридцатом Новиков опубликовал письмо Филатки барину и копию с помещичьего указа, отправленного в деревню. Перед читателем раскрывается — нужно сказать, впервые в нашей литературе — правдивая во всех деталях и страшная в своей простоте картина крестьянской жизни.

«По указу твоему господскому, — пишет Филатка, а точнее, деревенский грамотей от его имени, — я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных, только мне взять негде, остался с четверыми ребятишками мал мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем; над ребятишками сжалился мир, видя нашу бедность: им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги».

Филата подкосило несчастье — взрослые дети умерли, лошадь пала, хлеба достать не с кем. Он просит скостить недоимку и дать господскую лошадь, чтобы помалу исправиться. Бедняк обращается к барину с горячей просьбой, называет его отцом, умоляет смилостивиться...

Почетное имя отца меньше всего подходило для хозяина Филата, и Новиков дает это заметить в письме старосты, где, в частности, говорится: «С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей. И он на сходе высечен. Он сказал: я-де это сказал с глупости, и напредки он тебя, государь, отцом называть не будет».

Какой тут «отец»! Это кровопивец, беспощадный мучитель, наживающий богатство на страданиях других людей.

В деловитых и жестоких пунктах копии с помещичьего указа Новиков раскрывает натуру свирепого крепостника.

Барин велит «человеку нашему Семену Григорьеву» ехать в деревню за счет старосты, по прибытии старосту на сходе высечь нещадно, сменить его и взыскать сто рублей штрафа. И далее каждый пункт, а всего их шестнадцать, излагает требования «взыскать», «взять в господский двор», «высечь»...

Помещик не пожелал прийти на помощь своему крепостному. Зато это сделали крестьяне, которые оставили ему корову, чтобы не уморить с голоду ребятишек. Новиков приводит этот пример народной взаимопомощи, показывая, насколько гуманнее ведут себя простые люди, как человечно они относятся к окружающим. Моральная сила тут на стороне крестьян, к ним и обращены все симпатии Новикова.

Писатель сатирически описывает дворянские нравы, особенно резко выступая против презрения ко всему русскому,

очень заметного в привилегированном обществе эпохи. Он осуждает модников, вертопрахов, щеголих, находя для этого остроумные приемы.

Иные заметки «Трутня» по глубине своего смысла стоят порой «литературного полотна». Таково, например, объявление, напечатанное в шестом листе журнала:

«Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Коротко и метко Новиков обличил этого «поросенка», набравшегося низкопоклонства перед Западом и неуважения к взрастившей его России. Их было много в то время, таких «русских французов», Новиков видел, какое зло представляют они для своего отечества.

Зато с уважением «Трутень» говорит о «среднего рода людях», разночинцах, которые не обладают преимуществами аристократического происхождения, но имеют такие высокие способности и твердые моральные принципы, что оказываются достойными государственного доверия. В листе четвертом своего журнала Новиков представил читателям трех кандидатов на важное служебное место. Первый из них — дворянин «без разума, без науки и без воспитания... Душ за ним тысячи две, но сам он без души». Однако ж он состоит в родстве со знатными боярами. Второй искатель также дворянин, человек недурной, хотя «к важным должностям не вовсе годится». «Третий проситель места, по наречию некоторых глупых дворян, есть человек подлый, ибо он от добродетельных и честных родился мещан. Природный его разум, соединенный с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным». Он отлично служил в армии, покрыт ранами, верный друг, благоразумный отец, честный судья и, словом, показал собою, что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей.

Характеристики трех кандидатов составлены так, что не может быть неясности в том, кто более всего подходит для назначения, — конечно же, третий претендент, прошедший военную школу, образованный и добродетельный мещанин. Так думает и Новиков, однако он знает, что распределение должностей вовсе не связано с личными достоинствами кандидатов, и, прямо не заявляя об этом читателю, предлагает ему в заключение решить задачу, угадав: «Глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелью наградятся?» И вовсе не надо обладать особой проницательностью, чтобы че-

ловек, мало-мальски знакомый с жизнью, после этого сказал: «Место будет отдано глупому, но знатному дворянину».

В том же четвертом листе «Трутня» рассказано о том, как жестоко поплатился купец, осмелившийся заявить, что богатая барыня украла у него из лавки драгоценное украшение. «Боярыня не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила. Ништо тебе, бедный купец!» Суд принадлежит правящему сословию, и правды в нем искать нечего, — к такой мысли подводит читателя эта, наверное, невыдуманная история.

Письмо из Москвы, напечатанное в тринадцатом листе журнала, содержит еще одну «истинную быль» о том, как судья обвинил честного подрядчика в краже часов, которые на самом деле похитил у него племянник. Подрядчика жестоко истязали в полиции, и допросы под плетьми чинились с тем большей строгостью, что судья был должен подрядчику по векселю. Когда случайно удалось обнаружить настоящего вора и подрядчика надобно было освободить, суд принял такое решение: «Вора племянника, яко благородного человека, дяде наказать келейно, а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут».

«Всякая всячина» перешла на 1770 год, на протяжении января — апреля появились еще восемнадцать номеров; там печатались нравоучительные рассуждения, неинтересные читателям, и журнал закрылся при общем равнодушии.

Однако и «Трутень», наученный опытом своей литературно-политической борьбы, в 1770 году должен был убавить резкость сатирических нападок.

Новиков охотно подчеркивал вынужденность такой перемены тона. Он напечатал несколько писем читателей, в которых выражалось недовольство падением журнальной сатиры:

— Господин Трутень! Кой черт! Что тебе сделалось? Ты совсем стал не тот; разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелося послушать, как станем бранить?.. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего...

А через номер, в листе семнадцатом, Новиков заявил о прекращении журнала.

В заключительном листе он писал: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною...»

Можно без ошибки предположить, что «Трутень» закрылся под административным нажимом: к этой разгадке ведут и общее направление и лучшие материалы журнала.

4

Новиков мог быть доволен — он вступил на литературном поле в открытую борьбу с императрицей и вышел победителем.

Сатира и критика создали известность «Трутню». Но разве обязанности журналиста сводятся только к порицанию? Не должен ли он показать образцы, которым необходимо следовать, не нужно ли убеждать читателя, что заслуживают подражания лишь хорошие примеры?

Выпуск журнала увлек Новикова да был к тому ж и небезвыгоден. Еще многое оставалось ему сказать читателю. Почему же не начать новое издание? Запрета на журналистику не положено.

Новиков обдумывал план второго журнала.

Еженедельные листы непрерывно поглощали внимание издателя, свободных дней у него не было. Он готовил статьи, отправлял их в типографию, читал корректуры. И надо следить за остальными журналами — все прочесть, сообразить ответы, побывать в обществе, проверить, как принят очередной «Трутень»... Хлопот множество. Не попробовать ли ежемесячное издание? Книжки его позволят напечатать произведения более крупные по размеру, чем письма и объявления «Трутня». Крупная же вещь представлялась Новикову в виде повести. Он хотел описать образцовую дворянскую семью и сказать читателям: вот как следует жить дворянину, чтобы им гордилось отечество.

После «Трутня» Новиков не рассчитывал на благоволение Академической канцелярии, владевшей типографией, — репутация оскорбителя «Всякой всячины» тому препятствовала. А может быть, через Козицкого переданы в Академию наук и особые о нем указания? Мол, не печатать, и все...

Последний номер «Трутня» вышел 27 апреля 1770 года, а через месяц, 26 мая, в Академической канцелярии лежало прошение маклера Андрея Фока, желавшего печатать на собственный кошт ежемесячный журнал «Пустомеля». Кто такой Фок, было неизвестно, однако и не числилось за ним ничего предосудительного. Журнал разрешили.

Если бы чиновники были повнимательней, они могли вспомнить, что почерк, которым написано прошение Андрея Фока, им знаком. Такими прямыми буквами было писано прошение издателя журнала «Трутень» Николая Новикова. Желая выпускать «Пустомелю», он спрятался за подставным лицом.

Первая книжка журнала была уже подготовлена. Новиков

отдал ее в печать, и через две недели, 15 июня, номер «Пустомели» был в руках читателей.

Название журнала как будто бы должно было успокоить бдительность властей — что важного может сообщать «Пустомеля»? Хотя «Трутень», насекомое бесполезное, принес немало огорчений... Впрочем, надо присмотреться: не сболтнет ли чего лишнего этот «Пустомеля»?

Статья «То, что употребил я вместо предисловия», открывшая журнал, передавала монолог мнимого Пустомели. На нескольких страницах текла болтовня о том, о сем, но автор искусно ее направлял. В шуточных строках он ясно выразил свое мнение о современных литераторах, рассыпал насмешки над своими противниками и намекнул на вздорные статейки «Всякой всячины».

Многие думают, что писать просто, говорит Новиков, имея в виду десятки авторов, пробовавших силы в журналах 1769 года и целя в Михайлу Чулкова, издателя «И то и се» и «Парнасского щепетильника». Нет, утверждает он, «чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение, хороший вкус. знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все это вместе есть искусство хорошо писать, и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель».

В первой книжке «Пустомели» Новиков начал печатать повесть «Историческое приключение», пообещав закончить ее. Однако вторая книжка вышла без продолжения, и журнал закрылся. Эта повесть, очевидно, должна была иллюстрировать мысль о том, что часто «люди впадают в пороки по одному добросердечию, но среди самых преступлений праводушие их сияет и великость духа оказывается». Неизвестно, о каких преступлениях и пороках могла пойти речь. Новиков изображает тесный дружеский кружок провинциальных дворян, а хозяин дома, где происходит действие, Добронрав и его сын Добросерд являют собой пример отличного воспитания и обладают лучшими качествами.

Достаточно выписать первые фразы повести, чтобы читатель увидел, какие образцы прозаического слога были перед глазами Карамзина, когда он работал над своими повестями.

Новиков писал:

«Добронрав, новгородский дворянин, из поколения Стародуровых, поселившихся в тот город еще при царе Иване Васильевиче Грозном на место побитых дворян, имел около четырех

тысяч рублей годового дохода и был один из числа тех, кои называются хлебосолами, которые по добросердечию имением своим жертвуют увеселению друзей своих, часто забывая самого себя, и, стараясь помогать бедным, доходят нередко до беднейшего состояния, в каком были те, коим они помогали. Добронрав полагал удовольствие в том, чтобы быть вместе с друзьями своими. Дом его наполнен был всегда соседями, не только ближними, но и отдаленными дворянами и дворянками того уезда: роскошь и веселье всегда к себе привлекают, а отгоняют скука и бедность. Частые пиры и угощения сделали то, что Добронрав почитался увеселением всего Новгородского уезда. Впрочем, веселая жизнь не помешала ему Добросерда, сына своего, воспитывать так, как воспитывают детей отцы нашего времени».

Добросерд получил приказ явиться к полку, чтобы идти против неприятеля. Он приступил к сборам и узнал, сколь тягостно расставаться с любезным отцом и с любовницею. Миловида укрепила его стремление послужить отечеству.

«Добродетельная девица легче ста нравоучителей сердце своего любовника утвердить может. «Поезжай, — говорила она ему, — куда зовет тебя должность, заплати ревностным оныя исполнением государю за награждение тебя чином; посвяти ему и отечеству себя во услуги: мы всем должны им жертвовать, подражай моему примеру: я приношу ему жертву сто крат драгоценнее своей жизни; я отпущаю тебя... может быть, на смерть!..» Она не могла продолжать, слезы полилися из глаз ее, любовь, наполнившая сердце Добросердово, в ту минуту претворилася в любочестие; они по нескольким разговорам простились».

Как бы равняясь на этот новиковский образец, Карамзин в «Бедной Лизе» изобразил сцену ее разлуки с Эрастом:

«Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: «Тебе нельзя остаться?» — «Могу, — отвечал он, — но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества». — «Ах, когда так, — сказала Лиза, — то поезжай, поезжай, куда бог велит! Но тебя могут убить». — «Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза». — «Я умру, как скоро тебя не будет на свете». — «Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу».

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию» и т. д.

Со страниц «Трутня» Новиков перенес в «Пустомелю» жанры сатирических «Ведомостей».

В сообщении из Москвы кратко рассказывается о триумфе актера придворного российского театра Дмитревского, выступавшего в трагедиях Сумарокова, драме Бомарше «Евгения» и других пьесах. Эта заметка может показаться неважной, но на самом деле появление ее означало, что в русской журналистике возникает театральная критика.

Следующий номер «Пустомели» содержал отзыв о постановке на придворном театре трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Автор воздавал хвалу исполнителям главных ролей — Дмитревскому, Троепольской — и с гордостью замечал, что они не уступают французским актерам, — истина, в которой сомневались придворные зрители. Один из этих господ, глядя на русских актеров, сказал:

— Жаль, что они не французы; их бы можно почесть совершенными и редкими в своем искусстве.

Новиков осмеял пристрастие к иностранным знаменитостям

Вторая книжка «Пустомели» вышла ровно через месяц, 15 июля. В ней Новиков напечатал стихи Фонвизина и переводное «Завещание Юнджена, китайского хана». Обращаясь к своему сыну, государь преподает ему уроки правления. Тот порядок, который он ввел в стране, так не походил на состояние России, что читатель невольно сравнивал Юнджена с Екатериною II, отчего она весьма проигрывала.

Стихи Фонвизина «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» распространялись в рукописи: Новиков решил их напечатать. Автор спрашивает своих слуг: на что сей создан свет? Ванька, бывавший в Москве и Петербурге, так изложил свои впечатления от современного общества:

Попы стараются обманывать народ,
Слуги дворецкого, дворецкие господ,
Друг друга господа, а знатные бояря...
Нередко обмануть хотят и государя...
Что дурен здешний свет, то всякий понимает,
Да для чего он есть, того никто не знает.

Не может ответить на этот вопрос и автор стихотворения. Признание несовершенности мира, по церковным представлениям созданного богом, сомнение в целесообразности божественной воли навлекли на Фонвизина упреки в атеизме. «Пустомеля», напечатавший стихи, стал как бы единомышленником Фонвизина и разделил с ним укоры, исходившие от религиозных блюстителей нравственности.

Двух таких произведений в одной книжке журнала вполне

хватило для того, чтобы третий номер в свет уже не вышел. Типография Академии наук отказала маклеру Андрею Фоку в печатании «Пустомели».

Новиков опять остался без своего журнала.

Обдумывая планы новых изданий, он поступил на службу в Иностранную коллегию переводчиком. Об этом говорят расписки Новикова, хранившиеся в Академической канцелярии, на которых вместе с фамилией он указывал должность.

В ноябре 1770 года Новиков обратился в Академию наук с просьбой напечатать перевод произведения Вольтера «Поэма о нынешних делах». Эта книга вышла в следующем, 1771 году, и, хоть имя переводчика на ней не выставлено, весьма вероятно, что с французского перевел ее сам Новиков. В 1772 году была издана книга «Французская нынешнего времени философия» — Новиков перепечатал ее затем в 1787 году, — и есть основания полагать, что он был и переводчиком этой книги.

Не стоит оспаривать такие догадки, ссылаясь на уверения самого Новикова, что он не знал иностранных языков. Напомним, что Новиков учился во французском классе гимназии, награждался за успехи в занятиях и, конечно, много читал. Слова же его о незнании языков, думается, нельзя принимать всерьез. Это был способ подчеркнуть оригинальность собственного творчества. Такая мысль прямо высказана в одном из писем, напечатанных в «Живописце» (часть II, лист 22). Там рассказано, что некто в обществе хвалил издателя «Живописца», который, «не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишет такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся».

Подражательность представлялась Новикову тяжелым обвинением для национального автора.

А он ощущал себя именно русским писателем.

Глава V.

МАСТЕРСТВО ЖИВОПИСЦА

> О мастер в живопистве перьвой,
> Ты перьвой в нашей стороне
> Достоин быть рожден Минервой,
> Изобрази Россию мне.
>
> М. Ломоносов

1

Вступая на литературный путь, Новиков опасался, что воспитание его и душевные дарования положат тому непреоборимые преграды. Он думал ограничить свою роль изданием чужих сочинений и предполагал очень мало писать в журнале сам. Так по крайней мере заявил он в предисловии к «Трутню».

Счастье для нашей литературы, что Новиков не выдержал этой роли издателя. Во-первых, пишущие люди, чьи сочинения собирался печатать Новиков, не часто брались за перо, а читателям каждую неделю необходимо дать свежий номер «Трутня», и хочешь не хочешь, нужно его комплектовать статьями. А во-вторых, Новиков захотел писать, ибо скоро понял, что никто другой не мог яснее и короче изложить волновавшие его мысли. Журнал же строился по единому плану, и в него не было доступа чужим голосам. Так Новиков сделался автором и в третьем своем журнале «Живописец» сразу объявил это читателю.

«Живописец» стал новым оружием Новикова в его борьбе с императрицей.

Исчерпав возможности, которые мог предоставить ей еженедельный журнал, и ничего особенного не добившись, Екатерина II, однако, не думала прекращать попытки командовать общественным мнением в России.

Но если не вышла затея с Комиссией, если не удалось подчинить своему влиянию непокорных журналистов, — что следовало предпринять еще? Остался театр — верное средство воздействовать на умы, школа морали и воспитания. К семидесятым годам XVIII века театр занимал уже видное место в жизненном обиходе русского общества, обладал сложившимся репертуаром и отличными артистами. Слово, звучащее со сцены, могло наставлять зрителей, покорять их сердца.

Екатерина, человек, глубоко чуждый художественному восприятию мира, общественное значение искусства понимала очень хорошо и среди других средств административного влияния на подданных никогда не забывала о нем.

Писателей, готовых выполнять ее литературные предначертания, у государыни почти не было, а толковых тем менее. Со свойственной ей энергией Екатерина сама устремляется в драматургию. Секретари правят слог, сближая его с русским языком, вставляют, где надобно, стихи. В 1771 году писались и в 1772-м пошли одна за другой на сцену придворного театра пять комедий императрицы: «О время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьей» и «Невеста невидимка». Художественный уровень пьес был весьма низок, но мысли и требования автора проступали в них вполне отчетливо.

Екатерина II со сцены отвечала своим оппонентам в Комиссии Нового уложения, «Трутню» Новикова — всем, кто видел недостатки управления Россией и имел самостоятельное мнение о политике самодержавия. Продолжая, как это делала «Всякая всячина», высмеивать сплетни, глупость людскую, фанфаронство, невежество, Екатерина II вместе с тем включила в текст комедий много современных намеков, особенно ожесточенно нападая на дворянских либералов. Пьесы должны были убеждать зрителей, что разумное правительство печется о благе России, а несмысленые прожектеры и критиканы ему в этом препятствуют.

Вскоре события крестьянской войны заставили правительство, откинув литературные формы, железной рукой насаждать порядок в российских губерниях. К этому времени и дворянство, до смерти напуганное выступлением народа, забыло о либеральных разговорах и поторопилось поддержать свою государыню.

«Живописец» начат был Новиковым в апреле 1772 года по

известному плану, и пять первых листов являются составными частями общего литературного замысла издателя. В дальнейшем участие в журнале других авторов, полемика, необходимость печатать нейтральный материал и статьи защитного свойства, способные смягчать цензурные условия, нарушили четкость композиции журнала, но верность своим общественно-эстетическим идеалам Новиков сохранил до конца издания.

В самом деле, первый лист «Живописца» занят «приписанием», то есть посвящением журнала «неизвестному сочинителю комедии «О время!», сиречь Екатерине II, и представляет собой заключенную в легальнейшие строки заявку на сатирическое обличение действительности, путь к которому якобы открыла сама императрица своей комедией

Второй, третий и четвертый листы отведены статье «Автор к самому себе». Новиков производит смотр основным течениям русской литературы, рассыпает критические замечания по поводу современных писателей, обозначенных довольно ясными псевдонимами, за которыми стоят имена Василия Петрова, Лукина, Чулкова, может быть, Ржевского и других Здесь же мы встречаем резкий выпад против пасторальной поэзии, рисовавшей несуществующие прелести пастушеской жизни. Новиков пишет, что читатель фальшивых произведений такого рода ответствует их авторам старинною пословицей: «Чужую душу в рай, а сам ни ногой», и замечает: «Бедный автор, ты других и себя обманываешь».

Далее Новиков развертывает галерею хулителей наук, русских дворян. Вот они, «благородные невежды», ветреные щеголи, модники, — самовлюбленный Наркис, Худовоспитанник, Кризосуд, Щеголиха, Молокосос, Волокита. Но не лучше их относятся к наукам и «благоразумные старцы, премудрые воспитатели», — они твердят, что их деды и прадеды ничему не учились, но жили счастливо, богато и спокойно.

В монологе Волокиты Новиков пародирует модное щегольское наречие, салонный жаргон светских людей, не скрывая своего презрения к модному коверканию русского языка.

Наконец, показав образчики литературного стиля пасторали и стиля речи дворянской молодежи, Новиков в следующем, пятом, листе «Живописца» печатает «Отрывок путешествия в *** И *** Т ***». Другими словами, сразу после критического разбора современной литературы Новиков выдвигает тему огромного общественного звучания и смысла — тему бедственного состояния русских помещичьих крестьян, в деталях знакомую ему по работе в Комиссии о сочинении Нового уложения.

В «Трутне» читатель имел дело с письмами старосты Ан-

дрюшки, крестьянина Филатки, барским указом. На страницах «Живописца» крестьянская тема предстает перед читателем в авторском изложении *.

«Отрывок» назван в журнале сатирой, однако вряд ли читателям удавалось обнаружить в нем сатирические элементы — в сущности, они получили правдивый отчет о виденной путешественником русской деревне, что подчеркивалось автором в слоге повествования:

«...По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я, похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречалися со мною в образе крестьян. Непаханые поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие, покрытые соломою хижины из тонкого заборника, небольшие одоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны».

Путешественник понимает, что в крестьянской нищете виноваты господа, и решается громко заявить об этом:

«О человечество!.. тебя не знают в сих поселениях. О господство!.. ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель, любовь ко ближнему, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!»

Перо путешественника рисует картину русской деревни Разоренной, стоящей на самом низком и болотистом месте. «Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою... Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека.

---

* Вопрос о том, кто написал «Отрывок путешествия в *** И*** Т***», имеет немалую историю и до сих пор окончательно не разрешен. О том, что автором «Отрывка» был А. Н. Радищев, сообщил его сын Павел Александрович в 1858 году. Наиболее подробно затем аргументировал авторство Радищева В. П. Семенников, чьи доказательства приняли и дополнили Я. Л. Барсков, Г. А. Гуковский, П. Н. Берков. На возможность расшифровать буквы «И*** Т***» как «Издатель Трутня», то есть Новиков, указал в 1889 году Л Н. Майков. В наше время принадлежность «Отрывка» Новикову признает Г. П. Макогоненко. К такому выводу в отмену своих прежних высказываний пришел и автор настоящих строк.

День тогда был жаркий, я ехал в открытой коляске, пыль и жар столько обеспокоили меня дорогою, что я спешил в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться... Мы стучалися у ворот очень долго, но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего. Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их».

Эта нагая, лишенная каких бы то ни было стилистических украшений проза полна движения, каждая фраза содержит глагол.

«Отрывок путешествия» как бы представляет собой лишь часть какого-то большого сочинения — Новиков написал, что это «глава XIV». К этой главе издатель сделал примечание: «Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в *** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы читателя моего попотчевать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато».

В конце «Отрывка» сказано: «Продолжение будет впредь». Однако прошло немало времени, и разыгрались сильные споры, прежде чем обещанное продолжение увидело свет. Издатель как бы произвел разведку своей публикацией в пятом листе, выслушал мнения различных групп читателей и в соответствии с обстановкой смягчил затем удар журнальной сатиры: протесты дворян были слишком решительными.

Смелое выступление Новикова навлекло, по-видимому, угрозу закрытия журнала, и, чтобы отвести ее, издатель счел за благо предварить продолжение «Отрывка» некоторыми пояснениями. В тринадцатом листе «Живописца» Новиков напечатал статью «Английская прогулка», в которой излагал беседу издателя с одним доброжелательным читателем. Этот почтенный и учтивый господин осведомился, почему задерживается печатание «Отрывка» и не причиною ли тому споры о нем, разгоревшиеся в обществе. «Правда, — сказал он, — что многие наши братья дворяне пятым вашим листом недовольны, однако же ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас». Новиков ответил, что автор «Отрывка» вовсе не желал огорчить «целый дворянский корпус». Он имел в виду лишь тех помещиков, которые дворянскую власть употребляют во зло и тем самым вредят не только своим крестьянам, но всему Российскому государству.

Однако — и здесь Новиков применил свое блестящее уменье высказать в подцензурном журнале крамольную мысль

и обиняком подтвердить то, от чего в прямой речи автор как бы отмежевался, — к словам о жестоких дворянах он прибавил в подстрочной сноске: «Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование». Издатель будто бы сократил текст, но на волю читателя оставлен подбор выражений и понятий, обличающих помещиков, а направление такой аттестации указано ясно.

Через несколько строк Новиков повторяет этот удачный прием. После суровых слов, произнесенных тоном грозного судии: «Отчего происходит то, что крестьяне наши часто бывают бедны, отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?» — идут два ряда точек, обозначающих пропуск в тексте, и новая сноска: «Я и тут многое выключил из сказанных мною причин в первом примечании».

Ряд точек встречается в этой статье и ниже, там, где приводится мнение надменных дворян о крестьянах. Новиков как бы щадит честь дворянского сословия, не желая выставлять на посмешище читателям варварские взгляды многих его представителей. Но характер этих мнений определен: господа, высказывающие их, уверены, «что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать часто о человечестве, однако же будто они якобы благорожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны».

Как мог, Новиков с помощью этих приемов защитил картину российской деревни, показанную «Живописцем». В заключение статьи он напомнил об английской грубости, которую в России именуют «благородною великостию духа», и предложил считать, что «Отрывок» написан «в английском вкусе»: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины. Отсюда идет и название статьи.

Вслед за «Английской прогулкой» Новиков поместил в четырнадцатом листе «Живописца» продолжение «Отрывка путешествия». Начало его выдержано в характерной для изданий XVIII века манере перечисления обычных сатирических персонажей — богачей, судей, подьячих, щеголих, ревнивых супругов и любовников, игроков, купцов, врачей — с описанием, кто как заканчивает свой день, проведенный без всяких трудов, в забавах и обмане ближнего. Перечень этот необходим Новикову для того, чтобы в заключительной фразе противопоставить барскому разврату нравственные достоинства и трудолюбие народа.

«А крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли

и в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали».

Тема обличения пороков дворянского общества, затронутая в этой статье, была уже в большой степени традиционна для русской литературы, и Новиков решает ее в общепринятом стиле. Новая тема — описание русской помещичьей деревни — потребовала от него иной литературной манеры, характерной предельным лаконизмом и энергичной выразительностью. Новиков передает особенности народной речи, не стремясь выравнять крестьянский говор по нормам литературного языка своего времени.

Старший из крестьян говорит путешественнику: «Не прогневайся, господин доброй, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимой, были в поле: царь небесной дал нам ведро, и мы торопимся убрать живо, покуда дожжи не захватили... По сесь день господень все-таки у нас, родимой, погода стоит добрая... У нашего боярина такое, родимой, поверье, что как поспеет хлеб, так сперьва его боярской убираем, а с своим-то, де, изволит баять, вы поскорее уберетесь... ведь мы себе не лиходеи: мы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадает. Дай ему бог здоровья!.. Ведь мы, родимой, не господа, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют...»

Речь крестьянина исполнена высокого достоинства. Он спокойно разъясняет проезжему барину установленные местным помещиком порядки — сначала убери господский хлеб, потом принимайся за свой, так заведено. И работа на поле в воскресенье — тоже обычное дело. Но огромная сила иронии заключена во фразе крестьянина о том, что мужики не баре и с них достаточно, что гуляют господа, а если бы крестьяне соблюдали все праздники, некому стало бы работать. Свое истинное отношение к этому миру крепостной действительности, в котором одни только работают, а другие гуляют, русский народ показал через несколько лет, выступив под знаменами Емельяна Пугачева.

Путешественник долго размышляет о бедственном состоянии крестьян, а на следующее утро намеревается ехать в деревню Благополучную: «Хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных». Подстрочное же примечание к этим строкам гласит: «Я не включил в сей листок разговор путешественника с крестьянином по некоторым причинам; благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно, бы заслужил его любопытство

и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренной деревни и подобных ему».

В третьем издании «Живописца» 1775 года под текстом «Отрывка» было приписано: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги». Но и четвертое издание, вышедшее в 1781 году, разумеется, не имело в своем составе обещанного продолжения. Его вообще не существовало, как не было в России деревень Благополучных.

Это и подчеркивал Новиков своим примечанием.

2

Четырнадцатый лист «Живописца», где было напечатано продолжение «Отрывка путешествия», заканчивался похвальными стихами графине Прасковье Брюс, ближайшей подруге императрицы. Правды в них не было, графиня отнюдь не могла служить образцом нравственности, но стихи содержали комплимент самой Екатерине, а потому Новиков поместил их, ослабляя резкости своего «Отрывка».

Приняв эту меру предосторожности, он в следующем листе напечатал сатирическое «Письмо уездного дворянина его сыну», подкреплявшее главные мысли «Отрывка», и вновь позолотил пилюлю: в листе шестнадцатом опубликовал благодарственное письмо архиепископа Амвросия Подобедова графу Григорию Орлову, на чей счет было указано относить заслугу прекращения чумы 1771 года в Москве. Орлов был фаворитом императрицы, и, хотя время его «случая» уже истекало, в обществе он продолжал считаться наиболее близким к Екатерине лицом.

В письме уездного дворянина Трифона Панкратьевича сыну Фалалею перед читателем раскрываются картины быта провинциальных помещиков, и ему становится видно, какие ничтожные и корыстные люди владеют в России деревнями и крестьянскими «душами». Страшен и жалок этот дворянин, занявшийся своим поместьем после отрешения от службы. Лишенный возможности обирать просителей, он грабит своих мужиков. Деревня Трифона также могла бы носить название Разоренной, и недаром он рассердился на «Живописца». Удар, нанесенный рассказом путешественника в «Отрывке», пришелся и по нему. Трифон желает неограниченной власти над крестьянами и с ненавистью пишет о том, что в соседней деревне, принадлежащей Григорию Орлову, мужики платят барину пол-

тора рубля с души, а с них надобно брать бы по тридцать — живут богаче иного дворянина.

Легко увидеть, что сочиненное Новиковым письмо Трифона с жалобами на новые времена содержит приятные для императрицы вести: «дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать, нельзя у соседа и земли отнять», нельзя отдавать деньги в рост больше шести процентов, а раньше бирывали и по двадцати пяти, запрещены взятки, разрешено ездить за море и, наконец, издается журнал, в котором пишут о дурных помещиках. Все это — признаки мудрого царствования Екатерины. Крестьяне Орлова живут лучше всех, он дает пример, как вести дружбу с народом. Эти строки «Письма» рассчитаны на императрицу и должны были ей понравиться.

«Письмо уездного дворянина» имело свое продолжение. В двадцать третьем и двадцать четвертом листах «Живописца» были напечатаны письма Фалалею от его отца, матери и дяди. Новиков зарисовал фигуры алчных помещиков-крепостников, которых позднее вывел на сцену Фонвизин, обозначив их именами Скотининых и Простаковых.

По своему значению и силе художественной разработки крестьянская тема занимает в «Живописце» наиболее важное место. Следом за ней идет тема просвещения и борьбы с галломанией и бескультурьем дворянского общества. Новиков считал, что от того, как воспитаны будут молодые дворяне, зависит чрезвычайно много. Просвещенные люди не станут безудержно мучить крестьян. Дворяне же, не получившие разумного воспитания, приведут своих крепостных к бунту.

Такую же надежду на воспитание возлагал и Фонвизин, уверенный, что Правдин и Милон образцово относятся к своим крестьянам, а Митрофан Простаков, выученный Вральманом и ведомый наставлениями своей матушки, должен быть лишен права распоряжаться крестьянами. И Новиков и Фонвизин мечтали только о некоторых улучшениях крепостного строя, не думая, что его необходимо разрушить целиком. Лишь Александр Радищев сказал о том, что крепостное право подлежит уничтожению. Оно развращает помещиков, накладывает печать губительного влияния на крепостных, и, как бы хорошо ни воспитывался дворянин, система крепостнических отношений все равно сделает его злодеем для крестьян.

Острая наблюдательность Новикова, огромная память, умение видеть смешное в житейских эпизодах, запоминать и передавать на бумаге чужую речь со всеми ее оттенками помогали ему создавать отличные сатирические сценки и разговоры.

Вот одна из таких сценок.

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна, увидела разнос-

чика с апельсинами и приказала кликнуть его. Она сторговала десяток за полтину и между тем вздумала пошутить над разносчиком.

— Женат ли ты?

— Женат, сударыня, и троих уже имею детей.

— А бывают ли между крестьянами мужья-рогоносцы?

— А между господами бывают ли, сударыня?

— Как же не быть, — сказала госпожа. — И у меня есть муж.

— Так как же, сударыня, быть тому меж крестьянами, что делают господа? Нас приказчик за это бы всех пересек, ежели бы мы стали что у господ перенимать. Нам только велят работать.

— Да ведь за женою усмотреть мужу никак невозможно, если она что захочет делать, — сказала барыня.

— Ваше дело господское, — отвечал разносчик, почесавшись. — Вы это по себе больше нашего знаете, сударыня. А где живет ваш муж?

— На своей половине, — отвечала госпожа, — а я на своей.

— Да разве вам на одной-то половине тесно?

— Не очень бы тесно, да это по моде.

— Чему же дивиться, сударыня, что ваш муж за вами усмотреть не может, когда вы от него так далеко живете.

— Дурак, — перехватила, смеючись, госпожа. — Ведь я это не про своего говорила мужа-то.

— Так виноват, — сказал крестьянин, также усмехнувшись. — Я не растолковал и думал, что вы говорите про своего мужа.

Барыня пожаловала разносчику два рубля и отпустила.

Другая сценка из «Живописца».

Молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам, рассказывал чудеса о заграничной жизни. Мещанин наш Чистосердов спрашивал у него о нравах немецкого народа, об узаконениях, о ярмарках, но ни на что порядочного не мог получить ответа. Мещанин потом спросил приезжего, чему же он там обучался.

— Философии, — ответствовал дворянин.

— А что такое философия?

— Философия не что иное есть, как дурачество, а совершенный философ есть совершенный дурак.

— О, так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, — сказал мещанин, — ибо я нахожу вас совершенным философом.

Дворянин, усмехнувшись, отвечал:

— Сократ, славный в древности философ, говаривал о се-

бе, что он дурак, а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ.

— О вас это другие скажут.

— А знаете ли вы, — спросил дворянин, — какая разница между ученым и неученым?

— Всеконечно, знаю, — сказал мещанин. — Разница та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству.

И разошлись.

Мещанин сказал:

— Видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают.

Или: щеголиха пишет издателю «Живописца».

— Ты радость, беспримерный автор, — по чести говорю, ужесть как ты славен! Читая твои листы, я бесподобно утешаюсь, как все у тебя славно: слог расстеган, мысли прыгающи. По чести скажу, что твои листы фельетирую без всякой дистракции. Ты уморил меня, точь-в-точь выказал ты дражайшего моего папахена — какой это несносный человек! Ужесть, радость, как он неловок выделан, какой грубиян! Он и со мною хотел поступать, как с мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне. С матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства его к ней были брань, пощечины и палка. Но она и подлинно была того достойна, с эдаким зверем жила сорок лет и не умела ретироваться в свет. Бывало, он сделает ей грубость палкою, а она опять ему на глаза лезет. Беспримерные люди! Таких горячих супругов и в романах не скоро набежишь. Суди, душа моя, в какой я была школе, чему научилась. По счастью, скоро выдали меня замуж, я приехала в Петербург, подвинулась в свет, разняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор, который посадили мне родители. Я поправила опрокинутое мое понятие, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком.

Новиков отлично понимает, что он издает журнал, орган периодический, злободневный и небольшой по объему.

В его журналах мы встречаем чрезвычайное разнообразие жанров. Многие он впервые ввел в русскую журналистику — от миниатюрной повести до пародии на газетные объявления о подрядах и продаже в «Трутне»: «В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте». Или: «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе».

Новиков составляет сатирические словари, сатирические

рецепты, высмеивая недостатки русской действительности и метя не на отвлеченные пороки, а на «лица», на конкретных носителей зла. Но, пожалуй, основным жанром журналов Новикова остаются письма и корреспонденции. Эти письма показывают огромный литературный талант Новикова, умевшего немногими чертами воссоздать облик своих корреспондентов, передать их манеру думать и излагать свои пожелания.

В листе двадцать первом первой части «Живописца» Новиков помещает письмо богомольца-монаха Тарасия, в котором содержатся похвала журналу и просьба к издателю напечатать призыв увеличить подаяние монастырю: «Прочее, господине честный, не перестаем моляще твое благоутробие, да нечто превозвестиши и в нашу пользу, сиречь еже умножитися подаянию во обитель нашу».

Перечень посылающих поцелуи «Живописцу» монахов-администраторов весьма велик — отец игумен, отец келарь, отец казначей, эконом, ризничий, уставщик, гробовый, конюшенный, крепостной, трапезенный, рухлядный, чашник, площадный, будильник, подкеларник и «прочии, их же не веси». Могучее хозяйство содержалось на деньги верующих!

Издатель «Живописца» отвечает монастырскому корреспонденту, выдерживая церковнославянский слог, каким было написано письмо Тарасия. Но совет, который дает Новиков богомольцу, полон коварного смысла. Оглянись вокруг себя, премудрый старец, говорит Новиков, посмотри на братию свою, кто из них имеет моральное право судить ближнего, потому что сам является образцом поведения? «Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, и где исправляются?.. Со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельбуду пройти сквозь иглины уши, неже богату внити в царствие небесное».

В статье «Автор самому себе», напечатанной в листе 2 «Живописца», Новиков высмеял сочинителей идиллий и эклог из крестьянской жизни, восторгавшихся «златым веком», которым якобы наслаждаются невинные поселяне: «Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь, вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохлаждение.

...Сама Добродетель в виде прелестной пастушки, одетой в белое платье и увенчанной цветами, тихонько подкрадывается, вдруг перед ним показывается, пастух кидает свирель, бросается в объятия своей любовницы и говорит ей: цари всего света, вы завидуете нашему блаженству».

Новиков знает подлинную крепостную деревню, где подобное блаженство никогда не существовало.

Литература классицизма не изображала конкретных людей, не спускалась в быт, крепостной мужик ею не замечался. Новиков решительно возражает против такого отрыва литературы от жизни и на страницах своих журналов показывает русскую деревню, нищих крестьян и тиранов-помещиков.

3

Писатель и журналист, Новиков откликался на злободневные темы и выпускал свои листки, не думая о закреплении за ними бессмертной славы. Но между тем именно они, эти еженедельно заполняемые страницы новиковских журналов, насыщенные горячей авторской мыслью и запечатлевшие контуры дней, в которые они были созданы, остались жить, сохранив свое обаяние на многие года.

Эстетическое сознание эпохи еще не требовало обилия художественных деталей, обрисовки подобностей, создающих полноту и правдоподобие изображаемой картины. Говорилось лишь о самом главном, вещи назывались, а не описывались в тех случаях, когда они вообще попадали в поле зрения автора. Ведь примерно только десятилетием позже Державин совершил переворот в русской поэзии, показав вещный, видимый, цветущий мир в многообразии его красок и звуков. До него на эти качества писатели просто не обращали внимания, ставя целью творчества отвлеченное изображение страстей человека, борьбу между чувством и долгом.

В листе восемнадцатом первой части «Живописца» была напечатана присланная «несчастным Е***» из Смоленска краткая повесть «Следствия худого воспитания», названная автором просто «Запиской». Отец и мать Е*** жили недружно меж собою, пороли крестьян плетьми, образ жизни родителей развращал мальчика, проводившего время в праздности. В юношеские годы он сдружился с сыном соседнего помещика, искушенным в карточной игре, стал пить, заслужил немилость отца, был выгнан из дому и совсем опустился.

«Наконец, несносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки, и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен, со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание».

В немногих словах, на трех журнальных листочках, рассказана человеческая жизнь, долженствующая послужить уроком читателям. Примечание издателя указывает на это: «Отцы

и матери, казнитеся сим примером, воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы».

Так писал Новиков. Рассказываемый им сюжет был затем превращен А. Измайловым в большую повесть. В 1799 году вышла из печати его книга «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества», части первая и вторая. Повторено название статьи из «Живописца» — «Следствия худого воспитания», имя героя «Е***» раскрыто как Евгений, а в тексте описана печальная судьба единственного сына, которому во всем потакали родители и тем развили в нем порочные наклонности. Евгений учился у дурных наставников, другом его сделался негодяй Развратин и т. д. Столь близкое сходство двух произведений не может почитаться простой случайностью, и следует думать, что Измайлов средствами романиста расширил и обработал новиковскую миниатюру.

Присмотримся к слогу краткой повести «несчастного Е***», напечатанной в «Живописце».

«Отец мой, хотя, правда, был недалекого разума, однако разбирал понемногу Четьи-Минеи и другие церковные книги; матушка же моя насмерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе, да редко имела досуг читать и французские... А как я уже приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российской грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такого упражнения голова у меня не разломилась или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала и не раз бранила батюшку, что он меня к тому неволил».

Эти строки способны напомнить нашему читателю роман Пушкина «Капитанская дочка», где в такой же манере и тональности ведется описание детства Петра Андреевича Гринева.

«Отец мой, Андрей Петрович Гринев, в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве.

...В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я читать и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу...»

М. В. Ломоносов. Гравюра И. Ф. Дейнингера.

Дом Н. И. Новикова в Авдотьине.

Москва. Северо-восточный угол Кремля. Воскресенские ворота и здание, где в XVIII веке помещался Университет. С современного рисунка.

Н. И. Новиков. С гравюры Н. Е. Черепанова.

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
мѢсяцъ май.
Опасно наставленье строго,
Родъ звѣрства и безумства много.
притч. А. Сумар:
Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ
Е. Н. Кирсановъ

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ,

на 1770 годъ,

Опасно настапленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много.

Прит. Г. Сумар.

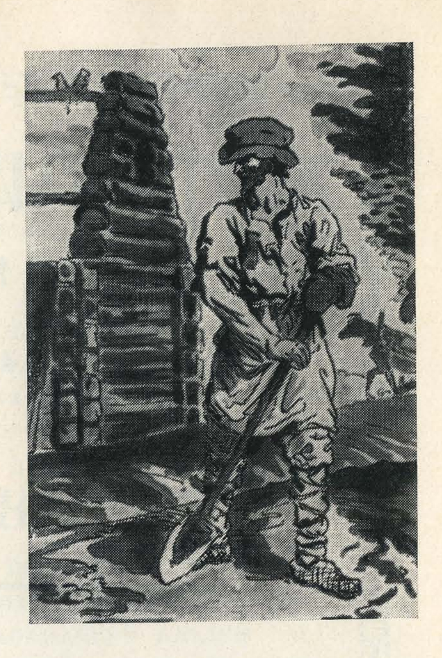

Печатано
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Помещик и священник на сельском сходе. Гравюра из книги «Деревенское зеркало». 1798.

Крестьянин на пашне. Гравюра Обигана по рисунку Аткинсона.

Крестьянин с заступом. Акварель Аткинсона.

Крестьянская изба XVIII века. Акварель Аткинсона.

ЖИВОПИСЕЦЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

на

1772 годъ

СОЧИНЕНІЕ.

Изданїе второе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1773 года.

„наукѣ ; и я знаю ее вѣ совершенствѣ.
„Пусть ученый человѣкѣ со всею своею
„премудростію начнетѣ при мнѣ строить
дворики, то я его такѣ проучу,
„что онѣ отѣ всякія *Щеголихи* тотчасѣ
„*на четырехѣ ногахѣ поскачетѣ*.

О великій человѣкѣ! ты разсуждаешѣ премудро, наука твоя *безпримѣрно славна*, и ты такѣ ученѣ, что я *отѣ тебя падаю*; ты *вѣчно посадилѣ себѣ вѣ голову вздорѣ*: какѣ тебѣ не удивляться!

Читатель! сѣ позволенія твоего, не пора ли оставить разсужденія нѣкоторыхѣ нашихѣ молодыхѣ людей о наукахѣ. Кажется мнѣ, что я уже ими довольно тебѣ наскучилѣ. Ты ожидаешѣ чего нибудь поважнѣе, потерпи пожалуй, все будетѣ: только чурѣ не сердиться.

Листѣ 5.

Отрывокѣ путешествія.

вѣ * * *

И * * * Т * * *

ГЛАВА XIV.

. . . .

. . . . . . По выѣздѣ моемѣ изѣ сего города, я останавливался во всякомѣ почти

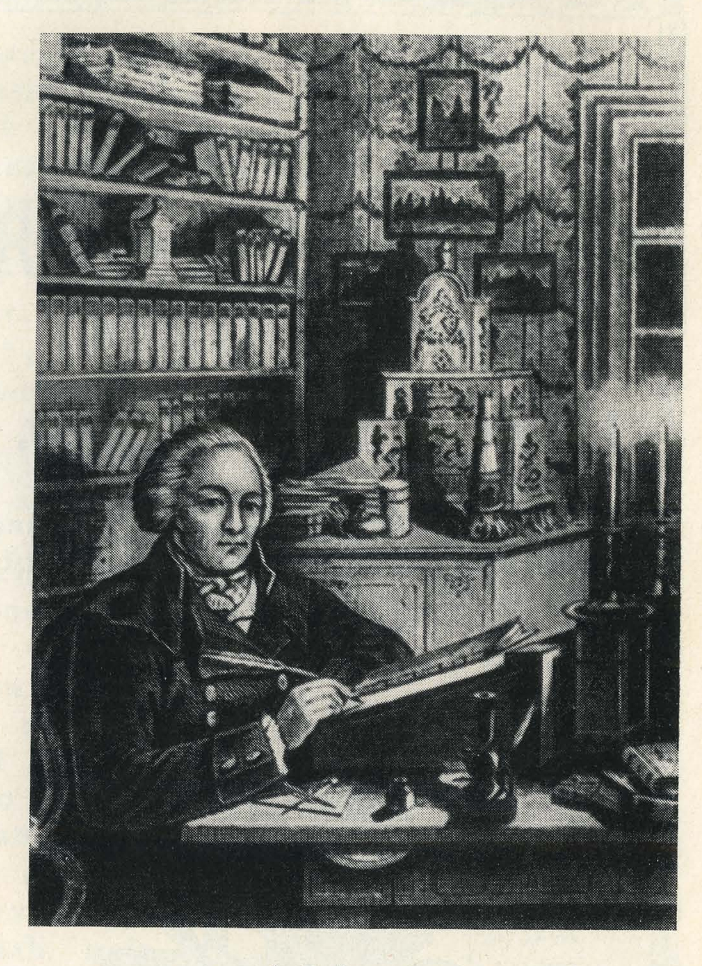
Страница журнала «Живописец» с началом «Отрывка путешествия в *** И*** Т***

Д. И. Фонвизин. Рисунок Эстеррейха. Гравюра Галактионова.

М. Д. Чулков. Гравюра И. Розанова с современной миниатюры.

А. Т. Болотов в своем рабочем кабинете. Собственноручный рисунок.

ОПЫТЪ
ИСТОРИЧЕСКАГО
СЛОВАРЯ
О РОССІЙСКИХЪ
ПИСАТЕЛЯХЪ.

Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, сообщенныхъ извѣстій, и словесныхъ преданій

Собралъ

Николай Новиковъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1772 ГОДА.

написалъ много стиховъ въ похвалу Князю Антїоху Кантемиру, и другихъ на Россїйскомъ и Латинскомъ языкахъ; а напечатаны изъ нихъ только одни Латинскїе, при сатирахъ Кантемировыхъ въ Санктпетербургѣ 1762 года. Онъ сочинилъ и нѣсколько весьма изрядныхъ поучительныхъ словъ; но печатныхъ изъ нихъ нѣтъ ни одного.

КУЛИБИНЪ, ИВАНЪ, Нижегородскїй купецъ, нынѣ при Императорской Академїи наукъ Механикъ. Изъ дѣтства упражнялся онъ въ торговлѣ хлѣбомъ, и былъ сидѣльцомъ въ мучной лавкѣ; но по врожденной склонности хаживалъ всегда разсматривать колокольные часы, а на 17 году своей жизни выпросилъ у сосѣда своего стѣнные деревянные часы, и старанїемъ своимъ дошелъ до того, что по нѣкоторомъ времени, безъ всякихъ нужныхъ къ тому орудїй сдѣлалъ имъ подобные. Послѣ того бывъ по случаю въ Москвѣ, ходилъ къ часовому мастеру, и разсматривалъ ходъ часовъ стѣнныхъ; при отъѣздѣ же изъ Москвы купилъ онъ у

сего

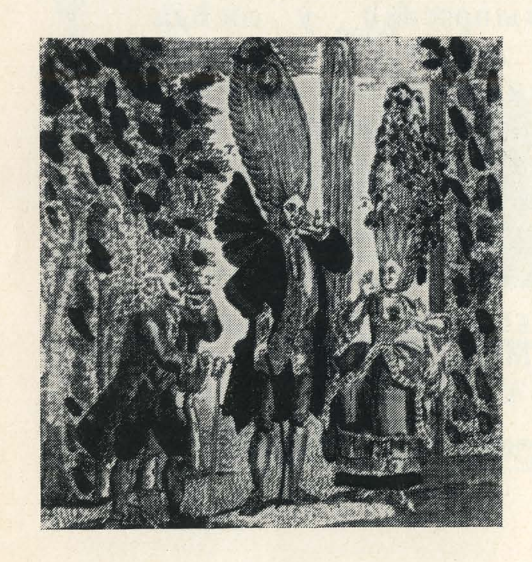
Страница «Опыта исторического словаря о российских писателях». 1772.

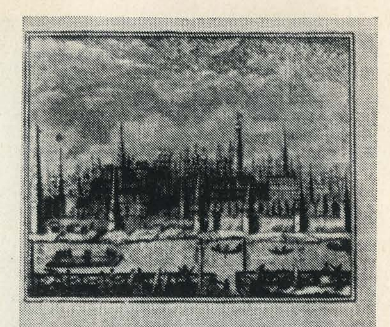
Щеголиха на гулянье. Картинка из журнала Н. И. Новикова «Модное ежемесячное издание». Январь. 1779.

Счастливый щеголь. Картинка из того же журнала. Февраль. 1779.

Щеголь и щеголиха. С рисунка П. Н. Чуваева.

ДРЕВНЯЯ РОССІЙСКАЯ ИДРОГРАФІЯ.

Въ началѣ книги сея написанъ царствующій градъ *Москва* на рѣкѣ на *Москвѣ*, на лѣвомъ берегу; а рѣка *Москва* вытекла по *Вяземской* дорогѣ, за *Можайскимъ* версть съ тридцать, или не много больше.

а А

КОШЕЛЕКЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

СОЧИНЕНІЕ

1774 ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Н. И. Новиков. С портрета Д. Г. Левицкого.

Каменная изба, построенная Н. И. Новиковым для крестьян.

Краткий конспект Новикова может увести нас и дальше к ряду произведений писателей XIX века, вплоть до глав романа «Обломов», посвященных детству Ильи Ильича. Как в зародыше, он содержит в себе многие пути и открытия русской прозы позднейшего времени, развивавшейся в направлении критического реализма.

Что же касается Пушкина, то нельзя не дивиться мастерской и тончайшей стилизации под слог XVIII века в «Капитанской дочке» или «Истории села Горюхина», и вместе с тем нужно полагать, что концентрированность прозы Новикова имела большое значение для Пушкина при выработке его литературного языка. Он всегда говорит в прозе о самом главном, минуя многочисленные подробности, стремительно развертывает действие, пишет предельно кратко и исчерпывающе точно. И речь, конечно, тут может идти не о каком-либо сравнении качества или художественной манеры этих писателей, а о том, что принципы Новикова-прозаика оказались для Пушкина близкими и приемлемыми.

Можно привести и другое наблюдение. Некто пришел, говорит Новиков, по своему делу в одну из московских канцелярий. «Сторож, отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замараны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков, подьячих, оборванных и напудренных, то есть разного рода человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись... Дожидался я часа два, чтоб сии господа успокоились; после того подходил ко многим, дабы узнать, что мне делать. Насилу нашел дневального, у которого сии дела; он мне гордо сказал: «Подождите, не бывал дежурный». Я говорю: «Мне сказали, что это вы, сударь». Он засмеялся и сказал мне: «Я дневальный, это правда; однако дневальный и дежурный не все одно» и т. д. («Трутень», 1770, л. XI).

Эта картина канцелярского быта предвосхищает описания канцелярий, памятные нам, например, по произведениям Гоголя.

Новиков сумел зарисовать человека, который появится затем в комедиях А. Н. Островского под именем Бальзаминова:

«Разиня, молодчик, имеющий самый маленький чин, посредственный достаток и крошечный умок, влюбляется во всех знатных госпож, ходит для того на все публичные гулянья; проходя мимо их, вздыхает, жалуется на судьбу и на их жестокость, что они не награждают постоянной его любви; но

госпожи сего бедняка и в глаза не знают, хотя и издерживает он три четверти своего дохода на завивание и пудрение волос, для того только, чтобы они его приметили» («Пустомеля», июнь).

В листе девятом части первой «Живописца» Новиков печатает письмо одного из своих корреспондентов, сообщившего тридцать изречений, заметок, афоризмов, якобы извлеченных из записок его деда. Письмо не подписано, что само по себе может указывать на авторство Новикова.

«Скажи дочери своей, чтоб она научилась быть чистоплотною, прежде чем примется за щегольство».

«Не смейся громко при людях, коим ты должен оказывать почтение».

«Не становись задом, молодой человек, пред теми, кои выше тебя чином и старее тебя летами».

«Чтобы дела твои шли с успехом, надобно, чтобы ты о них сведом был».

«Тот, кто в праздник все пропьет, должен назавтра поститься» и т. д.

При взгляде на эти изречения современный читатель не может не вспомнить знаменитые афоризмы деда Козьмы Пруткова, его «Плоды раздумья», получившие всеобщую известность:

«Первый шаг младенца есть первый шаг его к смерти».

«Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться».

«Не ходи по косогору, сапоги стопчешь».

«Если хочешь быть красивым, поступи в гусары».

Новиков тонко пародировал афоризмы житейской мудрости, рассыпанные в притчах и аполотах нашей древней письменности, дешевые сентенции моралистов, и трудно отделаться от впечатления, что ему подражали создатели Козьмы Пруткова — братья Жемчужниковы и А. К. Толстой.

На втором году издания «Живописец» заметно снизил резкость обличения. Видимо, Новикову дали понять, что ему действительно почаще нужно показываться «с тою прекрасною женщиною», которая называется Осторожность; об этом разумном совете он писал еще во втором листе «Живописца», где автор обращался к самому себе, намечая программу издания.

В 1773 году в журнале печатаются речи духовных особ, переводы писем прусского короля, семь номеров отведено для сатир Буало, и заканчивается журнал сдвоенным двадцать пятым и двадцать шестым листом, содержащим оду неизвестного автора Екатерине II. Но и в этих трудных цензурных условиях нет-нет да и мелькнет в журнале блеск новиковской сатиры в виде письма Ермолая, дяди памятного читателям

Фалалея, или стихов «Похвала учебной палке», направленных против офицеров, избивающих солдат, — стихов, прямо осуждающих палочную дисциплину, внедряемую в русской армии.

В одном из последних листов «Живописца», в двадцать третьем, Новиков изложил в форме читательского письма биографию молодого дворянина, нашедшего в себе силы отойти от светской суеты, и утвердил его выбор в глазах читателей. Этот молодой человек, начавши службу, попал в компанию картежников, сделался мотом и увлекся любовными приключениями. Но через некоторое время он понял гнусность своего поведения и резко изменил образ жизни. Он покинул мнимых своих друзей и остался с двумя искренними, удовольствовался малым чином и, наконец, принял намерение жениться на беднейшей, зато добродетельнейшей девице. С нею он решил уехать в деревню, чтобы остальные дни своей жизни препровождать в тишине и покое — с утра осматривать поля, вечера проводить в кругу семьи, отдыхать за письмами к друзьям. Но не стыдно ли молодому человеку брать отставку? Что скажет на это издатель «Живописца»?

А что мог ответить Новиков, сам в юные годы ушедший с государственной службы для частной деятельности на пользу России? Он посоветовал корреспонденту испытать себя, будет ли он любить жену и не бросит ли ее, следуя моде? Что же касается отъезда в деревню, то, писал Новиков, «в отставке молодому человеку быть не стыдно, лишь бы только был таковой человек себе и обществу чем-нибудь полезен».

Письмо это нельзя считать случайным документом. Новиков указывал путь и пример, которому должны следовать молодые дворяне, познающие суету светской жизни, он призывал их трудиться на благо отечества и выполнять свои обязанности руководителей и опекунов крестьян. О Митрофане Простакове через десять лет напишет Фонвизин, однако невежество и злобная грубость Скотининых и Простаковых уже представлялись Новикову угрозой социальному миру России, и в своих журналах он выставлял на всеобщий суд их отвратительные черты.

В конце июня или начале июля 1773 года «Живописец» прекратил свое существование.

Глава VI.

НА ИЗБРАННОМ ПУТИ

Какими в свете сем следами
Искать спокойствия пойдем?
Не сходствуя ни в чем сердцами,
Мы спорить на пути начнем.
М. Херасков

1

Русская литература набирала силы. Журналы выдвинули неизвестных дотоле авторов, и число их продолжало расти. В одном из немецких изданий в 1768 году появилось «Известие о русских писателях», составленное кем-то из путешествовавших за границею русских. Называют Владимира Лукина, Сергея Домашнева, Федора Волкова; Ивана Дмитревского — пожалуй, с наибольшей вероятностью. Первое по времени, сообщение это, однако, было неполным и неточным.

Новиков, движимый любовью к словесности и подлинным уважением к людям, трудившимся на ее ниве, стал собирать сведения о русских литераторах, желая составить словарь более основательный, чем названное «Известие». Печатных источников для такой работы не существовало: Новиков готовил книгу «по словесным преданиям», услышанным от самих авторов, от знавших их людей. Помогали собственные наблюдения и знакомства, а также книги историков Щербатова и Татищева.

«Не тщеславие получить название сочинителя, — говорит он в предисловии к работе, — но желание оказать услугу мое-

му отечеству к сочинению сея книги меня побудило. Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна. ...Одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погибелью многих писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения».

Подготовка материалов заняла несколько лет, и лишь в 1772 году вышла в свет книга «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков».

Это был первый и единственный случай, когда Новиков объявил в печати свое имя, откинув обычную скромность. Дело, предпринятое им, было очень ответственным. Он сознавал неизбежные недостатки словаря, продолжал получать известия о писателях, думал готовить дополнения к книге или новое издание и просил читателей посылать замечания и поправки. Новиков старался сделать читателей участниками своей работы, понимая, что только общими усилиями может быть создан труд столь крупного значения и объема.

В книге, названной осторожно не «словарем», а всего лишь «опытом словаря», Новиков собрал сведения о трехстах семнадцати писателях. Иные статьи — о Кантемире, Ломоносове, Тредиаковском, Амвросии Зертисе-Каменском, Феофане Прокоповиче — занимают несколько страниц и снабжены подробной библиографией. Другие состоят из двух-трех строк и упоминают авторов, которые еще не выступали в печати, хотя рукописные их сочинения составителю словаря известны.

Перечислено много духовных лиц — переводчиков книг и авторов различных «слов» и «поучений». Не забыт также и старший наборщик академической типографии Иван Рудаков, который «сочинял разные весьма изрядные стихотворения, а по большей части сатирические; но напечатанных нет». Составитель публикует одно из его произведений — наборщик свободно владел пером.

Новиков готовил словарь, издание справочное, и потому не пускался в разбор сочинений авторов. Да в то время литературная критика в России делала еще самые первые шаги, и критические заметки воспринимались писателями как оскорбления, как личные обиды.

Но в одном случае Новиков позволил себе сдержанную полемику. Говоря о Василии Петрове, которого императрица называла «своим карманным стихотворцем», Новиков высказал мнение, что его еще рано именовать «вторым Ломоносовым», как это делают некоторые. Петров пока лишь «напрягается идти по следам российского лирика», и надлежит подождать от

него какого-нибудь важного сочинения, чтобы сказать, будет ли он вторым Ломоносовым или останется только Петровым. Разъяренный поэт пытался оспорить эту оценку, осыпал Новикова бранью в своих стихах, но в итоге подтвердил сомнение составителя словаря — «напрягался» он сильно, однако с Ломоносовым сравняться ему не удалось.

Среди авторов, вошедших в «Опыт словаря», не было императрицы Екатерины II, хотя Новиков знал о ее журнальных и драматических упражнениях. Вряд ли нужно видеть в том, что Новиков не упомянул государыню в числе русских писателей, акт демонстративного презрения к ее литературным данным, как иногда утверждают. Проще полагать, что в XVIII веке уравнение в одном ряду ее императорского величества и наборщика академической типографии, безвестного семинариста и бывшего турецкого подданного, каким был, например, Федор Эмин, не могло прийти в голову составителю, пусть в этой роли выступал и отважный Николай Новиков. К тому же об участии Екатерины II в печати не объявлялось, на комедиях значилось только, что они «сочинены в Ярославле», — мог ли добросовестный литератор приписывать высочайшей особе вещи, о происхождении которых документальных сведений он не имел?!

«Опыт словаря» Новикова был достаточно полон и без императрицы и сыграл свою замечательную роль первого библиографического пособия по русской литературе.

2

«Живописец» отнимал у Новикова много времени, однако какие-то часы каждый день оставались, и он отыскал способ обратить их на пользу просвещению.

За несколько лет перед этим императрица задумала упорядочить перевод иностранных книг на русский язык. Кому-то надобно было следить, чтобы отбирались книги, вредных мыслей читателю не внушающие. Так возникло «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык». Во главе «Собрания» встал директор Академии наук Владимир Орлов, младший брат известного Григория, а дела повел секретарь Екатерины II Козицкий. На оплату переводов из комнатных сумм императрицы было отпущено пять тысяч рублей в год.

Козицкий привлек ученых, писателей и роздал им иностранные книги. На русский язык были переведены «Илиада» Гомера, «Энеида» Вергилия, «Превращения» Овидия, книги Тацита,

Плутарха, Цицерона, Иосифа Флавия, романы Фильдинга, комедии Гольдони, «Сид» Корнеля, «Кандид» Вольтера, работы Монтескье, Беккариа.

Переводчики — Ипполит Богданович, Семен Десницкий, Иван Дмитревский, Яков Княжнин, Алексей Кутузов и многие другие — исправно сдавали рукописи, получали полистную плату, но в печать их труды пробивались медленно. У Козицкого не хватало средств на типографские расходы, не было времени хлопотать о выпуске книг — он служил во дворце и по должности своей исполнял многие поручения.

На помощь «Собранию» пришел Новиков. Продолжая выпускать «Живописец», он вместе с книгопродавцем Миллером создал «Общество, старающееся о напечатании книг», избрав его девизом слова: «Согласием и трудами».

Опыт Новикова и старания его принесли плоды: вскоре из печати вышло восемнадцать книг — записки Юлия Цезаря о походе в Галлию, «Путешествие Гулливера» Свифта, «Размышления о греческой истории» Мабли в переводе Радищева и другие. В одном из своих примечаний к тексту Мабли Радищев определил, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние» — формула, впервые увидевшая свет в русской печати. Радищев не побоялся сказать об этом, а Новиков — издать книгу, в которой была дана такая оценка самодержавия.

В одной из статей «Живописца» Новиков писал о том, что необходимо для успешной торговли книгами в России:

«По моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг... Петербургские и московские жители много имеют увеселений: есть у них различные зрелища, забавы, собрания, следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг... Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга через трое и четверо рук дойдет, например, в Малую Россию; всякий накладывает неумеренный барыш для того, что производит сию торговлю весьма малым числом денег; итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубля, а иногда и больше. Через сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходится меньше, а печатающие оные, вместо награждения за свои труды, терпят убыток».

Новиков думал о том, как вложить книгу в руки читателей, он хотел прийти со своими изданиями во все отдаленные угол-

ки Российской империи, желал наставлять людей, но необходимых способов к тому еще не имел.

«Общество, старающееся о напечатании книг» в 1774 году распалось. Новиков продолжал издавать книги один.

Не находя в окружающей жизни достойных подражания образцов добродетели, Новиков обращается к русской истории. В пору повального увлечения французскими модами, манерами, языком, в годы пренебрежения к национальным достоинствам, существовавшего в дворянском обществе, Новиков решительно идет против течения и произносит слово русского патриота.

В 1773 году Новиков приступил к изданию памятников русской истории, культуры и быта, объединенных в сборники, выходившие по мере накопления материала.

Серия этих книг называлась «Древняя Российская вивлиофика», то есть библиотека, и титульный лист указывал, что в ней будут печататься повествования о русских посольствах в другие государства, редкие грамоты, описания свадеб, сведения об исторических и географических достопамятностях, сочинения древних российских стихотворцев и многие другие редкие и любопытства достойные исторические документы.

С 1773 по 1775 год вышло десять частей «Вивлиофики». Через пятнадцать лет Новиков повторил это издание в дополненном виде и выпустил уже двадцать частей «Вивлиофики».

В предислови к первой книге он писал:

«Не все у нас еще — слава богу! — заражены Франциею, но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев, и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях».

Российские древности не «Живописец», тут подвоха ожидать не приходится. Екатерина приказала передать Новикову копии нужных ему документов из архива и отпустила деньги на издание — тысячу рублей в 1773 году и двести голландских червонцев в следующем. Охотников подписываться на «Вивлиофику» набралось мало, издание было убыточным, и денежная поддержка подоспела весьма кстати.

В том же 1773 году Новиков напечатал ценнейший памятник русской исторической географии XVII века — «Книгу Большого чертежа», названную им так: «Древняя российская идрография, содержащая описание Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей и какие на них города и урочища». Книга эта впоследствии не раз переиздавалась.

3

Политическая обстановка не благоприятствовала просвещению. Правительство Екатерины II воевало со своим народом.

Новиков отлично знал, что книжным голодом страдает провинция и книги нужны именно там. Но связи столицы с юго-востоком страны и Сибирью стали крайне затруднительны — торговые обозы не могли идти через губернии, охваченные огнем восстания.

О Пугачеве в Петербурге впервые услышали 14 октября 1773 года, когда его войска уже вели осаду Оренбурга, захватив степные крепости Рассыпную, Нижне-Озерную, Татищеву, Чернореченскую, Сакмарский городок. Екатерина в тот же день приказала генерал-майору Кару принять начальство над войсками, учинить против оного злодея поиск и стараться как самого его, так и злодейскую его шайку переловить.

Кар выехал к Оренбургу и быстро убедился, что выполнить приказ государыни не так-то просто.

«Шайка» Пугачева была очень велика: за ним поднялись многие тысячи людей — яицкие казаки, крестьяне, заводские рабочие, угнетенные народы юго-восточной России — башкиры, калмыки, киргизы. Всех их преследовали царские чиновники, грабили судьи, обижали помещики, мучили работой и пытками владельцы уральских заводов и шахт. С надеждой на освобождение двинулись они за государем Петром Федоровичем, чьим именем назвался Пугачев, и верили обещаниям освободить их от кабалы и наказать дворян, виновников народных страданий.

«Заблудившие, изнурительные, в печали находящиеся, по мне скучившиеся, услыша мое имя, ко мне идти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие! — взывали манифесты Пугачева. — ...Ныне я вас, во-первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, селами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу».

— Сколько во изнурение приведена Россия, — говорилось в другом обращении пугачевцев, — от кого ж — вам самим то небезызвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божием и написано, чтоб они крестьян так же содержали, как и детей, но они не только за работника, но хуже почитали псов своих, с которыми гоняли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою утрудили, что и в ссылках того никогда не бывало, да и нет...

Восставшие разбили мелкие отряды Кара и заставили его

отступить. Генерал поехал в Петербург за подкреплениями: он понял, что силами гарнизонных инвалидов-солдат и поселян с Пугачевым не справиться. Императрица сочла Кара трусом, уволила со службы и передала командование генералу Бибикову, бывшему маршалу Комиссии о сочинении Нового уложения.

В конце декабря Бибиков прибыл в Казань. Следом за ним двигались полки пехоты и конницы, с которыми он надеялся победить Пугачева. Казанские дворяне обещали конный корпус из своих крестьян. Екатерина благодарила верноподданных и милостиво объявила себя казанской помещицей.

В июле 1774 года Новиков издал первый лист журнала «Кошелек» и поднес его императрице.

На востоке России полыхала крестьянская война, против Пугачева действовали уже крупные военные силы, и было известно, что генерал Суворов, прославивший свое имя в турецкой кампании, победитель при Рымнике, будет послан ловить самозванца Петра III. Екатерина брала из своей генеральской колоды самую крупную карту: Пугачев был ей страшен.

«Отечеству моему сие сочинение усердно посвящается», — писал Новиков на первой странице «Кошелька», намереваясь прославлять «древние российские добродетели» и осуждать дворянскую галломанию.

Название журнала, кроме обычного значения слова «кошелек», имело в XVIII веке и второй смысл — так назывался кожаный или тафтяной мешочек, куда укладывалась коса мужского парика. Новиков обещал разъяснить читателям происхождение имени журнала в статье «Превращение русского кошелька во французский», но в вышедших номерах этого не сделал.

Первые листы «Кошелька» содержат беседу заезжего француза с русским, а затем с немцем, горячо защищающим российские добродетели.

В шестом-восьмом листах Новиков печатает комедию в одном действии «Народное игрище», присланную будто бы от «неизвестной особы». Во вступительной заметке, где сообщено это сведение, Новиков пишет о пользе сочинения комедий для народа. Пусть в них не будут сохранены театральные правила, это неважно, «лишь бы замыкалось в оных нравоучение и почаще представлялись бы примеры, к подражанию народному годные: то есть добрый слуга, честный купец, трудолюбивый хлебопашец. Сие было бы весьма не худо».

«Особа», написавшая эту пьеску, действительно пока остается неизвестной, однако вряд ли можно ошибиться, предположив, что напечатать ее в «Кошельке» побудили Новикова не только внешние обстоятельства — например, требование

каких-нибудь влиятельных лиц, — но и собственные его взгляды. В пьесе, право, нет ничего, что противоречило бы воззрениям самого Новикова, более того, многое совпадает с ними.

Деревня Толстосума представлена раем для крестьян, а он их благодетелем. «Отец, а не господин», — говорит о нем Андрей, дядька молодого Толстосума. Этот барин плачет, когда ему приходится наказывать за проступок дворового человека. Деревня любит его, и есть за что — «наши крестьяне как будто не крестьяне: все грамотеи; а в ином селе и поп грамоте-то не смыслит». Толстосум пригласил студента, чтобы учить крестьянских детей. Мужики живут зажиточно. «Ежели у доброго помещика крестьянин беден, так он на себя должен пенять: либо он ленивец, либо пьяница».

Толстосум — пример для всех дворян, но пример еще исключительный: во всем околотке «нет ему подобного», и сына своего научил он «иметь сожаление» к дворовым и крестьянам. В журнале «Кошелек» описывался идеальный помещик, «отец» и «милостивец», каким Новиков желал видеть каждого вотчинника и чьей программе он сам следовал в управлении своим Авдотьином.

Крестьяне, процветающие под опекой отцов-помещиков, и сельская идиллия на сцене были досадной выдумкой. Живые мужики убивали бар, а не прикладывались к их плечикам, и Новиков знал это не хуже любого русского дворянина.

Но что он мог сказать читателю в дни крестьянского восстания, взбудораженный событиями, исход которых был еще не совсем ясен? Новиков осуждал дворян-крепостников, однако по сущности своего мировоззрения, по душевному настрою и характеру он не одобрял и крестьян, с оружием поднявшихся против господ. Братоубийственные распри порицало евангелие — авторитетная для Новикова книга. Похвалы российским добродетелям нельзя было вложить в уста представителей народа. Новиков не пожелал передавать их какому-нибудь дворянину, одной своей принадлежностью к этому сословию уже перед народом виноватому. Вероятно, поэтому он выбрал для споров с французом фигуру, постороннюю борьбе русских сословий, — разумного немца.

На девятом листе Новиков закончил издание «Кошелька». Остановил он и работу над книгами. В 1773 году Новиков выпустил семнадцать книг, из них десять иждивением «Общества, старающегося о напечатании книг», и семь — самостоятельно. В следующем году выходили ранее подготовленные книги, было их девять, считая и «Кошелек». Новых изданий Новиков не готовил, но одну книгу он составил и напечатал ее в 1775 году.

Называлась она «Живописец», и с виду это было третье издание хорошо знакомого читателям журнала. На самом же деле Новиков создал книгу, во многом отличную от прежних листов его сатирического издания.

В «Живописце» 1775 года Новиков объединил избранные статьи из этого журнала с лучшими материалами «Трутня». Как было сказано в обращении к читателю, выпуск в свет нового издания журнала Новиков не относит на счет собственного таланта, вызвавшего общее одобрение. «Лучше соглашаюсь верить тому, — пишет он, — что сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями выходят, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков нравятся, люди же, разумы свои знанием французского языка просветившие, полагая книги в число головных украшений, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми из Франции: как-то пудрою, помадою, книгами и проч.».

Новиков знает своего читателя. Это не крестьяне — им не до книг, да не умеют они и грамоте, не дворяне, чьи головы забиты французскими модами, а люди третьего сословия — мещане, разного чина городские жители, платящие подати, «среднего рода люди», правами которых он занимался, служа в Комиссии. Новиков помнил, с какой охотою отдавали разночинцы детей в гимназию при Московском университете. Обучившись наукам, они сделались исправными читателями и сообщают знания своим собратьям. Читают они серьезные книги, которые, говорит с насмешкою Новиков, от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают: «Троянская история», «Синопсис», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитание детей», «Азовская история» и другие — сочинения педагогического характера и труды по истории.

Замечания Новикова показывают, что он отлично представлял себе читательскую аудиторию. Выбор был правильным: именно эти группы читателей поддержали затем его издательское предприятие, развернутое через несколько лет в Москве.

Для таких читателей Новиков подготовил третье издание «Живописца», к разумным мещанам идут и другие его книги.

Новиков объяснил, как строился переработанный им «Живописец»: «Я в журнале моем многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями». Первую часть «Живописца» он закончил перепиской барина с крестьянами, раньше напечатанной в «Трутне», а вторую — «Отрывком путешествия в*** И*** Т***», соединив в одну статью то, что появилось в пятом и четырнадцатом листах «Живописца».

Выступления по крестьянскому вопросу увенчивали каждую часть новой книги, и самое острое из них — «Отрывок» кончал ее на высокой ноте сострадания к ближнему и гнева против жестоких господ.

Эта книга, освобожденная от случайных материалов, стихотворных комплиментов и незначительных заметок, с лучших сторон представила Новикова-писателя, мастера социального портрета, мыслящего художника.

Правительству Екатерины II удалось одержать победу в войне с народной Россией. Подкуп и обман сделали свое дело — ближайшие товарищи Пугачева схватили его и выдали преследователям. Генерал Панин казнил повстанцев. Палачи отсекали пленным руки, рвали ноздри, поддевали на крюк за ребро, вздымали на виселицы.

Пугачев был привезен в Москву, пытан и допрашиван.

8 января 1775 года на Болотной площади он простился с народом.

4

Лето 1775 года Новиков проводил в Петербурге.

События недавних месяцев потрясли его. Перо валилось из рук, мысли о новых книгах не шли в голову. Сил едва хватало на то, чтобы следить за выходом третьего издания «Живописца».

В эту смутную для Новикова пору ему предложили вступить в масонскую ложу, обещая открыть дорогу к истине и помочь обрести душевный покой.

Новиков слышал о масонах и был знаком с некоторыми из них. Он знал, что масонство возникло в двадцатых годах текущего столетия в Англии и затем распространилось по всей Европе. Это была полусекретная организация людей, пожелавших работать над своим нравственным усовершенствованием в согласии с правилами христианской веры.

Формой объединения для масонов послужило устройство средневекового цеха каменщиков, обладавшего самостоятельным управлением и судом. С этим цехом связаны название свободных или вольных каменщиков, по-английски free masons, и атрибуты профессии: лопатка, циркуль, молоток, отвес, перчатки, запон, или передник, которым масоны придавали символические толкования. Например, передник белизной и прочностью должен был напоминать о постоянстве и чистосердечии братства, лопатка — о стене, которую нужно строить, чтобы оградить сердце от нашествия пороков и снисходительно прикрыть погрешности ближнего.

В России масоны появились еще в тридцатых годах после приезда в русскую службу шотландского генерала Кейта. Но растекалось масонство медленно. Из допросов в Тайной канцелярии известно, что через пятнадцать-двадцать лет было только две ложи — «Молчаливости» в Петербурге и «Северной звезды» в Риге.

По всей вероятности — документальных сведений нет, и налицо лишь косвенные данные, — масонская ложа в начале шестидесятых годов существовала в Москве. Масонские рассуждения о бренности земного и радостях загробной жизни, написанные прозою и стихами, заполняли страницы журнала Хераскова и его друзей «Полезное увеселение». Позднее Херасков, его братья по матери князья Трубецкие, некоторые участники университетского журнала были видными деятелями ордена.

Масонские ложи умножились в семидесятые годы. Различные системы: английская, шведская, тамплиерская, розенкрейцерская — имели своих сторонников и враждовали между собою. Пышные церемонии, увлечение масонской обрядностью, алхимией, попытки искать способы превращения простых элементов в золото — все это манило новизной и таинственностью.

Сказок действительно было много. Один из руководителей московских розенкрейцеров, неприятель Новикова барон Шредер, верил в возможность вызывать духов и делать золото. В его дневнике есть записи о том, что некий масон боролся со злыми духами и был убит ими. Другой масон призывал облака и заставил молнию ударить в дерево. Третий якобы видел, как свинец, посыпанный секретным порошком, претворился в золото.

Шарлатаны и авантюристы, вроде графа Калиостро, искусными фокусами дурачили знатных масонов, собирая богатства. Политические интриганы пользовались масонскими связями, чтобы узнавать государственные тайны и влиять на русских вельмож, склоняя их на сторону Швеции или Пруссии. Все это было в масонстве, о чем знал Новиков, но его запросы носили иной характер, и к ордену он пришел своим путем, желая принести посильную пользу обществу.

Работа в Комиссии Нового уложения показала Новикову, что речи депутатов, сочувствующих народу, остались речами. За ними не последовало никакого дела. Он попытался воздействовать на общество сатирическими журналами. Их читали, о статьях его спорили, но влияния на общество не оказала и сатира. Все шло по-прежнему, и нравы не исправлялись.

В журнале «Пустомеля» Новиков начал говорить о том, какими должны быть верные сыны отечества, дворяне, — журнал его был прекращен после второй книжки.

Национальное достоинство России утверждает и поддерживает ее литература. Новиков собрал сведения о всех известных ему писателях и составил их словарь, показавший разнообразие литературных талантов и быстрое развитие отечественной словесности. Это был его вклад в строительство национальной культуры, но кто из современников оценил подвиг собирателя и какое влияние он произвел на умы? Словарь прошел незамеченным.

Он предпринял издание «Кошелька» и прославил добродетели русских людей, для большей убедительности устами постороннего свидетеля, немца. Потом Новиков обратился к русской истории, стал издавать старинные грамоты, описания обрядов. Он задумал представить глазам читателей великое историческое прошлое России, научить уважать его, гордиться им.

Но литературные труды Новикова не пробудили общество. Содрогнулось и заволновалось оно лишь от прямой угрозы своему благополучию — от Пугачева. Помещики спохватились. Не надо бы столь жестоко обходиться с крестьянами. Были бы помягче — не случилось беды.

Гром не грянет — мужик не перекрестится.

Значит, лишь кровавые потрясения крестьянской войны могут заставить дворян задуматься о судьбе вверенных их попечению людей? Да и многие ли поняли урок, преподанный им восставшим народом?

Нет, это не способ улучшить общественные порядки. Очевидно, начинать следует не с крутого переворота. Нужно, чтобы каждый человек захотел приносить пользу другим людям, победил свои пороки, укрепил достоинства. Один, другой, десятый, сотый, и если каждый отдельный человек станет лучше, добрее, просвещеннее, так исправится и все общество.

Познать себя и перевоспитать — вот великая задача для каждого и всех. Но решать ее удобнее не в одиночку, а с другими людьми, тоже стремящимися к нравственному совершенству.

Новиков избрал путь медленного движения через развитие личности, как ему казалось — более верный и прочный, и на этом пути его встретили масоны.

Он согласился войти в ложу при том условии, что ему откроют три градуса наперед: в масонстве существовали степени, или градусы, ученика, товарища и мастера. Иван Перфильевич Елагин, придворный человек и глава русских масонов, принял Новикова сразу в третий градус, мастером. Нравственный авторитет и литературные заслуги Новикова ценились столь высоко, масоны так хотели видеть его своим

сочленом, что Елагину не стоило труда на этот раз нарушить обычные правила приема.

Июньским вечером за Новиковым заехал Василий Иванович Майков, поэт, с которым работал он в Комиссии Уложения. Майков был ревностным масоном и в ордене исполнял должность великого провинциального секретаря.

Ложа «Урания» собиралась в доме чиновника и писателя Владимира Игнатьевича Лукина, своего руководителя, или по-масонски — мастера стула.

У подъезда стояли кареты, толкались кучера и слуги, приехавшие с господами, но высокие окна были темны. Лишь в людской, во флигеле, горел огонь.

Перед гостями распахнулась дубовая дверь. Фонарь со свечой освещал прихожую. Новиков остановился и вслушался.

Братья, съехавшиеся к Лукину, пели:

От нас, злодеи, удаляйтесь,
Которы ближнего теснят;
Во храме нашем не являйтесь,
Которы правду не хранят;
Теснит кто бедных завсегда,
Тому затворен вход сюда...

Мотив был заунывный, голоса звучали в унисон, иные фальшивили.

— Этой песней у нас открывают ученическую ложу, — сказал Майков.

Они вошли в зал. Слабый свет исходил от свечей. Новиков невольно вздрогнул: их держали в руках три скелета, стоявшие на кубических подножиях. Стены зала были затянуты черным сукном, пол покрыт черным ковром, по которому там и тут блистали вышитые золотом слезы, похожие на толстенькие запятые.

Возле скелетов на невысоком помосте возвышался гроб. Крышку его украшали ветвь акации и череп. Рядом жертвенник — трехногий столик, накрытый черной с серебряными фестонами скатертью. На жертвеннике — черепа и берцовые кости.

Вдоль стен стояли братья в черных епанчах.

Новиков оглянулся. С четырех стен зала на него смотрели картины — четыре крупных черепа на костях. Чтобы зритель не ошибся в значении сюжета, внизу каждой картины было написано по-латыни: «Memento mori» — «Помни смерть».

«Напоминаний больше чем достаточно, — подумал Новиков. — Их столько, что тянет на что-нибудь более веселое».

Мастер стула Владимир Лукин увидел Новикова, слегка ему поклонился и пошептал на ухо соседу. Тот вышел, через

несколько минут возвратился с черной епанчой и подал ее Новикову.

Накинув епанчу, Новиков стал похожим на остальные фигуры, и Лукин удовлетворенно кивнул ему головой.

— Мы опоздали, — тихонько сказал Новикову Майков.— Обряд открытия уже прошел. Сейчас будут испытывать новичка.

У дверей на другом конце зала раздался кашель.

— Кто там? — спросил брат-страж, ударяя в дверь кулаком.

— Ищущий, который желает быть принят в свободные каменщики, — послышалось в ответ.

— Как ваше имя?

Голос за дверью назвал фамилию. Страж обратился к братии:

— Должно ли его впустить?

— Мы согласны!

— Войди! — крикнул страж.

В залу вошел человек с завязанными глазами.

Платок закрывал ему половину лица. Он был без кафтана, чулок с левой ноги спущен, колено обнажено. Исподняя рубаха открывала поросшую волосами грудь.

Два брата подвели новичка к мастеру и встали слева и справа.

— Если вас завлекло сюда только презрительное, наказания достойное любопытство, вы поплатитесь за него. Истинное ли побуждение и усердие влечет вас вступить в общество свободных каменщиков? Не подговорил ли вас кто на сие предприятие? — снова спрашивал мастер.

— Нет, я сам.

— Будете ли подчиняться законам нашего ордена?

— Да, буду.

— Ведите его!

Новичка повели по залу. На пути его лежала охапка крупных поленьев. Новичок ступил на них, поскользнулся, сделал два неверных шага и остановился.

— Отойдите от пропасти! — сказал мастер.

Принимаемый метнулся назад. Братья перед его лицом замахали епанчами, изображая ветер.

— Готово ли железо? Горячо ли оно? — спросил мастер.

«Что это? Детские забавы? — подумал Новиков. — Неужели и со мной Лукин мог бы проделать эту комедию?»

Он потянул Майкова за рукав.

— Выйдемте, Василий Иванович!

За спинами братьев, ступая на цыпочках, они покинули зал.

— Фу, — сказал Новиков. — Зачем вы меня привели? К чему это ребячество?

— Вы нетерпеливы и строги, Николай Иванович, — ответил Майков. — Для вас наши обряды — игрушка, но для многих в них заключена таинственная мудрость. И чтобы удостовериться в человеке, надобно устрашить его перед принятием в орден. Это помогает сохранить тайны, а вернее, избегать лишней болтовни.

— Поедем домой, — сказал Новиков. — С меня на сегодня хватит.

Недели через две Майков снова повез Новикова к Лукину, в этот раз на собрание столовой ложи.

Зала в его доме была освобождена от черных покрывал и черепов, никому не завязывали глаз.

На составленных «покоем» столах с белыми скатертями красовались вина, водки, закуски, фрукты, серебряная посуда.

Братья шумно рассаживались, звенели бокалами.

Лукин постучал молотком, требуя тишины, и прочитал молитву.

— Зарядить пушки! — скомандовал он.

Поднялась обычная пиршественная суетня. Братья наливали водку, рассматривали бутылки с вином, хватали закуску.

— Здоровье государыни императрицы Екатерины Алексеевны! — провозгласил Лукин.

Стоя, гости выпили тост. Раздались рукоплескания. Потом пили здоровье великого князя и его супруги.

— Зарядить пушки! — то и дело кричал Лукин. С каждым выстрелом настроение за столами поднималось. Слуги приносили бутылки.

Лукин изрядно выпил, но держался еще твердо и предлагал тосты за масонских начальников и чиновников — надзирателей, казначея, хранителя. Братья пели песни.

Новиков не любил вина, избегал пьяниц. Столовая ложа ужаснула его картиной, которой напрасно тщились придавать аллегорический смысл. Это была попойка, и порывом к духовному очищению ее не объяснишь. Такова распущенность.

Поездки в ложи насторожили Новикова. Театральные пьески, веселые пирушки — что еще могут предложить ему в ордене?.

Он решился спросить об этом Елагина — одного из руководителей русских масонов.

— Это поймешь не сразу, — сказал Елагин. — Я, если хотите знать, с юных лет причастен к масонству — тому с

двадцать лет. Вело меня любопытство: какие тайны смогу там узнать? И что скрывать — тщеславие: лестно побыть в равенстве с такими людьми, которые в обществе знамениты чинами и достоинствами. Признаюсь вам, хоть и совестно теперь вспоминать, думал, не достану ли я через братство в вельможах покровителей и друзей, которые помогут мне составить счастье.

Новиков, склонив голову, исподлобья глянул на Елагина, и тот понял взгляд как неодобрительный.

— Да нет, — заторопился он. Внутренняя сила, исходившая от Новикова, была так велика, что прошедший огонь и воду Елагин, матерый делец, и тот не хотел остаться в его глазах нечестным человеком. — Нет, карьер мой устроился без всяких покровителей, своим умом дошел, своей способностью. Богатые господа ничем не помогли мне. Да и масонством-то они как игрушкой играли. Не приобрел я из тогдашних работ ни преподаваний нравственных, ни даже тени какого-либо учения, а видел только обряды странные и действия почти безрассудные, слышал символы нерассудительные и объяснения религии, которые рассудку противны.

— Вы говорите о том, что было раньше, — сказал Новиков, — но и теперь некоторые церемонии масонов видятся мне совершенно ложными, поддельными. Самое благовонное курение не может заглушить нечистого запаха. И стыдно тем, кто священными молитвами дерзает прикрывать пагубные намерения.

— В таком бесплодном упражнении, — продолжал Елагин, — открылась мне та истина, что ни я, ни начальники масонов иного таинства не знают, как в собрании ложи со степенным видом шутить, за трапезой реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином.

— Бывал я в столовой ложе, все это видел, — сумрачно сказал Новиков. — И разве не смешно глядеть на такого изобретателя, который захотел бы умножить теплоту солнца сожиганием костров, а свет его увеличить свечами? Чистый свет солнца и теплота его остаются, а вымышленные бредни исчезают ко стыду и сраму изобретателей своих. Так и будет в истории масонства.

— Может, и так, — согласился Елагин, — да еще не скоро. И дорога к истине трудна, ох, трудненька. По опыту знаю. Ведь понявши суету масонских забобонов, я отошел было от братства, спознался с атеистами и деистами, читал книги новых философов и энциклопедистов, тогда в славе находившихся. Читал — и убоялся, что дерзаю оставлять веру, забываю страх божий. И я вновь принялся искать и вернулся к масонству.

Думаю, что самое главное в нем осталось мне тогда неизвестным. Теперь ищу подлинные акты, где об этом сказано. За безумно истраченные деньги собрал громаду писаний — все пока не то. Ни у нас не знают, ни за границей. Вижу разные умствования, иногда острые и разумные, чаще пустые и глупые. А правда, чую, где-то рядом, да ухватить не могу... Так вот и живем, Николай Иванович...

Новиков молчал, закрыв рукою лоб.

— Я полагаю, — наконец произнес он, — истина проста и мудрование от лукавого. Стараться познать себя — это главное, познать природу и бога. Все в человеке. Для него мы и работаем.

Новиков вступил в ложу, которую возглавлял Яков Федорович Дубянский. На собраниях ее бывали знатные люди, встречались они открыто, и масонство вовсе не казалось Новикову тайным или незаконным.

Но занятия братьев его не удовлетворяли. В ложах хоть и делались изъяснения о нравственности и самопознании, однако было их недостаточно, и выглядели они натянутыми.

Среди братьев пробежал слух, что в Петербурге есть и настоящее масонство, привезенное из Берлина бароном Рейхелем. Вскоре некоторые ложи, бывшие в подчинении у Елагина, соединились с рейхелевскими.

Однажды, приехав к Рейхелю, Новиков расспросил его о системах масонства — тамплиерской, французской, строгого наблюдения. Рейхель в кратких словах отвечал. Беседа велась через переводчика. Новиков понял, что различия носят внешний характер. Истина опять ускользала. Кому верить, с кем общаться на трудном пути исправления?

— Барон, — сказал Новиков, — я не прошу вас, чтобы вы мне открыли тайны высших масонских градусов. Я буду терпеливо ждать, пока мне станут доступны их тайны, упражняясь в самопознании. Но дайте мне такой признак, по которому я мог бы отличить истинное масонство от ложного!

На глазах его выступила влага. Рейхель также прослезился.

— Я охотно выполню желание ваше, — ответил он, — и скажу верные признаки Всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное. Если вы услышите слова о равенстве и вольности — вы говорите с ложным масоном. Наша вольность — не быть покоренным страстями и пороками, равенство же достигается орденским братством. Никаких политических союзов, пьяных пиршеств, развратности нравов. Только самопознание, строгое исправление самого себя по стезям христианского нравоучения. Это масонство истинное, или ведет к

его отысканию. Правда, оно малочисленно и пребывает в тишине.

Слова Рейхеля запомнились Новикову. Он был противником политических союзов и врагом пьяных пиршеств, орденские степени, знаки, обряды представлялись ему игрушками, недостойными истинного масона. Не в них суть. Самое важное — что он теперь не один, с ним общество друзей и единомышленников и что издание книг будет их общим делом. Просвещенный человек легче побеждает свои недостатки, умственные интересы его расширяются, книга для него — первый друг и советчик.

5

Две переплетенные буквы «Н» на обороте заглавного листа книг стали издательской маркой Николая Новикова, когда после нескольких месяцев перерыва он опять возвратился к прежним трудам. Фамилия издателя сопровождалась званием, пусть не пышным, но почетным: Новиков был принят в члены Вольного российского собрания при Московском университете и помечал свои книги этим титулом.

С таким обозначением Новиков в 1776 году напечатал «Историю о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева», «Скифскую историю» Андрея Лызлова. Издал он также «Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской», часть первая. Адресуясь к «благосклонному любителю русских древностей», Новиков выразил надежду на внимание со стороны тех людей, которые не заражены «французскою натуральною системою, пудрою, помадою, картами, праздностью и прочими ненужными украшениями и бесполезными увеселениями».

Эта первая часть оказалась, однако, и единственной. Исторические примеры читателям были уже преподаны, и мысль Новикова клонилась в сторону современности. Его манила журналистика, брала верх потребность непосредственного общения с читателем, желание просвещать и учить искало для себя выхода в печатном слове.

В 1777 году Новиков создал первый в России библиографический журнал «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Предполагалось, что журнал будет выходить еженедельно в продолжение всего года, но начался он с опозданием — в марте вместо января, а окончился на двадцать втором номере.

Для младенческого состояния русской литературной критики в ту пору характерно, что редакция с большими оговор-

ками утверждала свое право оценивать новые книги, испрашивая у просвещенных читателей «вольность благодарныя критики». В предисловии к журналу, написанном Новиковым, было сказано:

«Не желание осуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благоразумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что в критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великой строгостью будет хранима в пределах благопристойности и благонравия».

Рецензии, вернее аннотации, отличались краткостью и почти не содержали критических замечаний. В первом номере «Ученых ведомостей» были описаны издания Наказа, вышедшие из печати в 1770 году на четырех языках — русском, латинском, немецком и французском. Екатерина приняла меры к тому, чтобы экземпляры Наказа были спрятаны подальше, и новое издание предназначалось не для России, а для Западной Европы, в глазах которой она хотела поддержать репутацию справедливой монархини. Тем большую смелость проявил Новиков, напомнивший об этом документе и о работе Комиссии, на заседаниях которой, несмотря на все преграды, горячо обсуждалось положение русских крепостных крестьян.

Вслед за тем Новиков начал выпуск нового журнала «Утренний свет». Он выходил ежемесячно с сентября 1777 по август 1780 года сначала в Петербурге, а с мая 1779 года в Москве. Это было нравственно-религиозное издание с философским уклоном: читатели приглашались не только верить, но и размышлять об основаниях своей веры.

«Утренний свет» впервые в русской журналистике и литературе провозгласил самым важным и необходимым делом — внимание к человеку, к отдельной личности, ее развитию и совершенствованию. В предисловии к первой книжке издатели утверждали: «Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может, как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастье его... Все мы ищем себя во всем... Итак, нет ничего для нас приятнее и прелестнее, как сами себе».

Таким образом, тезис «познай самого себя», характерный для учения масонов, выдвигается на первый план в журнале «Утренний свет», и он сыграл важную роль в развитии русской литературы. Именно отсюда ведет свое начало сентиментализм в России в дворянском своем варианте, достигший наибольшего расцвета в творчестве Карамзина. Ученик московских масонов, Карамзин воспринял их методику, стал очень внимательно

относиться ко всем своим наблюдениям, переживаниям, чувствам и, воспроизводя их на бумаге, получил необычайный эффект. То, что еще только намечалось у Хераскова, бывшего масоном, как можно думать с уверенностью, уже в конце пятидесятых годов, отчетливо прозвучало в «Утреннем свете» Новикова и превратилось в творческий метод у Карамзина.

В литературе революционно-буржуазной Франции интерес к отдельному человеку и уничтожение канонов классицизма, принципиально отрицавшего личность во имя государственного целого, обусловлены борьбой с феодализмом и монархией. Там внимание к личности, признание внесословной ценности человека было необходимым элементом идеологической подготовки буржуазной революции. Русский дворянский сентиментализм был чужд подобных устремлений, и сходные в литературном смысле результаты были достигнуты действием иных причин. Желание «познать самого себя», чтобы исправить свои недостатки, пробудило интерес к состоянию личности, к условиям ее существования, к самоанализу, и все это как нельзя более ответило потребностям общества, в немалой своей части желавшего отойти от впечатлений крестьянской войны и жестокости потемкинского режима в область духовных исканий и помечтать о времени, когда не будет сословной вражды.

Принявшись издавать «Утренний свет», Новиков организовал читателей вокруг журнала, собирал пожертвования на бедных, и они стекались к нему со всех сторон России — подписчики были в каждом городе. Деньги, получаемые издателем, передавались на содержание двух училищ — Екатерининского и Александровского. В книжках «Утреннего света» печатались отчеты об успехах учащихся, письма жертвователей. Внезапно выяснилось, что Новиков сумел создать крупное благотворительное общество, правда не имевшее определенного устава и оформленного членства, но от этого работавшего совсем не хуже.

Такая общественная самодеятельность пришлась совсем не по вкусу императрице Екатерине II, и она, отпускавшая средства на издание «Древней российской вивлиофики», не подписалась на «Утренний свет». Новикова это не удивило, он постиг характер своей противницы.

Летом 1778 года Новиков побывал в Москве. По смерти отца братьям Новикова с матерью остались имения — село Авдотьино в Коломенском уезде, село Усты и деревня Бортня в Мещовском. Часть земли была уступлена ими племяннику Ивану, сыну старшего брата Андрея. Владения не-

обходимо было укрепить за наследниками чрез Вотчинную коллегию.

Хождения по канцеляриям, поездки в Авдотьино не помешали Новикову видеться с друзьями. Михаил Матвеевич Херасков был назначен куратором Московского университета. Его беспокоило запущенное состояние типографии. Дохода она не приносила, книг печатала мало. Университетская газета «Московские ведомости» расходилась едва в шестистах экземплярах, что не покрывало цену издания.

Херасков был уверен, что Новикову удастся поставить книгопечатание в Москве, и предложил ему арендовать университетскую типографию сроком на десять лет.

Новиков задумался.

...Москва. Покойный Александр Петрович Сумароков — скоро два года, как оставил он здешний свет, бежит время! — говаривал, что Москва погрязла в пороках. Улицы там замощены невежеством аршина на три толщиною, ста Мольеров будет мало, чтобы осмеять пороки московских жителей, а бичует их один он, Сумароков... Можно ли там будет найти друзей и сочувствователей хорошему делу? Полно, что за вздорные сомнения?! Найдутся и друзья и союзники. В Москве — Херасков, Трубецкие. Увы! Скончался Василий Иванович Майков, старый приятель и отличный автор. Но живут в Москве и другие сочинители, наверное, немало их среди университетских студентов... «Утренний свет» можно перенести в Москву, петербургские авторы перешлют статьи почтой.

Новикова привлекла возможность стать членом университетского сообщества, сблизиться с работавшими там учеными, свое положение частного лица, издающего книги, заменить позицией главы крупного издательства при Московском университете, истинном научно-учебном центре русского государства.

Он имел все основания надеяться, что будет хорошо встречен в Москве. За его плечами был выпуск сатирических журналов, он пользовался уважением за свой труд «Опыт исторического словаря о русских писателях», был известен как историк, ознаменовавший свое участие в развитии этой науки изданием «Древней российской вивлиофики». Литературное же его дарование ведомо по журналам «Трутень», «Живописец» и «Кошелек». Хоть имя издателя не было на них обозначено, о нем знали и в Петербурге и в Москве.

Переезд сулил и еще одно преимущество. Во второй столице России жили многие покинувшие петербургскую службу и удалившиеся от придворных интриг видные люди, независимые от мнений царицы. В Москве было большое и разнообразное дворянское общество, и Новиков мог рассчитывать на

привлечение союзников, способных оценить его замыслы и горячее желание споспешествовать просвещению одноземцев.

Новиков побывал у директора университета Приклонского, столковался об условиях, о сумме арендной платы. Сошлись на четырех с половиной тысячах рублей в год, и это было вдвое больше, чем мог получить университет при самой успешной типографской работе под управлением местных чиновников.

Возвратившись в Петербург, Новиков начал еще один журнал, вознамерившись привлечь к чтению дам. Для них он в 1779 году стал печатать журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». С января по апрель этот журнал выходил в Петербурге, а с мая по декабрь — в Москве. В каждой из двенадцати книжек была картинка — «Щеголиха на гулянье», «Счастливый щеголь», «Раскрытые прелести», «Убор а-ля белль пуль», «Чепец побед» и прочие в таком духе.

Журнал назначался «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение». В нем печатались сказочки, анекдоты, идиллии, песни, эпиграммы, загадки да прилагалось «и о том старание, чтобы сообщаемо было о новых парижских модах».

«Модное издание» пользовалось известностью, его в самом деле читали дамы, а по картинкам шились парижские туалеты, ничего что с опозданием.

В апреле Новиков заключил контракт с Московским университетом. Типография поступала к нему в аренду на десять лет, с 1 мая 1779 по 1 мая 1789 года. Новиков обязывался платить университету обговоренную сумму и на свой счет содержать типографских служащих.

Он принялся готовиться к переезду в Москву.

Глава VII.

ТИПОГРАФИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ

Спасенья нет тебе, хотя отсрочен суд!
А. Сумароков

1

Более двух десятков лет прошло с тех пор, как мальчиком Николай Новиков переступил впервые порог университетского дома у Воскресенских ворот. Он возвратился в Москву известным России человеком, однако вид классных комнат заставил его снова почувствовать себя воспитанником гимназии, напомнил быстро протекшую молодость.

Но содержателю университетской типографии некогда было ворошить память и предаваться мечтам. От него ждали приказаний типографские служители, Херасков справлялся, пущены ли в ход печатные станы, читатель ждал книгу.

Типография осталась на прежнем своем месте, и в смежных с нею комнатах Новиков занял квартиру. Это было близко и удобно.

В сущности, заведение надо ставить сызнова. Шрифта мало, литеры избиты, оттиски их неясные, машины тряслись и дребезжали, как старые таратайки. Наборщики, печатники совсем разленились, норовили отговориться от работы болезнями, выпивали у касс и путали буквы при разборе.

Новиков заказывал шрифты, машины, нанимал работников, увольняя тех, в ком не видел мастерства и желания отстать

от пьянства. Он выбирал иностранные книги, раздавал их переводчикам, собирал рукописи у литераторов.

Его необычайная энергия и горячая преданность делу уже через несколько месяцев принесли ощутимые плоды. Типография стала на ноги, появились в конторе заказчики; Новиков едва успевал прочитывать то, что предлагали ему для печати авторы. Сам он, погруженный в ежедневные хлопоты, не писал, но редакторская его рука управляла подготовкой книг, проходивших через университетскую типографию.

За первые восемь месяцев аренды Новиков издал в свет пятьдесят четыре книги. Среди них были пьесы его друзей Хераскова, Майкова, Ключарева, речи и переводы сотрудников университета — Дмитрия Аничкова, Харитона Чеботарева, бакалавра Ермила Кострова, «Эмиль и Софья» Руссо, «Тактика» Вольтера, «Солдатское счастье» Лессинга, наставления о том, как разводить сады, приготовлять фейерверк и даже как лечить подагру.

В следующем, 1780 году университетская типография выпустила семь десятков книг, многие в двух, четырех, шести томах, а «Русские сказки» Левшина — в десяти. Столько же названий издал Новиков и в 1781 году. В числе вышедших книг было десятитомное «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действительного статского советника, ордена святыя Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена Александра Петровича Сумарокова». Новиков по рукописям, отдельным изданиям, журналам впервые объединил литературное наследство Сумарокова, скончавшегося четыре года назад.

Увлеченный работой, Новиков забросил масонские упражнения. Он бывал иногда в ложе князя Трубецкого, посетил два-три раза ложу князя Гагарина, и этим ограничились его занятия в ордене.

У Трубецкого Новиков повстречал племянницу Николая Никитича — Александру Римскую-Корсакову. Она училась в Смольном монастыре, была девица образованная и с интересом присматривалась к гостям дядюшкина дома, сановным и чудаковатым. Ей нравились степенные беседы, что вели они между собою, — о добродетели, о боге, о врагах и завистниках.

Александра Егоровна сразу отличила Новикова. Не то чтобы он был моложе других — нет, он приходился им ровесником, — но в его лице было столько живости, таким умом светились добрые глаза, такой убежденностью веяло от речей, всегда кратких, но основательных, что Александра Егоровна ожидала его приездов. Ей приятно было, что Новиков стал за-

езжать к Николаю Никитичу и в неназначенные дни, но связать его участившиеся визиты со вниманием к ее собственной персоне робкая девушка долго не осмеливалась.

А это было именно так. Новиков, отлично понимавший светскую науку любви, примеры которой описал он в своих изданиях, сам избегал любовных искушений. Вероятно, Александра Егоровна была первой девушкой, для которой раскрылось его сердце. Намерений своих Новиков не таил. Александра Егоровна воспитана в строгих правилах масонского дома — где искать более надежную подругу?

Николай Никитич Трубецкой заметил склонность Новикова и ей отнюдь не препятствовал. Александра Егоровна была сирота и бесприданница, замуж ее выдавать — дело неминучее, если ждать женихов — непременно спросят они, что дают за невестою, а Новиков о том и не заикнется.

Так оно и сбылось. Новиков сделал предложение, Николай Никитич его благословил, Александра Егоровна ответила согласием — и свадьбу отпраздновали в 1781 году.

Молодые поселились в университетском доме, при типографии, но скоро пришлось позаботиться о другом жилье. В Москве начали устраивать губернские учреждения, понадобились дома и квартиры. Помещение типографии над Воскресенскими воротами отходило в казну.

Новиков купил у аптекаря Мейера его двухэтажный каменный дом на Лубянской площади, близ Никольских ворот, перевез туда типографию и поселился с семьей. В этом доме открыл он и книжный магазин.

В январе 1783 года объявили указ о вольных типографиях — кто хотел, мог заводить печатный стан и с дозволения полицмейстера издавать книги. Воспользовались этим правом в России немногие, но мог ли упустить его Новиков? Он подал просьбу, вторую написал его друг Иван Лопухин, разрешение было дано — и Новиков оборудовал две типографии. Он знал теперь, как это делается.

2

Андрей Тимофеевич Болотов, отставной офицер и небогатый помещик, служил управителем дворцовой Богородицкой волости, входившей в состав подмосковных царских имений. Он знал толк в сельском хозяйстве, был строг с крестьянами и пользовался репутацией культурного хозяина, вполне оправданной. Болотов следил за иностранными журналами, выписы-

вал и читал их, перенимая то, что подходило и нравилось. Был он тароват на выдумки: разводил сады, сооружал фонтаны и гроты, строил беседки, наблюдая во всем вкус и следуя образцам дворцовых парков. Семилетнюю войну провел он в Кенигсберге, служа переводчиком при штабе русских войск, хорошо знал немецкий язык, дружил с немецкими ремесленниками, научился вырезать и клеить разные игрушки да к тому же еще рисовал и малярничал. Эти маленькие таланты с пользой развернул он, украшая богородицкие сады. Человек был скромнейший, не пил вина, в карты не играл, зато любил читать книги, и сослуживцы решительно не знали, как с ним сходиться, ибо никакого разговора без закуски себе не представляли.

Вольное экономическое общество в Петербурге заметило Болотова и на страницах своего журнала печатало его статейки «О садах и заведении оных», «О хмелеводстве», «О истреблении костеря из пшеницы» и другие в таком же роде.

Сведал затем о Болотове и университетский книгопродавец в Москве Ридигер и надумал дать ему занятие, для себя небезвыгодное. Он предложил Болотову взяться за сочинение журнала «Сельский житель» и назначил за труды двести рублей в год, надеясь, что подписка на новое издание изрядно превысит этот расход.

Болотов охотно согласился поставлять Ридигеру еженедельно по номеру «Сельского жителя» в рукописи, а книгопродавец должен был журнал этот печатать и продавать.

В сельском своем уединении Болотов обложился иностранными журналами и книгами, одну за другой выбирал и переводил статьи, дополняя рассуждениями применительно к русским условиям и обычаям, и вскоре отправил Ридигеру материалов на несколько номеров. Хозяйственные советы не то, что политические новости, — они не стареют.

Первый номер «Сельского жителя» вышел из печати в апреле 1778 года Выглядел он весьма скромно — тесный набор, никаких украшений, но составитель был доволен — он получил в свое распоряжение почти собственный журнал!

Болотов очень гордился «Сельским жителем», усердно переводил для него и сочинял. Номера выходили регулярно, помаленьку приобретали известность среди помещиков, и некоторые читатели пожелали свести знакомство с редактором. В адрес журнала начали приходить письма с вопросами: как поступить, что сделать? Составитель отвечал корреспондентам и кое-что из присланного печатал в журнале.

В конце августа 1779 года Болотов приехал по своим де-

лам из Богородицка в Москву и зашел в университетскую типографию, желая повидать Ридигера. Он изумился порядку, наведенному в наборной. Кассы со шрифтом заметно возросли в числе и выстроились ровными рядами За каждой из них стоял мастеровой человек. Болотов засмотрелся на быстрое мелькание рук наборщиков — набирали они споро, изредка поглядывая в листки оригиналов.

— Чему обязаны удовольствием видеть вас? — услышал он за спиной негромкий голос.

Болотов оглянулся и увидел невысокого человека в черном пасторском кафтане и белом жабо. Зачесанные назад волосы открывали высокий, очень высокий лоб и спускались на уши. Глаза, глубоко сидевшие под черными бровями, смотрели проницательно. Нос, может быть, несколько длинноватый, как бы делил пополам лицо, но нимало его не портил. Казалось, именно таким он и должен быть на этом лице.

— Здравствуйте, сударь, — поклонился Болотов. — Зашел я сюда свидеться с господином книгопродавцем Ридигером.

Собеседник Болотова засмеялся.

— Изрядно ж вы опоздали, государь мой! — весело сказал он. — Тому четыре месяца, как типография эта передана мне в аренду, а зовусь я Николаем Ивановичем Новиковым.

Фамилия эта была неизвестна Болотову, но когда он произнес свое имя, то оказалось, что Новиков знает о нем предостаточно — он читал «Труды Вольного экономического общества», следил за «Сельским жителем» и слышал от Ридигера о его составителе, обитающем в Богородицке.

— Беседовать тут неудобно, — сказал Новиков, — так прошу припожаловать ко мне. Я хоть и не устроился еще за типографскими хлопотами, однако будет где сесть и друг друга выслушать

Они прошли в квартиру Новикова. Мебели там было маловато, зато книг — великое множество Книги стояли в шкафах и на полках, закрывая все стены в первой комнате. Вторая, как сообразил Болотов, служила спальнею, и туда хозяин гостя не повел.

Новиков подвинул Болотову кресло и сел к письменному столу, на котором лежали корректурные листы, рукописи, книги и номер «Московских ведомостей» с чернильными пометками.

— Наслышался я о вас, Андрей Тимофеевич, — начал он, — знаю, сколь успешно вы составляли «Сельского жителя», и льщу себя надеждою, что не откажетесь и со мной продолжить его издание. Думаю, что журнал ваш сумею печатать

лучше прежнего — шрифт возьмем новый, бумагу — сортом повыше. Признаться, в Москве нужный товар купишь не вдруг. А бумага надобна книжная, первого сорта, без пробоин и без пегих пятен, не пухлая, лист к листу. Ну, да это моя забота.

— Вы и журналы и книги издавать будете, Николай Иванович? — спросил Болотов.

— И газету «Московские ведомости», — добавил Новиков. — А журнал мы издаем один — «Утренний свет», что выходил раньше в Петербурге. Говорю «мы», потому что в этом предприятии участвует наше общество. Предметом трудов своих мы избрали сердца и души наших единоземцев. Мы оставили парикмахерам, портным и изобретательницам новых мод украшать наружность людей, врачам — лечить от телесных болезней, а себе взяли попечение о душе и духе.

— Вот как, — сказал Болотов. Мысль была ему непонятна, и Новиков заметил это.

— Послушайте меня внимательно. — Новиков придвинул кресло ближе к Болотову и посмотрел ему в глаза. Болотов мигнул и стал глядеть в сторону. — Если мы небо, землю, воду, воздух станем исследовать, то в центре всего представится нам кто? Человек. Все три царства природы для нас немного стоили б, если бы опыты не доказали, что человек сотворен владыкой всего. И кто может осудить такое наше благородное самолюбие и порицать за то, что мы почитаем людей за истинное средоточие земли и всех вещей?!

— Не скажите, Николай Иванович, — возразил Болотов. Он опасался метафизических разговоров. — Бывают такие люди, что их называть средоточием всех пороков следует, а не то что венцом создания. Вот я вам доложу. У меня в волости на мельнице поймали вора, а было их двое, люди видели. «Кто с тобой ходил?» — спрашиваю. Молчит. Я его пороть...

Новиков провел рукою по лицу. Болотов не заметил жеста и с воодушевлением продолжал:

— Чем только я его не сек — молчит. Наконец, после новой разделки назвал одного мужика. Взяли его — не признается. Порем — твердит, что напрасно. Я к моему вору. «Скажи, что соврал про мужика!» — «Ошибся, память худая. Не он это, а вот кто...» Что же вы думаете? Пять человек оговаривал, и все они на поверку невинными оказались. Тогда, боясь, чтобы непомерным сечением бездельника моего не умертвить, удумал я испытать особое средство — велел бросить его связанного в жаркую баню, кормить соленою рыбою, а воды не давать

— И долго так страдал он, бедняга? — спросил участливо Новиков.

— На третий день выдал-таки товарища, бестия! Или другой вам приведу случай...

— Да, да, люди есть разные, — нетерпеливо прервал Новиков, — но мы рассуждаем не о вашем примере, а говорим некоторым образом философски, держим в виду род людской в целом.

— Ну, разве что в целом, — согласился Болотов. — А я вам доложу...

— Погодите, теперь я вам скажу, — перебил Новиков. — Итак, человек, люди. И нет ничего для нас приятнее и прелестнее, чем сами себе. Самое важное — наука познания самого себя. Мы хотим весьма уроненную на свете добродетель снова возвести на ее величественный престол, а порок, яко гнусное и человеческой природе противоречащее вещество, представить свету во всей его наготе. И об этом пишется в нашем журнале «Утренний свет». А тех, кто попирает свое достоинство и противится благородным побуждениям, врожденным у человека, мы наказываем бичом сатиры, однако наказание достается лишь порокам, а не особам, то есть личностям.

— Я понимаю, — сказал Болотов. — Сатира не на лица, а на пороки.

— Нравоучение, — продолжал Новиков, — есть наука, которая направляет нас, ведет к благополучию и совершенству, но предписывает и наши обязанности. Это первая, важнейшая и для всех полезнейшая наука, и больше всех ей должно научаться юношество. Стало быть, речь идет о практическом наставлении, которое мы обязаны носить в сердцах наших, а оно служит мерою поступков и освещает совесть.

— Совесть — это хорошо, — заметил Болотов.

— Вижу, вам наскучили мои рассуждения, — улыбнулся Новиков. — Но я почел долгом дать вам понятие о наших правилах — ведь нам предстоит вместе работать.

— Мое дело маленькое, — сказал Болотов, — присоветовать, как разводить хмель или удобрять землю под плодовый сад. Где уж тут прославлять добродетель!

— Каждому свое, — ответил Новиков, — с разных сторон просвещаем мы читателей, но за исправление их нравов все вместе ответствуем. Значит, по рукам?

— Я от сочинения журнала не отрекаюсь, если вы возьмете на себя печатание. Материи заготовлено у меня довольно.

— О, когда так, — воскликнул Новиков, — за чем же дело стало? Если угодно, мы теперь же можем приступить к обсуждению условий.

Новиков предложил назвать журнал по-другому, «Экономический магазин» вместо «Сельского жителя», и выпускать

его приложением к газете «Московские ведомости» дважды в неделю, по одному листу.

— Хватит ли у вас материала?

— Об этом не беспокойтесь, — заверил Болотов.

— А сколько вы получали от Ридигера за свой труд? Двести? Так на первый случай можно положить четыреста, и за прибавкою дело не станет. Сверх того вам пятнадцать экземпляров каждого номера. И начнем с нового, 1780 года.

Новиков был деловым человеком. Он сразу понял характер Болотова, изрядного крючкотвора, расчетливого хитреца, но работника добросовестного, и подробно оговорил с ним все пункты соглашения. Болотов понял, что каждую статью он должен писать на отдельных листах и посылать Новикову, на волю которого оставлялось выбирать материал и располагать статьи в номерах журнала по своему усмотрению.

Болотов был очень доволен знакомством с Новиковым и замечал впоследствии, что журнал сделал его известным в своем отечестве именитейшим экономическим писателем. Он уехал в Богородицк, усердно принялся за работу, в неделю — он отличался трудолюбием — заготавливал статей на полтора-два месяца вперед и скоро обеспечил «Экономический магазин» статьями до конца года.

В следующий свой приезд в Москву Болотов прямо отправился к Новикову и был прошен обедать.

— И всегда, — прибавил Новиков, — если не будете куда званы, приезжайте ко мне щи хлебать. Я в Москве ныне обжился и свой стол имею.

Новиков квартировал на старом месте, при типографии, но в комнатах его убранства прибавилось и полки для книг были заменены шкафами. Хозяин устраивался надолго и прочно.

К обеду собралось несколько человек, в большинстве молодежь, переводчики и авторы из студентов университета. К Новикову относились они с отменным уважением и ловили каждое его слово.

На стол и вправду были поданы щи — Новиков предпочитал испытанную русскую кухню и не любил затейливых разносолов, — потом уха из ершей и два поросенка с кашей. Гости показали изрядный аппетит, и Болотову подумалось, что они, похоже, не каждый день обедали.

— Журнал ваш, — обратился к нему Новиков, — принят публикою благосклонно, и число подписчиков час от часу возрастает.

— Так по этой причине, — сказал Болотов, стараясь придать своим словам шутливый оттенок, — можно бы мне сколько-нибудь и прибавить? Ведь я один-одинехонек, должен пи-

сать на каждую неделю по два листа! Такой подвиг награды заслуживает.

— Я не прочь от того, — ответил Новиков, — и прибавлю вам пятьдесят рублей. За мной дело не станет. А вот о чем вас хочу спросить. Не могли бы вы перевести на русский язык одну книгу славного немецкого сочинителя? Я бы хотел печатать ее в виде ежемесячного журнала.

Новиков вышел в кабинет и принес книгу. Была она сочинения господина Тидена и содержала вечерние благочестивые размышления на каждый день года.

Посмотрев книгу, Болотов усомнился, сможет ли ее перевести, но решил все ж попробовать и взял книгу с собой.

По пути домой он зашел к Ридигеру. Прежний университетский книгопродавец держал теперь на Ильинке книжную лавку. Болотов оглядел полки, выбрал кое-что — он любил книги и охотно покупал их — и понемногу расспросил Ридигера о Новикове. Тот отзывался об арендаторе хорошо — типографское дело знает, сам учит рабочих, издает много, очень любезен, — только есть за ним нечто сумнительное. Масон!

— Николай Иванович масон? — с ужасом переспросил Болотов. — Как же я теперь буду?

Он слыхал о масонах. Таинственная секта со страшными обрядами. Да уж не случалось ли им пить человеческую кровь?

Болотов напугался. Но тут же сообразил, что уж год знает Новикова, ничего худого не видывал, за обедом у него едал поросят, а не человеческое мясо... Деньги же у Новикова настоящие, а выговоренные четыреста пятьдесят рублей весьма кстати. Расставаться с таким доходом Болотову не хотелось, да и журнал свой он любил...

— Будь что будет, — наконец проговорил он — «Экономический магазин» сочинять не оставлю, от перевода книги воздержусь и в обман не дамся.

На другой день Болотов снова поехал к Новикову, обедал, отказался от перевода Тидена и собрался было домой, как хозяин позвал его в кабинет. Остальные гости продолжали беседовать за столом.

Услышав приглашение, Болотов вздрогнул. Вчерашние опасения охватили его. «Держись, брат Андрей Тимофеевич!» — подбодрил он себя, открывая дверь кабинета.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Новиков, увидев Болотова. — Должен я спросить у вас нечто и ожидаю прямого ответа. Не принадлежите ли вы какому-либо ордену?

«Вот оно как начинается!» — подумал Болотов и поспешил заверить, что не состоит ни в каком ордене, в масонах не бывал и к сектам непричастен.

— Не удивляюсь тому, — согласился Новиков. — Много званых, да мало избранных. Но ежели хотели бы вы увеличить свои силы в общем союзе — к тому дорога открыта. Есть братство, которое охотно примет вас сочленом. А по своим знаниям и качествам вы могли бы получить в этой среде знаменитое достоинство!

— Нет, увольте, Николай Иванович. Дружбу и приязнь вашу считаю для себя драгоценными, а что касается общества — не могу. С молодых лет дал зарок, чтобы отнюдь не вступать ни в какой тайный орден и сокровенное общество.

— Но для чего же?

— А для того, что, зная, чем обязует нас христианский закон, думаю, что нам и тех обязанностей довольно и нет нужды обременять себя другими должностями.

— Наш орден, — сказал Новиков, — христианской вере нимало не противен. Дело идет о том, чтобы помочь каждому человеку стать лучше, совершеннее, а тем и все человечество исправить.

— Пусть, батюшка, будет по-вашему, — упрямо сказал Болотов, — но своей клятвы я держался и держаться буду. А искреннее почтение к вам и дружбу сохраню. И о том перестанем говорить.

Новиков промолчал.

— Ну, так и быть, — наконец вымолвил он. — Что мне с вами делать... Но пусть разговор этот не помешает нам издавать «Экономический магазин».

— О, что касается журнала, то уверяю чистосердечно, будете мною довольны! — с облегчением воскликнул Болотов. — И в залог того — вот моя рука!

Новиков пожал протянутую руку Болотова, и они вышли в зал, где гости уже распивали кофе.

...Возвращаясь на свою московскую квартиру, Болотов перебирал в памяти разговор с издателем и хвалил себя за несговорчивость.

«Нет, милостивый государь Николай Иванович, — думал он. — Не на такого простачка напал! Ты рассчитывал ослепить меня своими россказнями, чтобы я протянул шею, а ты наложил бы узду, сел верхом и приневоливал меня. Не бывать тому никогда! А ежели хочешь — с тобой, как с обыкновенным и равным другом, обходиться буду... Впрочем, что-то засиделся я в Москве. Надобно отъезжать в Богородицкое — оно прибыточнее, и соблазну меньше...»

3

В Петербурге Новиков оставил два созданных им училища — Екатерининское и Александровское.

С отъездом из столицы Новиков не прекратил о них заботиться. Друзья журнала «Утренний свет», выходившего теперь в Москве, по-прежнему охотно помогали детям.

Новиков своими школами опередил правительство в его обязанности насаждать просвещение — это было досадно Екатерине II.

— Не много ли берет на себя Новиков? — негодовала она. — И архиепископ Гавриил хорош — освящает эти училища...

Однако пример Новикова заставил императрицу задуматься. Она в 1782 году выписала из-за границы ученого педагога серба Янковича де Мириево и поручила ему устройство в России народных училищ.

Екатерина считала, что для этого достаточно высочайшей воли. Стоит изъявить ее — возникнут школы, и можно сообщить в Европу, что Россия ныне образованная страна.

Набег на просвещение не удался. Местные власти не видели прока в школах, родители отказывались посылать детей, приговаривая, что можно жить и не зная грамоты. Средства на школы отпускались малые, учителей не хватало. И Екатерина охладела к своей затее.

Но следить за Новиковым императрица не переставала. Как только учредилась Комиссия народных училищ, ее обязали вести надзор за частными пансионатами и школами. Таких в Петербурге насчитывалось около двадцати, а в Москве десять. Члены Комиссии наблюдали, нет ли где разврата, суеверия и соблазна. Но так как эти школы принадлежали иностранцам, а учили в них самой светской науке — уменью танцевать, они проверку выдержали. К училищам Новикова при всем усердии прицепиться не удалось, и потому первый опыт преследования желанных результатов императрице не принес.

В Москве Новиков, сознававший себя сотрудником университета, и притом не последним — в его руках находилось издательство, — в первые же месяцы сблизился со студентами. Он вручал им статьи для перевода и печатал их в журналах, доверял вести корректуру, иного ссужал деньгами, иного подкармливал обедами.

Осенью в первый год своего пребывания в Москве Новиков познакомился с Иваном Григорьевичем Шварцем, только что получившим должность профессора немецкого языка в Московском университете.

Шварц был немец родом из Силезии, служил унтер-офицером в голландской Ост-Индской компании Он не получил систематического образования и недостаток его восполнил усиленным чтением. Двадцати пяти лет от роду, в 1776 году — по приглашению князя Гагарина — Шварц приехал в Россию и поступил воспитателем к детям в дворянскую семью, обитавшую в Могилеве. Он хорошо выучил русский язык, правильно говорил на нем и писал. Через три года обстоятельства семьи изменились. Шварц приехал в Москву. По масонским связям — он был членом ордена и очень религиозным человеком — Шварц стал известен Хераскову и при его содействии получил приглашение в университет.

Новиков знал Шварца не только по службе. Он встречал его в домах Николая Трубецкого и Василия Майкова. В свою очередь, Шварц, очевидно, был наслышан о Новикове, читал его издания и потому не замедлил завязать с ним личные отношения. «В одно утро, — вспоминал Новиков, — пришел ко мне немчик, с которым, поговоря, стал я неразлучен до конца жизни...»

Шварц оказался весьма деятельным и инициативным сотрудником университета. Уже в ноябре 1779 года, через два с половиною месяца после поступления на новую службу, он открыл при университете педагогическую семинарию для подготовки учителей. Были начаты дополнительные занятия со студентами с целью помочь им приобрести педагогический опыт и мастерство, кроме тех знаний, что получали они в основном университетском курсе. Через год с небольшим возникла и еще одна семинария — переводческая или филологическая, слушателями которой стали шестнадцать студентов университета. В марте 1781 года Шварц основал «Собрание университетских питомцев» — кружок студентов и учеников гимназий, желающих упражняться в самостоятельных сочинениях и переводах. Новиков предполагал издавать лучшие работы. Наиболее способных участников «Собрания» он привлек к сотрудничеству в своих журналах и к переводу книг.

В сущности, эти семинарии и «Собрание» были частью великого плана просвещения России, задуманного Новиковым и Шварцем. Новиков полагал, что исправление социальных порядков в стране, подъем благосостояния народа не могут и не должны быть достигаемы через восстание и революцию. Крестьянская война, поднятая Пугачевым, достаточно, думал он, это показала, и ничего доброго от прямых выступлений народа ожидать не приходилось.

Он избрал другой путь и решил, что изменить обществен-

ное сознание можно лишь в результате изменения взглядов каждого отдельного человека.

Шварц, преподававший в университете, должен был вести подготовку будущих воспитателей общества. В большом числе становились необходимыми учителя, хорошо образованные русские молодые люди, способные учить по книгам, что выпускает Новиков.

Сам Шварц отличался огромной волей, непреклонной убежденностью и умением увлекать за собою людей, с которыми он встречался. Шварц обладал педагогическим талантом и славился красноречием. Лекции его собирали много слушателей, и, не ограничиваясь университетской аудиторией, он читал в доме Новикова особый курс для любителей религиозной учености. Идеалист и мистик, Шварц учил, что существует три вида познания: любопытное, приятное и полезное, и последнему, под которым подразумевалось познание христианских догматов, он придавал главенствующее значение.

Московские масоны испытали на себе влияние Шварца, но вспоминали позднее о нем по-разному. В памяти большинства он остался необыкновенно цельным, нравственно чистым человеком, реже отмечались неприятные черты в характере Шварца: суровый фанатизм, деспотические замашки, лицемерие. По словам одного из современников, Шварц открыл ему потаенные цели ордена, клонившиеся даже к тому, чтобы уничтожить православие в России.

Николай Новиков не считал Шварца повинным в таких замыслах, был дружен с ним, но всегда умел сохранить собственные убеждения и взгляды и не раз, особенно в делах литературных и издательских, выступал его противником, что замечали окружающие.

Возможность объединить культурные силы страны давно привлекала Новикова. Когда удалось поставить занятия в учительской и филологической семинариях, он задумал выйти за стены университета и создать общество, имевшее целью распространять просвещение в России.

Осуществить план мешал недостаток денежных средств. Но вскоре это препятствие пало. Шварц был приглашен воспитывать сына московского богача Петра Татищева и сумел уговорить отца пожертвовать крупную сумму денег для нужд нового общества. Так определился основной капитал, а затем свои доли внесли участники — Новиков, Шварц, Николай и Юрий Трубецкие, Херасков, Иван Тургенев, Алексей Кутузов, брат Новикова Алексей, князь Черкасский. Позднее число членов общества превысило полусотню.

Новиков, управлявший огромным издательством, отошел

от масонских собраний. А его друзья продолжали поиски «истинного масонства», старались раздобыть письменные документы, удостоверяющие древность и правильность принятой ими масонской системы, и с надеждой смотрели на заграничные ложи: не знают ли там заветных орденских тайн?

Когда Шварц в качестве воспитателя молодого Татищева в 1781 году отправился с ним в Германию, московские масоны дали ему тысячу рублей на расходы и для покупки книг. Кроме того, они сочинили письма к руководителям немецких масонов с просьбой о присылке истинных масонских актов и о принятии московских лож в общий союз.

Шварц проездил полгода. Ему удалось говорить с герцогом Брауншвейгским, избранным великим мастером всего масонства. Тот согласился признать независимость организации в России и обещал добиться постановления о том на генеральном масонском конвенте.

Выслушав доклад Шварца о связях, установленных им в Германии, Новиков выразил свое неодобрение. Он как будто чуял беду. Поездка Шварца к герцогу Брауншвейгскому оказалась потом одним из главных пунктов обрушенных на Новикова обвинений.

Но Шварц сделал не только это. Он заезжал в Берлин и виделся с начальниками немецких братьев «златорозового креста» — розенкрейцеров — Вельнером и Теденом, ловкими хитрецами. О результатах этого свидания Шварц рассказал только Николаю Трубецкому и Новикову. Он развернул перед ними картину учения розенкрейцеров с таким искусством, что слушатели поверили, будто они подошли, наконец, к единственно верной масонской программе.

Шварц запасся в Берлине документом, именовавшим его «верховным представителем теоретической степени Соломоновых наук в России», и получил право присваивать степени другим масонам. Русские братья обязывались повиноваться Шварцу и передавать ему взносы на бедных для пересылки в берлинскую кассу ордена. Далее Шварц сообщил, что он добыл теоретическую степень и Новикову, только поменьше рангом.

Завезенное Шварцем из Берлина розенкрейцерство пришлось по вкусу московским масонам. В орден были приняты Иван Тургенев, Алексей Кутузов, Семен Гамалея, Иван Лопухин, брат Новикова Алексей, за ними Трубецкие, Херасков, князья Черкасский и Енгалычев. Образовалась ложа, мастером которой был Новиков. Члены ее рассуждали на религиозные темы и отчасти упражнялись в алхимии, к чему, однако, подготовки не имели.

В отличие от других братьев, ничем, собственно, не занятых, Новиков тащил на своих плечах огромное издательское дело и только изредка участвовал в масонских собеседованиях. На этой почве между ним и Шварцем возникали частые неудовольствия.

— Он меня подозревал в холодности к масонству и ордену, — говорил на допросе Новиков, — потому что я, быв совершенно занят типографскими делами, упражнялся в том урывками, а я, ведая пылкость его характера и скорость, удерживал его, опасаясь, чтобы в чем не проступиться, и с великой осторожностью смотрел на все, что он делал, насколько мне было возможно.

В ноябре 1782 года произошло торжественное открытие Дружеского ученого общества.

Новиков к этому дню отпечатал и разослал приглашения. Вероятно, он сочинял и текст.

Люди напрасно губят время, провлекают жизнь в ленивом бездействии, в сладострастиях. Труднее всего расположить праздное время, о чем говорили и древние авторы. Почему же пренебрегать возможностью укреплять свои душевные силы? А к просвещению себя и приведению в большее совершенство много способствуют помощь друзей, их добрые качества, примеры, советы.

Для этой взаимной помощи и создается Ученое общество, чтобы удобнее было труд и упражнение свободного времени обратить в пользу.

Дружеское ученое общество составляется из людей, знаменитых благородством и других, испытанных в науках, известных своими дарованиями и ревностью к просвещению. Их соединяют взаимный союз, услуги, благосклонность, польза. Особенное внимание общества устремлено будет на те части учености, в которых меньше упражняются — например, на греческий и латинский языки, знание древностей, изучение природы, употребление химии.

Общество не замкнется в своих пределах, станет печатать книги и доставлять их в училища. Утверждена уже Филологическая семинария на тридцать пять студентов. Они будут обучаться в университете предписанным им наукам, а в обществе наставляться, чтобы вступить в учительское звание.

Далее сообщалось, что намерения Дружеского ученого общества нахвалены генерал-фельдмаршалом, главнокомандующим Москвы графом Захаром Чернышевым, архиепископом Платоном, университетскими кураторами Мелиссино и Херасковым и многими почетными людьми. Остается только просить высочайшего покровительства императрицы.

Так было задумано Новиковым и его товарищами это Дружеское ученое общество, и при столь благих намерениях, какие нужно чинить ему препятствия? Ведь сама императрица хлопочет о просвещении России!

Открытие общества состоялось в большой зале татищевского дома у Красных ворот в присутствии многих гостей. Читался отчет о том, что сделано членами нового общества до его официального признания, о благах России и ее выгодах, произнесли речи на французском языке профессор Шнейдер и на немецком — господин Баузе, питомцы общества говорили речи и стихи, член общества Ключарев прочитал оду, речь сказал Петр Страхов — все прошло чинно и благопристойно, пожалуй, в первый и последний для общества раз. Члены его, предполагавшие, что императрица их поддержит, совсем не понимали характера Екатерины. Мысль о том, что кто-то без нее нечто придумал и чья-то инициатива может получить осуществление, была ей нестерпима. Советчики царице не требовались.

Дружеское ученое общество было весьма заметным объединением, и к нему старательно присматривались в Петербурге. Масоны были подозрительны Екатерине II. Она приказала следить за их корреспонденцией. Письма распечатывались на почтамте, и с них снимались копии.

Куратор Московского университета Иван Мелиссино не доверял Шварцу и не скрывал этого. После нескольких стычек Шварц в конце 1782 года вышел в отставку, съехал с университетской квартиры и поселился в доме Новикова. В эти месяцы, до своей болезни и смерти, Шварц набирал новых членов ордена.

Непосильные труды расстроили здоровье Новикова. Он проболел несколько месяцев и поправлялся медленно. Семья жила в Авдотьине. Александра Егоровна проводила дни и ночи у детских кроваток — хворали сын ее Иван и дочь Варвара — и у постели больного мужа.

В Авдотьине Новиков узнал о смерти Шварца, приключившейся после долгой болезни. Он умер в феврале 1784 года, ненамного перейдя тридцатилетний возраст. Московские масоны остро переживали утрату. Вдову Шварца и двух его сыновей Новиков приютил в своем доме.

Руководителем московских розенкрейцеров из Берлина был назначен некий барон Шредер. По орденским правилам Новиков подчинялся ему, обязанный представлять отчеты в издательских делах, сообщать о своих переживаниях и поступках. Новиков не уважал Шредера — вскоре обнаружилось, насколько прав он был в своей оценке, — но подчинялся дис-

циплине и заставлял себя выслушивать поучения начальника.

«Между мною и бароном всегда была холодность, — писал потом Новиков, — а я не имел к нему по молодости его доверия, также и он меня не очень любил. Сверх того как он не знает по-русски ни слова, я ни по-немецки, ни по-французски, мы весьма мало говорили, и то через третьего. Знакомства между нами сделаться не могло».

Это признание, верное по существу, нужно понимать в том смысле, что Новиков не обладал навыками разговорной французской речи, да, вероятно, и уклонялся от бесед со Шредером, прикрываясь незнанием языка.

Дружеское ученое общество объединяло ценителей просвещения, и в издательской деятельности Новиков не рассчитывал на его помощь. Невиданный еще в России размах книгопечатания требовал притока оборотных средств, новых типографий, четкого порядка ведения дел.

Возникла необходимость иной организации общественной помощи. И Новиков такую форму нашел.

1 сентября 1784 года была учреждена Типографическая компания —книгоиздательство на паях вкладчиков. Устроители были все те же — члены Дружеского ученого общества во главе с Новиковым.

Капитал составился значительный. Князья Трубецкие внесли десять тысяч рублей, братья Лопухины — двадцать, Тургенев, Чулков, Алексей Ладыженский по пяти, Кутузов — три тысячи, барон Шредер — три с половиной. Николай Новиков с братом Алексеем передали компании книги по двадцать пять копеек за рубль продажной цены, на восемьдесят тысяч рублей.

В правление вошло семь пайщиков.

Душой компании был Новиков.

4

Один за другим из типографий Новикова выходили журналы — «Утренний свет», «Московское ежемесячное издание», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», печаталась газета «Московские ведомости», тираж которой достиг четырех тысяч экземпляров, — цифры для XVIII столетия чрезвычайно значительной. Вместе с «Ведомостями» к читателю шли разнообразные приложения, журналы или серии книг научно-практического и литературного характера: «Экономический магазин», «Детское чтение для сердца и разума», «Городская и деревенская библиотека», «Магазин натуральной исто-

рии, химии и физики», «Прибавление к «Московским ведомостям». Каждое издание было рассчитано на своего читателя и представляло ему материал для полезного занимательного чтения.

В этих изданиях сотрудничали многие русские писатели и большое число переводчиков. Новикову удалось создать крупный коллектив литераторов, силы которого он направил на содействие просвещению русских людей.

После «Утреннего света» Новиков с января по декабрь 1781 года выпускал «Московское ежемесячное издание» — журнал, служивший его продолжением, но отличавшийся от «Утреннего света» включением статей по истории, географии и политике.

На страницах этого журнала нередко затрагивались вопросы современной действительности, нравоучения дополнялись критическими наблюдениями над окружающей жизнью. Автор статьи «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук» — очевидно, Н. И. Новиков — писал о том, что для развития наук необходимы устойчивое состояние политических учреждений, свобода мысли. Так, науки достигли успеха в республиканском Риме, но когда «последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас».

О России в статье не говорилось ничего, но мысль читателя невольно обращалась к ней, встречая строки о том, что «нигде, где только рабство, хотя бы оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвести что-нибудь великое». Автор утверждал, что «народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же они приходят весьма поздно».

Политическую остроту имели два «письма», опубликованные в августовской книжке журнала: «О льстецах и о всех людях вообще» и «О государях». В первом из них говорилось, что «счастлив тот, кто не знает знатных, и еще счастливее, когда незнаем ими», во втором определялись качества, необходимые государю, причем слова о любовных страстях, мешающих монархам порядочно править, звучали намеком на поведение Екатерины II. Сделать государя великим могут только премудрость и правосудие.

В «Московском ежемесячном издании» принимали участие А. М. Кутузов, И. П. Тургенев и группа студентов Московского университета, выступавших в роли переводчиков.

Новиков решительно перестроил газету «Московские ведомости». Кроме заметок, переведенных из иностранной прессы, что составляло раньше почти все ее содержание, он стал

печатать российские известия, получавшиеся от корреспондентов из разных городов, с которыми Новиков имел деловые связи, ввел отдел библиографии, публиковал статьи и стихотворения. Газета ожила, подписка начала неуклонно расти.

«Ведомости» потянули за собой цепь приложений, с помощью которых Новиков стремился расширять кругозор читателей, давать им практические советы. Так, в течение десяти лет, с 1780 по 1789 год, к «Ведомостям» дважды в неделю прилагались номера журнала «Экономический магазин». Комплект его составил сорок томов, и первые восемь были переизданы.

С 1782 по 1786 год приложением к «Ведомостям» служила «Городская и деревенская библиотека». Новиков стремился заинтересовать чтением русскую провинцию, захолустных помещиков, сидевших в своих усадьбах, уездных грамотеев, и потому заполнял страницы журнальных книжек разнообразной беллетристикой, целиком почти переводной. Он печатал повести «Любовь увенчанная, или Приключения кавалера д'Аблинкурта и девицы де Сен-Симон», «Похождение маркиза де Кресси», «Девица каких мало находится» и т. д. Однако в журнале появились и произведения Дидро — «Два друга», «Разговор отца с детьми о том, сколь опасно поставлять свой рассудок выше закона».

Из оригинальных произведений в трех частях «Библиотеки» — первой, второй и четвертой — были напечатаны «Пословицы российские», шестнадцать нравоучительных рассказов, объяснивших происхождение и первоначальный смысл пословиц «Зиме и лету перемены нету», «Малого пожалеешь, да большее потеряешь», «Замок для дурака, а печать для умного» и др., причем иные имели злободневный сатирический характер. Например, рассказ «Седина в бороду, а бес в ребро» высмеивает стариков и старух, которые на склоне лет «искушением беса» совершают не свойственные их возрасту поступки — влюбляются в молодых, предаются сочинительству, безудержно шутят. Можно усмотреть в этом рассказе намек на Екатерину II, под старость часто менявшую своих фаворитов.

Следующим по времени приложением к «Московским ведомостям» был журнал «Детское чтение для сердца и разума», выходивший еженедельно в течение 1785—1789 годов. Начиная этот журнал, Новиков руководился мыслью о том, что «в нашем отечестве... детям читать нечего» и для разумного воспитания необходимо предоставить юным читателям доступное их возрасту полезное и приятное чтение. Это намерение Новикова определялось его педагогическими взглядами,

подробно изложенными им в статьях «О воспитании и наставлении детей», напечатанных в «Прибавлениях к «Московским ведомостям» за 1783—1784 годы.

Новый журнал редактировали А. А. Петров и Н. М. Карамзин. Содержание первых частей журнала было достаточно разнообразным и в меру нравоучительным. Начиная с девятой части журнал заполняется длинными повестями, переведенными Карамзиным, и лишь с шестнадцатой вновь возвращается к прежней манере помещать небольшие занимательные статьи и рассказы, способные привлекать детей.

В 1788—1790 годах «Московские ведомости» имели приложением еще один журнал — «Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам». Номера его первые два года выходили два раза в неделю, а в третий — еженедельно. Редактировал журнал А. А. Прокопович-Антонский и помещал там переводы из трех французских словарей по естественным наукам. Это издание при всей наивности подхода редакторов к составлению номеров примечательно замыслом Новикова знакомить читателей с начатками естествознания и просвещать умы научными сведениями о строении мира, о свойствах физических тел, о явлениях природы, о Земле, ее животных и растениях. Масонским «таинствам» журнал открыто противопоставлял здравые, основанные на современных научных данных, сообщения, лишенные религиозной окраски, и по одному этому почин издателя заслуживает благодарной оценки.

Одновременно с «Городской и деревенской библиотекой» в 1782 году в университетской типографии Новикова выходил ежемесячный журнал «Вечерняя заря». Он имел сильно выраженное религиозно-мистическое направление и заключал в себе, как говорилось на его титульном листе, «лучшие места из древних и новейших писателей, открывающие человеку путь к познанию бога, самого себя и своих должностей».

«Вечерняя заря» была масонским, мистическим изданием, далеким от политики, от общественной жизни. Редактировал ее И. Г. Шварц. Сотрудники — ученики Шварца, студенты Московского университета: М. Антоновский, Л. Максимович, Д. Давыдовский, А. Лабзин и другие — переводили статьи религиозного содержания из иностранных журналов и печатали свои нравоучительные стихи.

Следующим периодическим изданием, выпускавшимся типографией Новикова, был журнал «Покоящийся трудолюбец». Он издавался не помесячно, а частями, причем две части вышли в 1784 году и две в 1785-м. Журнал этот называл себя продолжением «Вечерней зари», но по сравнению с ней был

гораздо меньше связан с мистикой и отличался по литературному оформлению. Участвовали в нем студенты Московского университета: Антон и Михаил Антонские, Подшивалов, Сохацкий, Благодаров, Голубовский и другие. Кроме них, печатались поэт С. Бобров, П. Икосов.

В каждой книжке журнала сначала помещены статьи религиозно-моралистического характера, молитвы в стихах, переложения псалмов, а после них развлекательный материал: небольшие повести, анекдоты, загадки, эпиграммы, статейки для детей. Встречаются сатирические выпады против пороков, правда, имевшие вид чрезвычайно общий и далекие от «личностей» и злобы дня.

В лучшее время своей издательской деятельности Новиков выпускал в год более полутораста книг. Всего же с начала аренды университетской типографии до ареста в 1792 году он издал около девяти с половиной сотен книг, в числе которых были многотомные сочинения.

Разумеется, в этом потоке встречаются и масонские издания, но их было сравнительно мало. Главный же корпус образовали книги, помогавшие просвещению читателей. Новиков печатал сочинения русских авторов: Сумарокова, Хераскова, Николева, Фонвизина, Княжнина, Чулкова, Попова, Аничкова, Десницкого. В переводах на русский язык он издавал произведения Корнеля, Мольера, Расина, Руссо, Дидро, Даламбера, Свифта, Фильдинга, Смоллета, Гольдсмита, Стерна, Юнга, Локка, Клопштока, Виланда, Лессинга и многих, многих других.

Просветительным задачам Новикова было подчинено и художественное оформление его изданий. Он отказался от украшений книги, не связанных с ее текстом и носивших чисто декоративный характер. Новиков стремился к единству содержания книги с ее внешней формой.

Типография Новикова была богата. Разумный хозяин, он понимал, что новый, четкий шрифт, книжные украшения, заставки и гравюры, сопровождающие текст, привлекают читателей. Чисто, изящно напечатанные книги как бы сами просятся в руки, их покупают охотнее.

В типографии стояла сотня наборных касс с русскими шрифтами, полсотни — с иностранными, было девятнадцать печатных станов. Новиков заказывал для книг гравюры на меди, титульные листы, виньетки. Гравировальные доски заполняли кладовую. Лишь иногда он позволял себе повторить книжное украшение, побывавшее в печати, — обычно для каждого издания графические элементы книги обновлялись.

Новиков всегда тщательно следил за оформлением книг,

он превосходно знал типографское дело. В его лице счастливо сочетались черты писателя, редактора, типографа, он как бы совмещал их профессии, в дальнейшем ставшие специальностью различных работников книжных изданий. Новиков сам выбирал художников, сообщал им идеи гравюр, внося определенные мысли в сочетания аллегорий и символов, общеизвестных и модных в те времена.

Так, например, виньетка, принятая Новиковым в качестве издательской марки «Общества, старающегося о напечатании книг», включала изображение пирамиды — символ знания, — освещенной вензелем государыни, и двух соединенных в пожатии рук, в кольце змеи, кусающей хвост, а кроме того, рог изобилия, жезл Меркурия, книги, тюки с товарами. Предметов много, но расположены они так, что не производят впечатления громоздкости и тесноты. А надпись: «Согласием и трудами» — это девиз, объединивший членов Общества вокруг печатания книг, несущих людям знания и любовь к искусству.

Массовое производство книги и стремление приблизить ее к читательским кругам побудили Новикова продумать и установить однотипность изданий. Книги, вышедшие из его типографий, имеют небольшой формат, ширина их примерно вдвое меньше высоты. Титульный лист содержит заглавие, часто настолько подробное, что оно служило и аннотацией книги, иногда эпиграф, затем виньетку, связанную с темой сочинения, сведения о месте и годе издания. Цена книги была невысокой — Новиков считал, что книга не предмет роскоши, ибо чтение составляет одну из потребностей человека, и заботился о том, чтобы книги его могли покупать купцы, чиновники, ремесленники, крестьяне.

Карамзин вспоминал, что до переезда Новикова из Петербурга в Москве было только две книжные лавки, продававшие в год книг едва на десять тысяч рублей. В руках же Новикова оборот достиг сотен тысяч. Вслед за ним в книжную торговлю втянулись купцы Кольчугин, Полежаев, Матушкин, Акохов, Козырев, торговавшие поблизости от университета, в лавках на Никольской улице, у каменной стены Заиконоспасского монастыря.

Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли, говорит Карамзин. Он «отдавал переводить книги, завел лавки в других городах, всячески старался приохотить публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть с умом, с догадкою, с дальновидным соображением».

Не только торговал Новиков. Он рассылал бесплатно свои

книги в Московский университет, в духовные училища, школы. Во многих губернских и уездных городах у Новикова были комиссионеры, продававшие его издания, — в Архангельске, Вологде, Казани, Пскове, Риге, Рязани, Симбирске, Смоленске, Тамбове, Твери, Туле, Ярославле, Богородицке, Глухове, Коломне. Покупавшим несколько книг он предоставлял скидку, кто брал на пятьдесят рублей, получал еще на сто рублей даром, — заказывай, читай!

И русские люди по всей стране читали изданные Новиковым книги.

5

Московские журналы и книги беспокоили Екатерину II. Слухи о Дружеском ученом обществе, о Типографической компании доходили до Петербурга и превращались в россказни о шайке безнравственных людей, подрывающих уважение к правительству.

За Новиковым следили, издания его с пристрастием читались цензорами, служившими по должности и добровольцами. Разъяснит же где-то бывший издатель «Трутня», государству небезопасный, свои пагубные замыслы! А тут и поступят с ним по строгости законов. Каких? Будет видно. Если старых для него не хватит — сочинятся новые.

Наконец одна хитрость издателя была обнаружена. Комиссия народных училищ в августе 1784 года уведомила московского главнокомандующего графа Захара Чернышева, что содержатель типографии Московского университета Николай Новиков напечатал две книги — «Сокращенный катехизис» и «Руководство к чистописанию», — ранее вышедшие по контракту с Комиссией в типографии Брейткопфа. Этим, дескать, нарушено право издания и нанесен ущерб экономическим доходам Комиссии училищ Надо книжки отобрать, а за проданные взыскать с Новикова деньги.

Пока жалоба путешествовала из Петербурга в Москву, Захар Чернышев умер, и Новиков лишился защитника и друга. Главнокомандующим назначен был граф Яков Брюс. Он принялся искоренять раскол и вольнодумство. Со службы ушли правитель канцелярии главнокомандующего Семен Иванович Гамалея, адъютант Иван Петрович Тургенев, советник Уголовной палаты Иван Владимирович Лопухин — товарищи Новикова по Дружескому ученому обществу.

Обороняться пришлось в одиночку.

Новиков ответил, что учебные книги печатал он по при-

казанию покойного графа Чернышева, продавал копейкою дешевле, чем в Петербурге, и представил тому свидетельства бывших адъютантов главнокомандующего.

Императрица не нашла возможным расследовать жалобу — ей надо было бы осуждать действия Чернышева, — но тотчас изобрела другой повод придраться к Новикову.

В «Прибавлении к «Московским ведомостям» за 1784 год, № 69—71, напечатал он статью «История ордена иезуитов», содержавшую неблагоприятные для этой могущественной организации сведения. Екатерина приказала изъять номера «Прибавлений» по той причине, что, «дав покровительство наше сему ордену, не можем дозволить, чтобы от кого-либо малейшее предосуждение оному учинено было».

Московский обер-полицмейстер арестовал тираж «Прибавлений», приказав отбирать номера у тех подписчиков, которым они уже были отправлены.

Несколькими неделями ранее наложили запрет на другую статью из «Прибавлений к «Московским ведомостям», называвшуюся «О влиянии успеха наук на человеческие нравы и образ мыслей».

Исправно доносил на Новикова протоиерей Архангельского собора в Москве Петр Алексеев. Он следил за тем, что происходило в Дружеском ученом обществе, а затем в Типографической компании, читал новиковские книги и сообщал императрице о том, что в них встречаются мысли, несходные с православным вероучением и противные монархическому правлению. Писал он также, что Новиков тайно печатает развратные книги в доме на Чистых прудах. Алексеев завербовал себе в помощники одного из типографских работников Новикова и через него добывал сведения для своих доносов.

Дальше — больше. В конце декабря 1785 года императрица приказала московскому главнокомандующему, в рассуждении того, что из типографии Новикова выходят «многие странные книги», освидетельствовать их, чтобы впредь «таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются». Архиепископа Платона Екатерина просила испытать Новикова в законах православной веры и просмотреть его книги, нет ли в них «всяких нелепых толкований, о коих нет сомнения, что они не новые, но старые, от праздности и невежества возобновленные».

Платон беседовал с Новиковым и доложил государыне, что московский издатель является истинным христианином. Книги также не внушили архиепископу особых сомнений. Из четырехсот шестидесяти названий, вышедших в типографиях Новикова, только двадцать три были признаны «могущими слу-

жить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов». Шесть из них — масонские, их запечатали, а семнадцать, в числе которых попались произведения Вольтера, сборники сказок и песен, лишь запретили продавать.

Императрица осталась недовольна мягкостью Платона и подала команду гражданской администрации. Она приказала московскому губернатору — главнокомандующий Брюс был в отъезде — проверить больницу, заведенную «от составляющих скопище известного нового раскола», и допросить Новикова, зачем он издает сочинения «для обмана и уловления невежд».

Новиков спокойно прошел и через это испытание. Губернатор должен был донести, что книги печатаются с дозволения цензуры, светской и духовной. Новиков же при издании книг в публику никакого другого намерения не имел, кроме того, чтобы приносить трудами пользу отечеству и честным образом получать законами невозбранный прибыток...

Юридических оснований для расправы с Новиковым не отыскивалось, и вскоре императрица решила не заботиться о соблюдении законности: Новиков превращался для нее в грозную силу.

Не очень надеясь на своих помощников, усердных, но слишком связанных законами, Екатерина попробовала напасть на масонов сама. Ей хотелось возбудить общественное мнение, и к тому был пригоден театр.

Екатерина писала решительно и быстро, с большой точностью определяя литературные мишени.

Один из современников в автобиографии означил 1786 год такой записью:

«Мартинисты начали привлекать внимание правительства. Императрица сама сочиняла комедии, дабы их предать поруганию».

На сцене придворного театра была поставлена комедия Екатерины «Обманщик», Некий Калифалкжерстон — под этим именем императрица вывела графа Калиостро, известного авантюриста, приезжавшего в Россию, — представляется знаменитым магом и дурачит доверчивых русских господ. Он делает вид, что беседует с Александром Македонским, варит золото, ворует алмазы у хозяина дома. Плута ловят с поличным. Зритель должен убедиться, что масоны или мартинисты напрасно верят обманщикам, следует разъяснить их заблуждения, а мошенников-магов — наказывать.

Труднее исправить человека, зараженного «мартышкиным бредом», пойманного в масонские сети. Случай такого рода

Екатерина изобразила в следующей своей комедии — «Обольщенный».

Для заглавной фигуры она имела образец и не постеснялась в пасквильном виде описать одного из видных московских масонов, Семена Ивановича Гамалею, о чудачествах которого в обеих столицах ходили рассказы. Гамалея был бессребреник, кроткий, не причинивший зла ни одному живому существу человек. Необычность его характера казалась Екатерине подозрительной. Царица никогда не верила, что добрые дела можно творить, не ожидая за них скорой награды.

«Обольщенный» Радотов заставляет родных беспокоиться: он радуется своей болезни, не гневается, узнав о пропаже табакерки и часов, читает книги. Судьба семьи не занимает его: «душевное удовольствие предпочтительно всякой иной связи и чувствам», и заключается оно «во внутреннем спокойствии для испытания того, что от глаз наших закрыто».

Родственник Радотова Бритягин разъясняет его ошибки:

— Это называется, — говорит он, — предпочитать своевольное хотение иным уважениям и, отвратя глаза от всего света, обратить взор на одного только себя.

Так императрица истолковала тезис новиковского журнала «Утренний свет» о том, что для человека нет ничего интереснее, чем он сам, что нужно стремиться к самопознанию, к совершенствованию. Люди, предавшиеся этим занятиям, по мнению государыни, уклоняются от своих гражданских и семейных обязанностей и не могут быть терпимы в обществе.

В пьесе кратко названы причины, по которым следует считать масона обманутым человеком:

«Он доискивается вещей таких, кои давно в свете известны, что найти нет возможности... варит золото, алмазы, составляет из росы металлы, из трав нивесть что; домогается притом иметь свидания неведомо с какими-то невидимками... голову свернули ему кабалические старые бредни...»

Масонам ставится в вину то, что они «в намерении имеют потаенно заводить благотворительные разные заведения, както: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать к себе людей богатых». Спрашивается, на что дела такого рода «производить сокровенно, когда благим узаконением открыты всевозможные у нас к таким установлениям удобства»?

Друзья Радотова крадут у него из ящика «не только деньги и векселя, но еще складчину на многие заведения». Радотов признает, что «был обольщен наружностями» — масоны непрестанно твердили, как нужно быть добродетельным... Бритягин возражает:

— Неужто есть добродетели более числом и выше тех, коих от нас требует издревле установленный у нас закон? И неужто развращенный какой ни есть толк замыкает в себе лучшие добродетели?

Екатерина не признает иных мотивов увлечения масонством, как любопытство, легковерие, желание оригинальничать — думать не так, как думают знакомые На самом же деле все обращенные терпят несказанную скуку, предаваясь масонским упражнениям.

— Надзирание, бесспорно, в руках начальства, — говорит Бритягин, заключая комедию. — Благодарить мы должны провидение, что живем в такое время, где кроткие способы избираются ко исправлению.

«Кроткие способы» таковы: масонов арестует полиция.

По-видимому, наказание в комедии «Обольщенный» было прообразом кары, постигшей Новикова. Его Екатерина считала обманщиком и обирателем ближних, а потому посадила в крепость Тургенев же и Лопухин прошли по разряду «обольщенных» и отделались высылкой и нравоучением.

Новиков и его друзья, объединившиеся в компанию, располагали типографиями, книжными лавками, домами, где жили служащие и студенты Это было крупное учреждение, созданное группой частных лиц, единственное в России. Было разумно подумать о покупке или постройке здания, в котором можно собрать предприятия, разбросанные по городу. Задача эта стояла перед Новиковым, но выполнить ее довелось неожиданно и не очень удачно.

Руководитель московских розенкрейцеров барон Шредер приторговал огромный дом графа Гендрикова на Садовой Спасской улице и дал задаток. Он собирался оборудовать там аптеку, больницу и благородный пансион, выписал из Германии провизоров и заказал лекарства. Внезапно Шредеру понадобилось ехать по семейным делам за границу, и он отправился, оставив доверенность на совершение купчей одному из членов Типографической компании.

Новиков узнал о сделке Шредера от князя Трубецкого. Тот просил его посмотреть купленный дом и присоветовать, какая нужна перестройка. Надобно было обдумать, чем заплатить — барон не оставил ни копейки. Без особой охоты Новиков принял это поручение — он Шредера не любил и не доверял его комбинациям, — но добросовестно занялся домом.

Когда ремонт заканчивался, Шредер известил, что отказывается от покупки: дядя лишил его обещанного наследства, платить нечем Он потребовал немедленно продать гендриковский дом и возвратить деньги, причем не только те, что были

даны в задаток, но и весь его вклад в Типографическую компанию.

Положение создалось трудное. Охотников купить дом не отыскивалось. Переделка здания была произведена частью на средства компании, частью в долг. Предстояли платежи за выписанные для аптеки материалы, едут провизоры... Что делать?

После долгих совещаний скрепя сердце члены Типографической компании решили все-таки дом взять на свой счет, заложить его в Опекунском совете и рассчитаться с долгами. Под залог дома удалось получить восемьдесят тысяч рублей, и за возвращение ссуды каждый компанеец поручился личным состоянием. Шредеру выслали его долю, несмотря на то, что Новиков возражал против непомерных притязаний барона. Так гендриковский дом стал собственностью компании—там разместили типографию, аптеку, поселили служащих Эта вынужденная покупка на десятки тысяч рублей увеличила долги компании, а неисправные платежи угрожали разорить каждого поручителя. Оставалось надеяться, что этой беды не произойдет.

Отпор домогательствам Шредера дорого обошелся Новикову Коварный немец, зная, что за Новиковым следит правительство России и его переписка просматривается, посылал ему почтой из Германии притворно-дружеские письма. В них он сообщал о масонских делах, тут же им придуманных, чтобы скомпрометировать Новикова, толковал о поручениях, якобы выполняемых им, Шредером, для русских братьев по просьбам Новикова — ведь письма читались на почте и каждое могло служить уликой! Расчет Шредера оправдался его письма выглядели так таинственно и, казалось, грозили русской монархии такими бедами, что их даже не доставляли Новикову, а прямо сдавали по начальству, и Новиков узнал об этих письмах лишь после ареста на допросах Он и в самом деле не знал, что отвечать о выдумках Шредера. Это было понято как запирательство и усилило его вину.

6

Пути практического осуществления своих общественных идеалов московские масоны намечали очень приблизительно, не считаясь, во всяком случае, с тем, что реально могли предпринять они в крепостном государстве.

Государство это им не нравилось, его подвергали критике, бичевали сатирой — Новиков показывал ее образцы, — но мысли об уничтожении монархии, о расправе с царем не приходили в голову никому из масонов. Зато об этом отлично знал смелый революционер Александр Радищев, видевший первую

цель в том, чтобы разрушить царизм. На этой основе в России существовало крепостное право, и, чтобы освободить народ, надобно было сначала покончить с монархией.

У масонов же был другой план. Ничего разрушать они не хотели и страшились Пугачева. Масоны оставались дворянами и классовыми привилегиями дорожили. В то же время им были ненавистны полицейские, чиновники, ростовщики, взяточники всех рангов и степеней, от подьячего до светлейшего князя.

Но как создать стройное общество благополучных людей, в котором не нужен будет аппарат насилия, отпадет нужда и прекратятся вооруженные выступления народа в свою защиту?

Нужно переделать людей, только и всего!

Силою? Нет, терпением.

Необходимо, чтобы каждый человек начал работать над собой, очищаться от скверны, укреплять свои лучшие задатки, расставаться с дурными. Помочь людям в их нравственном перерождении должны книги. Печатное слово содействует просвещению. Надо больше издавать и рассылать книги по всей стране, чтобы везде, в самом дальнем уголке России, люди могли читать и поступать согласно с обращенными к ним словами. Эту заботу взял на себя Новиков. Ему надобно помогать — он знает, что делать.

Таким образом, был избран самый дальний и трудный путь — каждый должен исправиться сам. О том, что надо изменить условия жизни, речи среди масонов не было. Надежды возлагались на личное самоусовершенствование каждого человека.

«В то время существовали в России люди, известные под именем **мартинистов**, — писал Пушкин в статье «Александр Радищев». — Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, к которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов, как на игры искусных бойцов, и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокойством видела их торжество и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, не-

винными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкмасонских ужинах».

Камень мудрых, философский камень, что стремились создать масоны во время своих химических работ, вовсе не был в их понимании только средством превращать неблагородные металлы в золото. Конечно, это было очень заманчиво — научиться делать золото, и авантюристы, вроде Джузеппе Бальзамо, известного под именем графа Калиостро, обещали неслыханные богатства тем, кто не пожалеет средств на производство опытов. Камень мудрых означал нечто гораздо большее. С его помощью масоны надеялись уничтожить бедность, внести новый порядок в социальное устройство общества, укрепить экономическое состояние народа, сделать много добра бедным людям. Добровольными жертвами, милостыней всех не насытишь. Философский камень избавит человечество от страданий, голода, от болезней, сделает его богатым и могущественным

Иван Петрович Тургенев, например, очень надеялся на отыскание камня мудрых. Орден, принявший и охраняющий таинство таинств, думал он, сумеет дать каждому своему сочлену средство против скудости и болезней, против несносной бедности. Но этого счастья будет достоин не каждый. Учение масонства состоит в отыскании великого таинства, однако получит его лишь тот, кто сумеет через исправление своего нравственного характера соделаться столь совершенным, сколь человеку быть возможно. И лишь такой человек удостоится познать тайну ордена.

Масоны не делали секрета из своих надежд и способов. О них писалось в книгах — тех, что были названы Екатериной исполненными «странными мудрованиями, или, лучше сказать, сущими заблуждениями», и запрещены к продаже и распространению.

Одна из таких книг — «Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть важного содержания» — была переведена с немецкого Петровым, и в 1783 году ее дважды напечатал Новиков в типографиях Лопухина и в университетской. Сатирой в этой повести не пахло, аллегорий же было множество. Читателю объясняли, как важно уметь переделать свою природу и возродиться духом для жизни на пользу человечеству.

Пример тому подавал изображенный в повести король и государь Гемонских и Скардских гор Хризомандер Он мог бы превращать все простые вещи при своем дворе в золото и отказался это делать: золото ему не надобно. Однако умение его полезно другим.

— Много есть бедных и несчастных, — говорит Хризоман-

дер, — которым малая частица желтой сей земли при умеренности их доставила бы великую выгоду. К чему такое безумие?

Хризомандер становится хранителем всех земных сокровищ Намереваясь облегчить жизнь своих подданных, он решил было освободить их на десять лет от всех податей. Государь щедр, но неблагоразумен, и первосвященник Гиперион его останавливает. Так делать нельзя: если исчезнут у людей заботы, они привыкнут к лености и праздности, а в них начало многих пороков. Но сократить подати на треть или вполовину можно. А случаи показать щедрость себя ждать не заставят. Ведь почти каждый год какая-то из провинций государства подвергается «жестоким несчастным приключениям», например неурожаям, и обитателям пострадавших местностей надо помогать.

То, что советует Гиперион государю Хризомандеру, представляет собой как бы пункт масонской экономической программы, которой нельзя отказать ни в человеколюбии, ни в практической сметке.

— Старайся о том, — учил Гиперион, — чтобы обработаны были пустые поля, высушены гнилые болота и сделаны плодоносными; раздели их потом по бедным или по утесняемым иностранным подданным. Заведи большое количество хлебных магазинов; наполняй их в благословенные годы, а во время голода разделяй паки по неимущим.

Как видим, в голодный год Новиков исполнял именно эти советы: раздавал хлеб, заводил магазины, ввел общественную запашку земель. Оказалось, что «бредоумствования» масонов вовсе не так далеки от жизни, как думала Екатерина *.

Истинным бедствием для русского крестьянства были постоянные неурожаи. Голодовки возникали то тут, то там, но год 1786 оказался очень тяжелым для всех внутренних губерний России В Москве четверть ржи в январе стоила два рубля двадцать копеек, в июне — три, а в декабре — четыре рубля. Правительство запретило вывоз ржи и ржаной муки за границу, однако помещичьи запасы не облегчали народных страданий.

В следующем, 1787 году неурожай был повсеместным и в России и на Украине. И произошло это в юбилейный год, когда праздновалось двадцатипятилетие счастливого царствования Екатерины II. Четверть ржи в московских лавках поднялась до восьми рублей. Да что рожь — лебеда продавалась по четыре рубля за четверть!

---

* Ю М Лотман, «Сочувственник» А Н. Радищева А М Кутузов и его письма к И П. Тургеневу. «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 139. Тарту, 1963, стр 290 и сл.

Крестьяне ели солому, листья, мякину, толченое сено

В Петербурге по именному указу была собрана Хлебная комиссия. Открыли запасной хлебный магазин для продажи населению, но его содержимого хватило лишь на два дня Оберпровиантмейстер Маврин продал казенный хлеб поставщикам, положив в карман изрядный процент. О воровстве Маврина писали своим государям иностранные послы, плутовство его раскрылось, однако царица не наказала грабителя.

С первыми известиями о неурожае Новиков отправился в Авдотьино У крестьян не было ни хлеба, ни корма для скота. Первым долгом он роздал своим крестьянам хлеб и часть его уделил соседним мужикам, приходившим за помощью Потом, собрав наличные деньги — их нашлось не более трех тысяч рублей, остальные были вложены в дело, — Новиков купил хлеба, чтобы кормить народ.

Потрясенный картинами голода и вымирания крестьян, Новиков, возвратившись в Москву, рассказывал о виденном в таких сильных и живых выражениях, что заставил друзей содрогнуться от ужаса. Среди слушавших его был Григорий Максимович Походяшин, сын богатейшего уральского заводчика, почитавший Новикова образцом человеколюбия и доброты Через несколько дней он приехал к Новикову и предложил ему десять тысяч рублей на покупку хлеба, обязав не называть его имени и распоряжаться единолично

Новиков снова поехал в деревню и купил крестьянам ржи для прокормления и на семена. Походяшин вскоре передал Новикову новую сумму денег, затем еще, а всего до пятидесяти тысяч рублей.

Хлеб выдавался при свидетелях и с расписками, взаймы до следующей осени, чтобы вернули деньгами или хлебом Новиковской помощью было охвачено до ста селений государственных и помещичьих крестьян. Благодаря ей вся окружность в тот несчастный год прокормилась, и весною поля были засеяны

Долги возвращались туго, осенью вернула ссуды едва ли третья часть мужиков. Новиков сообщил о том Походяшину, но щедрый богач не огорчился и посоветовал хлеб ссыпать в особый магазин, на случай, если недород, — в запасном магазине всегда хранились с тех пор хлебные запасы на пять-десять тысяч рублей. Кто не мог возвратить долг, приходил его отрабатывать, расчищать заброшенные поля, распахивать целину. Сбор хлеба в Авдотьине возрос и каждогодно увеличивался.

Правительство отступило перед голодом. На спасение под-

московного народа пришел Новиков, накормил и дал семян засеять поля.

Екатерина восприняла поступок московского издателя как вызов. Частный человек осмелился находить ее распоряжения недостаточными и поправил императрицу! Кстати, откуда же у него деньги? Может быть, он вместе с книгами печатает фальшивые ассигнации или в самом деле научился варить золото? Во всяком случае, верно то, что Новиков обирает богатых людей, выманивает у них тысячи. И это вздор, что он бескорыстно помогает бедным. Расчеты его коварны, пусть конечный замысел и не открыт. Впрочем, не думает ли он освободить русский престол для более удобного ему государя, например для великого князя Павла Петровича? Что-то слышно о поездках масонов к цесаревичу...

Так или иначе, надобно с Новиковым кончать.

Летом 1787 года Екатерина подписала указ «о запрещении в продажу всех книг, до святости касающихся, кои не в синодальной типографии печатаются». В книжных лавках Москвы произвели обыск. Духовные цензоры нашли триста тридцать книг, подпадавших под этот указ. Более половины их вышло из типографий Новикова, университетской и компанейской. Книги отобрали и сожгли.

Подходил к концу срок аренды. Екатерина заранее предупредила кураторов Московского университета, чтобы они типографию Новикову не отдавали. Он и сам понимал, что договор возобновлен не будет.

Непрерывные преследования утомили Новикова. Здоровье его ухудшилось. Он переселился в Авдотьино и почти не выезжал оттуда. Хворала и Александра Егоровна. Доктора называли болезнь чахоткой и лечить ее не умели. Больная угасала.

Дела компании покатились под гору. Был продан дом у Меньшиковой башни, но долги возрастали.

Университетская типография и «Московские ведомости» с 1 мая 1789 года достались на торгах купцу Слепушкину. Он сдал их в аренду отставному подпоручику Окорокову.

Десять лет расцвета русского книгопечатания кончились.

Всего лишен, что льстить могло на свете мне,
Зрю пленником себя в родительской стране,
Все то сношу, на казнь без трепета взираю
И двери вечности бесстрашно отпираю.

А. Сумароков

1

При дворе восхищались дальновидностью императрицы: отобрала у Новикова университетскую типографию, и как в воду глядела — ведь в Париже революция, долго ль до беды и у нас! А теперь Новиков лишен способа рассевать якобинский фанатизм — печатать книги ему запрещено.

Это было, конечно, не совсем так, но у страха глаза велики.

14 июля 1789 года вооруженные парижане разбили политическую тюрьму Франции — Бастилию. Так началась Великая буржуазная французская революция, и вести, прилетевшие в Россию, необычайно встревожили Екатерину II. Память о Пугачеве прочно держалась и в народе и среди дворянства. Новая угроза крестьянской войны заставляла русских помещиков содрогаться от ужаса.

В мае 1790 года вышла в свет великая книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Автор сначала предложил свою рукопись владельцу московской типографии Селивановскому, но тот, просмотрев ее, побоялся печатать. То-

гда Радищев приобрел в долг типографский станок и шрифт у издателя Шнора и устроил типографию у себя в доме. Набирал «Путешествие» надсмотрщик петербургской таможни Богомолов, печатали крепостные люди Радищева.

Довольно скоро, в половине июня, «Путешествие» очутилось в руках императрицы. Прочитав тридцать страниц, она сказала секретарю Храповицкому:

— Тут рассевание заразы французской; отвращение от начальства; автор мартинист.

Храповицкий поспешил занести эти слова в свой дневник.

Екатерина продолжала читать «Путешествие», делая пометки в тексте и записывая отдельные замечания. В листках ее против 88-й страницы появляется фамилия Радищева. Страницы 92—97 привели императрицу к заключению, что автор «исповедует мартинистов учение и прочих теософов». Екатерина поняла: «сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почитание, тут жадно прицепляется с редкою смелостью». Ода «Вольность» — «совершенно и явно бунтовская, где царям грозится плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы криминального намерения, совершенно бунтовские». Прочитав «Путешествие», императрица сказала: «Он бунтовщик хуже Пугачева».

Сенат приговорил Радищева к смертной казни. Екатерине было выгодно показать милосердие. Она сослала писателя в Сибирь.

Новиков чувствовал, что петля вокруг него стягивается. Здоровье не обещало поправки. Болезненные припадки учащались.

В апреле 1791 года умерла Александра Егоровна. Новиков был очень плох, и друзья опасались, что и его конец близок.

Жизнь компании приостановилась. Слухи перестали ползти. Заподозрив неладное, Екатерина послала в Москву графа Безбородко и опытного полицейского чиновника Архарова посмотреть, как ведут себя масоны, не замышляют ли в тишине какого злодейства.

Безбородко ничего не обнаружил, а вернее, не пожелал искать, сказавши позднее, что считал преследование Новикова и масонов актом, не соответствующим величию царствования.

Новиков не покидал Авдотьина. Без него Типографическая компания разваливалась. Денежные обороты весьма сократились, обступали долги. Надобно было расплатиться с кредиторами и объявить о том, что компания уничтожается.

Пайщики не надеялись продать имущество компании — книги, типографию, аптеку — и потому не торопились объявить в газете о ликвидации дел. В самую трудную минуту

выручил Григорий Максимович Походяшин. Он задумал продать свои уральские заводы и вырученной суммой поддержать компанию, но при этом поставил условие, что будет вести дело только с Новиковым — ему он доверял безгранично — и что свое участие сохранит в тайне. Новиков согласился. Он понимал, что получил единственную возможность спасти то дело, которому была отдана жизнь. А для того чтобы выполнить требование Походяшина, ему следовало сделаться единоличным владельцем всего имущества компании. Только в этом случае Походяшин соглашался прийти на помощь.

Выход наметился. В ноябре 1791 года члены Типографической компании собрались и, выслушав предложения Новикова, постановили по причине тяжелых экономических обстоятельств компанию разрушить, о чем составить акт. Имущество — дом у Никольских ворот, гендриковский дом, напечатанные книги, компанейская типография, Спасская аптека — переходили к Новикову, а он выдал от своего имени векселя каждому пайщику соответственно внесенному тем вкладу. Все долги компании Новиков взял на себя, надеясь, что сможет еще встать на ноги и возобновить издательство.

В этом году Типографическая компания выпустила только восемь книг. В следующем и того меньше: три...

Времена изменились.

Политические события, по мнению Екатерины, требовали ее вмешательства. Императрица задумала военный поход на революционную Францию и привлекла к нему Австрию, Швецию и Пруссию. Русский посол был отозван из Парижа.

Однако война не состоялась. Внезапно 1 марта 1792 года умер австрийский император Леопольд II — считали, что он отравлен, — а через две недели был убит другой участник коалиции, шведский король Густав III. Екатерина перепугалась — неужели следующий жребий выпадал ей?

Убийцами называли французских якобинцев, будто бы составивших заговор против всех европейских монархов. В Петербурге разыскивали некоего Бассевиля — прусский посланник сообщил, что этот француз едет прикончить Екатерину. Могут укрыть его и масоны — чай, одного поля ягоды...

Екатерина призвала петербургского обер-полицмейстера Рылеева, сказала ему, что во Франции объявилась партия якобинцев в красных колпаках, и потребовала, чтобы полиция зорко смотрела, нет ли таких людей в столице.

Рылеев, человек старательный и недалекий, буквально понял предупреждение государыни и принялся за поиски. Однажды ехал он по Адмиралтейской площади и увидел в окне

барского дома фигуру в халате и — вот ужас! — красном колпаке.

— Стой! — крикнул он кучеру и соскочил с дрожек.

Слуга провел его в гостиную. Барин в красном колпаке стоял у окна.

— Одевайтесь, — приказал Рылеев. — По именному повелению следуйте со мной во дворец.

Через полчаса Рылеев доставил арестованного в кабинет Екатерины.

Императрица сразу узнала его. Это был французский генерал, состоявший на русской службе. По преклонности лет он вышел в отставку и целые дни проводил, разглядывая прохожих.

Рылеев доложил государыне о красном колпаке и ждал благодарности. Екатерина наградила его уничтожающим взглядом — позже этот взгляд овеществился в служебном выговоре — и осведомилась у генерала, какую пенсию он получает.

— Две тысячи рублей, — ответил тот, не понимая смысла своего приключения.

— Я призвала вас затем, чтобы поздравить: пенсион ваш увеличен вдвое — с двух до четырех тысяч. Мы умеем ценить заслуги.

Она ласково улыбалась, протягивая генералу руку.

Герцен писал о Екатерине:

«Со всяким днем пудра и блестки, румяна и мишура, Вольтер, Наказ и прочие драпри, покрывавшие матушку-императрицу, падают больше и больше, и седая развратница является в своем дворце «вольного обращения» в истинном виде. Между «фонариком» и Эрмитажем разыгрывались сцены, достойные Шекспира, Тацита и Баркова. Двор — Россия жила тогда двором — был постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без плана. У каждой партии вместо знамени гвардейский гладиатор, которого седые министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую порфирой Мономаха. Потемкин, Орловы, Панин — каждый имеет запас кандидатов, за ними посылают в случае надобности курьеров в действующую армию. Особая статс-дама испытывает их. Удостоенного водворяют во дворце (в комнатах предшественника, которому дают отступной тысяч пять крестьян в крепость), покрывают брильянтами (пуговицы Ланского стоили 8 тысяч серебром), звездами, лентами, и сама императрица везет его показывать в оперу; публика, предупрежденная, ломится в театр и втридорога платит, чтобы посмотреть нового наложника».

Конечно, в атмосфере упадка нравов, пример которого по-

давала сама императрица, в угаре административного произвола, на фоне общего стремления к власти, богатству, чинам серьезные, углубленные в себя масоны производили странное и неприятное впечатление, возбуждали боязнь: не замышляют ли они что-то вредное для царицы и ее приближенных? Почему они живут не так, как их собратья по службе, зачем много читают и о чем говорят, собираясь в таинственных ложах?

Московский генерал-губернатор князь Александр Александрович Прозоровский, сменивший на этом посту графа Якова Брюса, был человек, желавший отличиться, но глупый и необразованный.

Когда весть о том, что Прозоровский получил назначение в Москву, дошла до Потемкина, стоявшего с армией на юге, он полусерьезно предупредил в письме Екатерину:

— Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая непременно будет стрелять в вашу цель, потому что своей не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества.

Князю Прозоровскому 13 апреля 1792 года был послан из Петербурга именной указ. Появилась-де в продаже книга, напечатанная церковными литерами, а в ней раскольнические сочинения, православной церкви противные, а нашему государству поносительные, как история мнимых страдальцев соловецких и повесть о протопопе Аввакуме. Вероятно, печатал книгу Николай Новиков, который, как слышно, сверх известной своей в Москве типографии завел и тайную у себя в деревне. Надобно избрать верных, исправных и надежных людей и у Новикова везде прилежно обыскать, не найдется ли у него та книга или церковный шрифт. А как он, Новиков, есть человек, не стяжавший никакого имения, то откуда он приобрел знатные здания и заведения и может ли свое бескорыстие оправдать? Ведь ныне он почитается в числе весьма достаточных людей!

Прозоровский поспешил исполнить приказанное. Искомой книги в продаже не нашлось, но был куплен экземпляр другой, ранее запрещенной. Стало быть, Новиков ее перепечатал? За такое преступление будет отвечать. Однако Прозоровский отложил арест, потому что наступило 21 апреля, день рождения императрицы.

Вечером в генерал-губернаторский дом на бал съехались важные гости. Слух о провинностях Новикова пробежал по залу, и потом говорили, что князь Николай Васильевич Репин побледнел и пал духом. Его масонские связи были известны, он опасался неприятностей и для себя.

Обер-полицмейстер, прокурор, частные приставы обыскали

типографию компании в гендриковском доме и книжные лавки по всему городу. Запрещенные в свое время книги нашлись. Лавки были запечатаны, книгопродавцев арестовали. На допросах приказчик Новикова Кольчугин признался, что в Гостином дворе и на суконной фабрике, где был старый монетный кадашевский двор, хранятся запрещенные книги тысяч на пять рублей.

Полицейские в гендриковском доме осмотрели две библиотеки — книги старинных авторов и на разных диалектах. А библиотеки принадлежат Новикову — одна осталась от профессора Шварца. Запросили государыню, что с теми книгами делать.

В Авдотьино отправился советник уголовной палаты Дмитрий Олсуфьев с чиновниками. Новиков был нездоров. Когда он узнал, с чем пожаловали, с ним приключился обморок.

Олсуфьев выразил соболезнование и приступил к обыску. Книги и бумаги хозяина стаскивали в карету. Чиновники открывали шкафы и комоды, выдвигали ящики, копались в перинах. Потом обошли сад, смотрели конюшню и сеновал, на заднем дворе копали землю — не спрятаны ли где славянские литеры?

Новиков лежал в своем кабинете, и обморочное состояние сменилось забытьем. Доктор Багрянский был при нем неотлучно.

Под утро в кабинет Новикова постучали.

Багрянский на носках подошел к двери и открыл ее. Перед ним стоял Олсуфьев в накинутом на плечи овчинном тулупе.

— Николай Иванович спит, — сказал шепотом Багрянский.

— Ничего, — тихо сказал Олсуфьев. — Я хотел проститься. Мы уезжаем в Москву. Я буду докладывать князю, что запрещенных книг не нашли, пусть Николай Иванович не беспокоится.

— Да что тут, — хмуро сказал Багрянский. — За ним грехов нет, разве что за чужую вину пострадает.

— В уважение к недугу, — продолжал Олсуфьев, — я больного князю не повезу, пусть поправляется. А для порядку в доме останутся полицейские, и вы им уходить не приказывайте.

— Где уж... — сказал Багрянский, прикрывая дверь. — Мое почтение.

— Кто там? — спросил Новиков слабым голосом.

— Спите, Николай Иванович, — строго сказал Багрянский. — Это так, люди о вашем здоровье спрашивали.

Возвратившись в Москву, Олсуфьев остановил кибитку

у Петровского дворца, где обитал генерал-губернатор, велел чиновникам книги и письма нести в сени и побежал с докладом.

Князь Прозоровский слушал его небрежно, пропуская мимо ушей подробности. Было ясно, что подчиненный пробует себя оправдать.

— Да где он? — спросил князь, прерывая речь Олсуфьева.

— Кто?

— За кем вы посыланы были. Государственный преступник, что слывет Новиковым.

— Николай Иванович Новиков болен, и ехать ему не способно, — заробев, сказал Олсуфьев. — А при нем состоит городничий с хожалыми.

— А-а-а! — закричал Прозоровский. — Упустили злодея! Он вас вокруг пальцев обвел, прикинулся больным и на вас туману напустил, отвел вам глаза — они это умеют. Злейший масон оставлен на воле! Он теперь Москву подожжет, а я отвечай перед государыней! Скачите за ним тотчас же. Или нет, вас опять обманут. Тут дельный человек надобен. Ступайте к себе, с вами займемся после.

Оставшись один, Прозоровский перебрал в памяти верных людей, шепча фамилии бескровными губами. Наконец он щелкнул пальцами и подошел к письменному столу. Выбирая очиненное перо, пробовал на пальце расщеп — слишком мягкое могло поставить кляксу. Но вспомнил, что писать не государыне, где за почерком надо следить, с маху нацарапал записку и захлопал в ладоши.

— Дежурного офицера, — сказал он вошедшему лакею.

Офицер явился, выслушал приказание, уехал и через час ввел в кабинет князя гусарского майора.

— Здравствуйте, князь Жевахов, — сказал ему Прозоровский. — И простите, что потревожил в неуказное время. Но дело самонужнейшее, государственное и отлагательства не терпит. Ведомо ли вам, кто есть розенкрейцеры?

— Никак нет, ваше сиятельство, — зычно, как на смотру, рявкнул Жевахов.

— А кто такие масоны, знаете?

— Такие в гусарских эскадронах не служат, ваше сиятельство. Это кто мяса не ест, книги читает и баб не щупает, — отрапортовал Жевахов.

Прозоровский осклабился.

— Не то вы говорите, да, впрочем, оно даже и лучше, что так. А масоны, сударь, хуже раскольников, и в Москве они печатают книги, наполненные дерзкими искажениями, благочестивой нашей церкви противными и государственному прав-

лению поносительными. Государыня императрица их трактовать изволит злодеями.

— Так точно, ваше сиятельство! — радостно крикнул гусар.

— А опаснейший русского народа враг и соблазнитель — Николай Иванович Новиков. Знаете такого?

— Никак нет, ваше сиятельство! — еще радостнее откликнулся Жевахов.

— Подойдите ближе, — сказал Прозоровский.

Он долго объяснял Жевахову задачу и отпустил майора только поздно вечером, наказав пускаться в путь, как соберет он команду.

На следующий день авдотьинские крестьяне с тревогой увидели гусар, строем по три бойко рысивших к новиковской усадьбе. Впереди ехали офицеры, и старший из них, с черными усами, обнаженным клинком показывал на мост через реку и ближний лесок... Тотчас двое гусар поскакали к мосту и спешились.

— За барином приехали, — сказал один из мужиков.

— За ним, сердечным, — согласился другой. — Теперь ужо будет ему за фальшивую монету.

— А как же, — сказал третий. — Хоть ты и кормишь народ, а сполнять надо все по закону. А то я червонцы стану делать, ты червонцы — куда же это годится?

Команда остановилась у дома помещика. Майор Жевахов спрыгнул с коня, передал поводья коноводу и вступил на крыльцо. Из окон глядели испуганные лица домашних Новикова.

Жевахова встретил доктор Багрянский.

— Что вам угодно, господин офицер? — спросил он.

— По указу ее императорского величества, — гулко крикнул Жевахов, отстраняя рукой Багрянского. — Куда идти?

— Больной наверху, — ответил доктор, — его нельзя трогать, у него спазм.

В дом, гремя саблями, вошли подпоручик и шестеро гусар. За дверью в столовую раздался отчаянный детский плач, безудержно рыдали взрослые обитатели усадьбы.

— Прикажи заложить барскую кибитку, — бросил майор Багрянскому, поднимаясь во второй этаж. — Подпоручик, сюда!

Через несколько минут гусары снесли Новикова вниз и усадили в кресло.

— Лошади готовы, — сказал возвратившийся Багрянский. — Как вам не стыдно мучить больного человека? — закричал он Жевахову, увидев своего пациента.

— Офицер не виноват, — тихо сказал Новиков, приоткрывая глаза. — Это воля государыни...

Жевахов оглядел Новикова. Он в самом деле был очень плох.

— Если вы доктор — поедем, — приказал он Багрянскому.

Гусары подняли кресло с Новиковым и пошли к выходу.

В доме услышали прощальный звон бубенцов.

После отъезда команды Жевахова дети Новикова, напуганные арестом отца, забились в припадке. У них открылась эпилепсия.

Кибитка с конвоем летела в Москву.

Перепрыгивая через ступеньки, Жевахов взбежал по лестнице в кабинет князя и отдал рапорт:

— Честь имею доложить, ваше сиятельство, со вверенной мне командой издателя Новикова доставил!

— Спасибо, братец, — ответил Прозоровский. — Рук ему не вяжите, авось не бросится сразу. И ведите наверх.

Прозоровский ужасно боялся Новикова. Он так ликовал, заполучив пленника, что после Кирилл Разумовский сказал:

— Вот расхвастался, будто город захватил! Старичонку, скорченного геморроидами, взял под караул; да одного бы десятского или будочника за ним послать, так и притащил бы его!..

Когда Новикова втолкнули в кабинет, Прозоровский сидел за столом и перелистывал бумаги. Поодаль за конторкой писал секретарь. На стук двери он поднял голову и при свете оплывающих свечей с любопытством оглядел вошедшего.

Новиков молча смотрел на князя. Его била мелкая дрожь, по лицу катились капли холодного пота. Он был измучен дорогой и усилием воли заставлял себя держаться на ногах.

— Кто таков? — наконец спросил Прозоровский.

Новиков назвал себя. Голос плохо ему повиновался.

— Не слышу. Громче говорите! — приказал князь.

Новиков повторил сказанное.

— О вас мне пишет ее величество, и я обязан ответствовать незамедлительно о ваших злонамеренных поступках. Извольте отвечать, — Прозоровский снова посмотрел в бумаги, — как вы приобрели ваше состояние, не стяжавши ни по рождению, ни по наследству, ниже другими законными средствами никакого имения?

— Это не так, ваше сиятельство, — ответил Новиков. — После отца у нас с братом было наследственное имение в Мещовском уезде, которое продали мы за восемнадцать или за двадцать тысяч, сейчас не упомню, и эти деньги обращены на

типографию. От нее через пять лет имел я капиталу в книгах до полутораста тысяч рублей. А вторые пять лет содержал типографию с компанией, и каждый член внес свои деньги.

— Найдены мною в лавках ваших и в других местах запрещенные государыней книги. Для чего вы продавали оные в противность высочайшего указа и своим подпискам?

Новиков ждал этого вопроса и не думал оправдываться. Он преступил запрет, потому что нашел его несправедливым, книги были хорошие.

— Книги эти печатаны до запрета, и я отдал своему приказчику московскому купцу Кольчугину для продажи, в чем вину признаю

— Какой же предмет был печатать вам книги, большей частью толкующие священное писание, кои печатать должно от Синода? А в ваших книгах много противного богословию толкуется.

На этот вопрос отвечать нужно было осторожно. Со святейшим Синодом в богословские споры вступать не полагалось. Князь, очевидно, имеет в виду масонские издания? Что удалось отыскать полицейским? Впрочем, ведь если приказано, будут придираться хоть к азбуке, ищут не грех, а грешника, и он перед ними...

— Мы сначала печатали книги разные, — сказал Новиков, — а потом, приметя, что духовные книги расходятся лучше, начали их больше и печатать. Все книги прошли цензуру — прежде читали духовные чины, а после заведения вольных типографий — обер-полицмейстер и университетский цензор.

Прозоровский заглянул в указ императрицы. Как будто бы он спросил все, что требовалось, и выслушал ответы. Однако дело не получало ясности, которой ему хотелось, Новиков не винится — книги сдавал в цензуру и позже указа духовных, говорит, не печатал... Князь силился вникнуть в ответы Новикова, но чувствовал, что мысль от него ускользает.

— На сегодня будет, — сказал он. — Подпишите ваши показания... Завтра поговорим еще.

Новиков подписал, не глядя, поклонился и вышел в соседнюю комнату. Силы его оставили. Сел к столу, уронил голову.

Он пришел в себя от грубого толчка.

— Здесь спать не положено, — приговаривал князь Жевахов, дергая Новикова за плечи. — Отправляйтесь домой, а чтоб не скучали, я с вами поеду, уж очень вы мне полюбились.

Новиков, пошатываясь, встал. Жевахов, придерживая больного, свел его в сени, где ожидал Багрянский. Он дал Нови-

кову понюхать ароматическую соль и бережно усадил его в кибитку.

Жевахов кликнул своих гусар, и, окруженные конвоем, сани покатились по темным московским улицам, направляясь к гендриковскому дому.

Отпустив Новикова, Прозоровский сказал секретарю:

— Пиши донесение государыне. Так, мол, и так, согласно воле вашего императорского величества... Написал? Новиков к вечеру ко мне доставлен, и я его вопрошал, где он приобрел имения. Таковового коварного и лукавого человека я, всемилостивейшая государыня, мало видал; а к тому же человек натуры острой, догадливой, и характер смелый и дерзкий, хотя видно, что он робеет, но не замешивается; весь его предмет только в том, чтобы закрыть преступления ..

Секретарь скоро-скоро скрипел пером.

— .. Преступления, — повторил он.

— Притворяется, что он опасен в жизни, и Олсуфьева уверил, чтоб его исповедать и причастить. А майор Жевахов сказывает, что все падал в обморок, а у меня при допросе начал притворяться, будто в изнеможение приходит. Но я ему сказал, что сие излишне.

Секретарь вспомнил, каким бледным и слабым выглядел Новиков во время допроса.

— .. Сие излишне, — пробормотал он.

— Тут теперь самое главное, — сказал Прозоровский — Я тебе мысль кину, а ты уж ее запиши, чтоб проняло. Дескать, настолько хитер и зол, что я один его открыть не могу. Надо с ним сидеть по целому дню — слово прошепчет, жди следующего. А у меня вся Москва на руках. Понял? Словом, кроме тайного советника Шешковского, правды от Новикова никому не сведать, да и ему довольно потрудиться придется, но в тайной экспедиции умеют заставить говорить правду, какая требуется Понял? Потом напиши, что посадил в собственном его доме под стражу и смотрит за ним князь Жевахов, коего как отличного офицера осмеливаюсь аттестовать и прочее... Все успел схватить? Тогда перепиши чистенько и принеси, да распорядись курьером в Петербург.

2

Екатерина одобрила распоряжения Прозоровского, но повелела ему выяснить, как и почему Новиков осмелился торговать запрещенными книгами?

«Вам известно, — писала она, — что Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав

такой всему вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству. Но слух давно носится, что сей Новиков и его товарищи делали это отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти, уловляя пронырством своим и ложною как бы набожностью слабодушных людей, корыстовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может».

Императрица приказала Прозоровскому еще раз хорошенько допросить Новикова, как он служил и каким обладал имуществом, а после предать суду, набрав для вынесения приговора надежных верноподданных, чтобы, не дай бог, какой поблажки преступнику не учинили.

Но московский генерал-губернатор, напуганный сложностью дела и мнимыми тайнами масонов, побоялся предать Новикова гласному законному суду, и Екатерина согласилась со своим осторожным слугою.

Новикова, как человека коварного, который хитро старается скрыть порочные свои деяния и тем наводит затруднения и отвлекает генерал-губернатора от прочих его обязанностей, предписала она отослать в Шлиссельбургскую крепость. Под боком от столицы ей будет удобнее смотреть за ходом следствия, а начальник тайной экспедиции Степан Иванович Шешковский сумеет допросить арестованного и выведет его на чистую воду.

Везти же такого злодея, как Новиков, надобно с умом, не по торной дороге из Москвы в Петербург, а стороною — на Владимир, потом на Ярославль, на Тихвин и оттуда в Шлиссельбург, чтобы никто его видеть не мог, и остерегаться, как бы он себя не повредил. От Новикова столько еще нужно было узнать императрице-следователю!

Отправляя Новикова, Прозоровский письмом предупреждал Шешковского, что с этой птицей будет ему не без труда — лукав, мол, до бесконечности, бессовестен, смел и дерзок... Видно по бумагам, к чему клонились масоны — к благополучию людей, то есть равенству. Для Прозоровского, как и для его петербургских коллег, равенство было самой страшной угрозой: от этого понятия веяло французской революцией и ниспровержением монархии. А тут еще переписка с чужестранными ложами, с герцогом Брауншвейгским...

Прочитав перебеленное секретарем письмо, князь приписал:

«Заметить я вам должен злых его товарищей:

Иван Лопухин.

Брат его, Петр, прост и не значит ничего, но фанатик.

Иван Тургенев.

Михаил Херасков.

Кутузов, в Берлине.

Князь Николай Трубецкой, этот между ими велик; но сей испугался и плачет.

Профессор Чеботарев.

Брат Новикова, и лих и фанатик.

Князь Юрья Трубецкой, глуп и ничего не значит.

Поздеев.

Татищев, глуп и фанатик.

Из духовного чину:

священник Малиновский, многих, а особливо женщин, духовник; надо сведать от Новикова, кто есть еще из духовного звания...»

Дело московских масонов весьма волновало императрицу, и она взяла на себя руководство следствием. Екатерина была уверена, что Новиков с братией задался целью свергнуть ее с престола и посадить на трон цесаревича Павла, а для этого пользовался помощью немецких государей — герцога Брауншвейгского и принца Гессен-Кассельского, с которыми состоял в переписке якобы по масонским делам.

Студенты, командированные компанией для заграничной учебы, в ее глазах были агентами Новикова, от которых необходимо было выпытать, какие поручения они имели в сношениях с немецкими тайными обществами.

Для Шешковского Екатерина собственноручно составила перечень вопросов, которые ему надлежало выяснить у Новикова. Средства добывания истины не оговаривались, о запрещении пытки не упоминалось.

Екатерина была, как она говорила, против пытки. Но пытку не запрещала, особливо в делах политических.

И в ходе следствия подозреваемых пытали.

Однако не как придется, а по наставлению. Человека ставят под дыбу. Руки назад, в шерстяной хомут, длинная веревка через перекладину. Палач тянет, руки выворачиваются, человек повисает. Палач бьет кнутом. Судейские допрашивают, записывая ответы.

Когда истины показано не будет, снимают с дыбы, вправляют руки и опять подвешивают, для того, что через то боль бывает сильнее.

Ежели человек запирается, а изобличен во многих злодействах — можно применить железные тиски для рук и ног. Или наложить на голову веревку, просунуть палку и вертеть ее, сокращая веревочный обруч, отчего пытаемый изумленным бывает. Или простричь на голове волосы и на то место лить по капле холодную воду, отчего также в изумление приходят. Впрочем, Гоголь рассказывал, что таким методом лечили в су-

масшедшем доме Авксентия Ивановича Поприщина, и это средство отчасти принадлежало медицине XIX столетия. В XVIII же оно шло по разряду пыток... А пока человек висит на дыбе, можно водить по его спине зажженным веником — средства-то все подручные, недорогие. Бывает, приходится извести веника три-четыре...

Перед Шешковским лежала записка Екатерины, и он, сверяясь с бумагой, начал допрос.

Императрицу интересовали имена участников и последователей братства, обряды приема, присяга масонов, а главное, сношения с иностранцами.

— Какой причины ради они входили в переписку с прусским министром Вельнером?

— Переписка с принцем Карлом Гессен-Кассельским по какой была причине и какие он им дал советы?

— Какое употребление сделано из предписаний, данных Вельнером касательно великого князя, или какое употребление сделать они хотели?

— За что и по какому закону Новиков и Лопухин с людей присягу берут?

Новиков никого старался не впутывать, отговаривался запамятованием.

Самым главным для Екатерины был двадцать первый вопросный пункт. Ответ на него был изъят из дела и хранился особо: речь ведь шла о наследнике престола Павле Петровиче, которого масоны якобы мечтали уловить в свои сети.

Вопрос двадцать первый гласил:

— Взятая в письмах твоих бумага, которая тебе показывана, чьею рукою писана и на какой конец оная сохранялась у тебя?

Новиков отвечал подробно, наперед изобразив сокрушение свое и раскаяние в том, что вовремя о бумаге этой правительству не донес. Дело же заключалось в следующем.

Архитектор Баженов, масон и приятель Новикова, в конце 1775 или в начале 1776 года собирался побывать у «особы», упомянутой в бумаге: имя этой особы во время следствия не было названо ни разу, а звали ее Павлом Петровичем, наследником цесаревичем. Это сын императрицы, которого она опасалась пуще всего на свете, ибо ни делиться с ним властью, ни передавать ее законному взрослому наследнику не хотела.

— Особа ко мне давно милостива, — сказал Баженов Новикову, — а ведь она и тебя изволит знать. Так не пошлете ли каких книжек? Слышно, что для той особы искали в книжных лавках новый перевод книги Арндта «О истинном христианстве».

— Особа знает меня, — ответил Новиков, — только потому, что я раза два или три подносил ей книги. Не думаю, чтобы она меня помнила. Однако мы посоветуемся со старшими братьями, и как решим, посылать или нет, я тебе потом скажу.

Возвратившись, Баженов записал свой разговор с Павлом и передал бумагу Новикову. Тот прочитал ее вместе с Гамалеей, оба испугались содержания разговора, и Новиков, обязанный показать записку Баженова Трубецкому, переписал ее, возможно смягчив и выбросив все, что показалось ему невероятным. Он уверял следователей, что сказанное в бумаге не имело никакого отношения к связям с немецкими масонами — принцем Гессен-Кассельским и герцогом Брауншвейгским и что московские братья поползновения к умыслу или беспокойству и смятению не имели.

Более чем через десять лет, в 1787 или 1788 году, Баженов снова был у Павла Петровича, передал ему от Новикова несколько духовных книг, принятых благосклонно. Павел спросил Баженова, уверен ли он, что между масонами нет ничего худого. И на заверения возразил:

— Может быть, ты просто не знаешь, а те, которые старее тебя по масонству, те знают и тебя самого обманывают. Впрочем, бог с вами. Только живите смирно.

Баженов составил записку о своем разговоре и передал ее Новикову, а в 1792 году зимою опять побывал у Павла. Книг на этот раз Новиков не посылал.

По словам Баженова, Павел принял его с великим гневом на масонов и запретил упоминать о них, сказавши так:

— Я тебя люблю как художника, а не как мартиниста; об них же слышать не хочу, и ты рта не разевай о них говорить.

Такие показания дал Новиков, прибавив в конце, что в сношениях с Павлом не было у них дурных намерений и надеялись братья только на милостивое покровительство и заступление наследника, ибо в этом весьма нуждались — их теснили со всех сторон.

Злополучную старую записку Баженова Новиков спрятал в своих бумагах, не желая, чтобы ее кто-нибудь увидал, и настолько ее ухоронил, что позже, надумав сжечь, нигде не нашел, — и об этом случае забыл.

Однако при обыске в Авдотьине чиновники уголовной палаты обнаружили записку, и ей суждено было стать видным обвинительным пунктом.

Прочитав ответы Новикова, Екатерина задала ему несколько новых вопросов, заметив, что всякое несправедливое пока-

зание умножит его несчастье. Императрица желала досконально выяснить, кому и по каким документам должна деньги Типографическая компания, почему Новиков долги компании обратил на себя, не имея средств их заплатить, и, наконец, как мог Походяшин одолжить Новикову пятьдесят тысяч рублей, не будучи подчиненным его и не состоя в масонах? Императрица не могла представить себе, что Походяшин просто пожертвовал крупную сумму на голодающих, уверенный, что Новиков сумеет ею распорядиться и поможет голодным людям. Ей мерещились какие-то коварные планы и дьявольские хитрости.

Закончив отвечать на эти вопросы Екатерины, Новиков написал:

«В бедственном, изнуренном и почти полумертвом состоянии, не имея другого случая, кроме сего, дерзаю повергнуть себя в совершенном раскаянии во всех проступках, повергая с собою и троих невинных младенцев, детей моих, к высокомонаршим стопам ее императорского величества; и вопию: о великая императрица! пощади и прости... Услыши, милосердная матерь отечества, младенцев, вопиющих к тебе: помилуй! Мы лишились матери! Ежели ты не помилуешь нас, то лишаемся и отца!»

Так просил доведенный до отчаяния болезнью и полицейским преследованием, измученный Новиков, не заметив, должно быть, что повторяет в интонации просьбы несчастного Филатки, когда-то описанного им в «Трутне».

— Помилуй, государь наш, Григорий Сидорович... Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой рады служить. Да как пришло невмочь, так ты над ними смилуйся... Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься?.. Умилосердися, государь, над бедными твоими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с ребятишками кланяется.

Помещик в ответ приказал не утруждать себя впредь пустыми челобитными.

Не прислушалась к просьбам Новикова и Екатерина.

И некому было прийти на помощь Новикову, как помог Филатке крестьянский мир...

Его даже не судили —ведь состава преступления не было!

1 августа 1792 года императрица вынесла приговор:

«Рассматривая произведенные отставному поручику Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначалия и корыстолюбия зараженных, с другой же крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей... И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы

противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками».

Эти обстоятельства перечислялись: делали тайные сборища, сносились с герцогом Брауншвейгским, принцем Гессен-Кассельским, прусским министром Вельнером, уловляли в сети известную особу — Павла Петровича, издавали непозволенные книги, употребляли обман для поколебания слабых умов.

Понимая юридическую шаткость обвинений, Екатерина бросила на весы правосудия свою оценку издателя:

«Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако же, и в сем случае, следуя сродному нам человеколюбию... повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость».

На пятнадцать лет!..

Сообщниками Новикова в указе названы князь Николай Трубецкой, Иван Лопухин, Иван Тургенев. На какой же срок заперты в тюрьму они?

А ни на какой. Им велено отправляться в дальние свои деревни и не выезжать в столицы.

Приговор показал: Екатерина преследовала журналиста и книгоиздателя Николая Новикова. Конечно, связываться с великим князем было неблагоразумно, устраивать сборища — также, но смертной казни люди, совершавшие эти поступки, еще не заслуживали.

Казнь в императорской России полагалась за любовь к просвещению, за книги, за помощь народу.

Императрица Екатерина знала, что делает, подписывая приговор Новикову.

3

Когда Новикова доставили в Шлиссельбургскую тюрьму, в ней томилось пятеро заключенных. Они состояли в разряде опаснейших и секретных государственных преступников.

Для охраны их и обороны крепости правительство держало более двухсот двадцати солдат и офицеров при семидесяти восьми пушках — гарнизонную роту во главе с капитаном, артиллерийскую и инженерную команды.

Малороссиянин Савва Сирский за делание фальшивых ассигнаций был приговорен к вечному неисходному содержанию. Унтер-шихтмейстер Кузнецов за такое же преступление был осужден в 1788 году на десять лет. Пономарев сын Григорий Зай-

цев сидел с 1784 года впредь до повеления — за буйство. В том же году был посажен Архангелогородского гарнизона беглый сержант Протопопов, приговоренный к вечному заточению за отвращение от веры и неповиновение церкви. Наконец, отставной поручик Карнович находился в Шлиссельбурге с 1788 года, и сроком ему назначили «конец русско-шведской войны» Он виноват был в продаже чужих людей, сочинении фальшивых печатей и паспортов и дерзких разглашениях.

Запутанный и длинный перечень проступков Николая Новикова в списках Шлиссельбургской крепости был заменен краткой формулировкой: содержание масонской секты и печатание касающихся до оной книг. Срок пятнадцать лет. При Новикове доктор Багрянский за перевод развращенных книг, и человек его, но за что — неизвестно. Верный слуга вместе с барином пошел в заключение Он был предан своему господину, что и не удивительно, так как этим господином был Новиков.

Пятеро старых заключенных помещались на втором этаже. Новикову с Багрянским и слугою отвели камеру номер девять в нижнем жилье, сыром и очень холодном Ту самую, где раньше держали российского императора Ивана Антоновича, пока не убили его караульные офицеры, спасая от поручика Мировича престол для Екатерины

Оконце камеры выходило на канал, окружавший тюрьму Дальше — полоска берега, Нева Пейзаж унылый, безлюдный.

Новиков смотрел на него из-за решетки. Во внутренний двор, на воздух его не выпускали Лишь накануне праздников Новикова на полчаса выводили в соседнюю камеру — там была церковь.

В августе 1794 года комендант Шлиссельбургской крепости полковник Колюбакин обратился к генерал-прокурору А Н. Самойлову с просьбой о снисхождении к Новикову. В свое время Шешковский, привезя Новикова в крепость, назначил выдавать на пропитание ему и находящимся с ним доктору Багрянскому и слуге рубль в день, а если Новиков заболеет, то доставлять прописанные доктором лекарства. Однако, писал комендант, «что как всему уже обществу ощутительна есть во всем дороговизна, то сколько бы я ни старался в удовлетворении сих людей в безбедном их содержании, но оное определенное им число к содержанию их нахожу весьма недостаточным».

Некоторой поблажки просил комендант доктору Багрянскому — разрешения брить ему бороду и прогуливаться «для сохранения жизни под моим присмотром внутри крепости». О прогулках Новикова не могло быть и речи

Через два с лишним месяца Самойлов послал чиновника

Тайной экспедиции коллежского советника Макарова проверить просьбу коменданта Колюбакина и осмотреть заключенных лично. Макаров 14 октября донес генерал-прокурору о своей поездке в Шлиссельбург и о том, что «содержание секретным арестантам чинится со всевозможной осторожностью и к утечке или другим каким неприятным случаям сумления никакого нет; положенное же число для продовольствия их денег все получают и тем довольны, исключая Новикова, который произносил просьбу о недостатках в рассуждении нынешней во всем дороговизны».

Приезд Макарова взбудоражил узников Шлиссельбургской тюрьмы. Возникли надежды на смягчение участи, на какие-то льготы. Столько страдали — никто не проведывал, а тут чиновник пожаловал, комендант водил его по всем камерам Не иначе, будет перемена в их злосчастной судьбе!

Новиков попросил бумаги, чернил, перьев и составил записку о своих нуждах: дороги съестные припасы, в белье, платье и обуви он с доктором, и наипаче слуга, при них находящийся, крайнюю претерпевают нужду и бедность. Рубль в сутки на троих... Он представил также государыне просьбу о милосердном помиловании и прощении, хоть для слез его бедных сирот-детей. «Слабость крайняя и истощенные силы не попущают меня теперь более о сем распространяться», — писал он

Екатерина не ответила на эту просьбу и ни копейки не прибавила на содержание узников. Сироты в Авдотьине продолжали ждать отца...

Через два года после посещения Макарова в октябре 1796 года генерал-прокурор Самойлов командировал в Шлиссельбургскую крепость коллежского асессора Крюкова проверить состояние заключенных. К ним прибавился Федор Кречетов, которого обвинили в создании тайного противозаконного общества и попытке выпускать журналы: «О всех и за вся», «Не все и не ничего».

Обитателей тюремных камер Крюков застал на молитве и с удивлением увидел у Зайцева на лбу шишку размером с куриное яйцо. Набил он ее, стукаясь лбом о каменный пол во время земных поклонов, чем показывал свое усердие в молитвах.

Крюков опросил заключенных и узнал, что никаких жалоб они не имеют и только просят милосердия государыни. Об этом говорили все, кроме Протопопова. Тот снисхождения никакого не просил, называл себя страдальцем за веру и по-прежнему хулил попов и архиереев, за что и сидел в крепости.

Заключенные были в лохмотьях и страдали от холода Платье, в котором их привезли, совсем изветшало, другого купить

было не на что, а казенной одежды не давали. Колюбакин сообщил петербургскому ревизору, что ему на заключенных отпускаются лишь кормовые деньги, на них еле-еле можно не помереть с голоду, а на прочие нужды средств нет.

Крюков особо отметил в рапорте положение Новикова. Он мучится болезнями, не имеет никакого пособия и снова просит государыню о милосердии. Кормовых денег им с Багрянским и слугой недостаточно.

Рапорт Крюкова имел некоторые последствия. Генерал-прокурор Самойлов запросил у коменданта Шлиссельбургской крепости сведения, какая одежда и обувь нужны заключенным и каковы рецепты лекарств, необходимых Новикову. Кормовой рацион узникам девятой камеры был увеличен: два рубля вместо одного.

Новыми благами казенного милосердия Новикову пришлось пользоваться всего лишь несколько дней: 6 ноября умерла императрица Екатерина II, место ее занял Павел Петрович, поступавший наперекор тому, что делала или думала сделать его покойная матушка. В числе прочих мер он приказал выпустить из тюрем и крепостей значившихся за Тайной экспедицией государственных преступников, вины за которыми государь не увидел.

От ссылки и тюрьмы было освобождено восемьдесят семь человек, и первыми в списке стояли имена Николая Новикова и доктора Багрянского. Их освободили 9 ноября.

Из ссылки возвращались старые товарищи Новикова по Дружескому ученому обществу — князь Трубецкой, Тургенев, Лопухин.

Под № 22 был написан Александр Радищев.

Глава IX.

АВДОТЬИНСКИЙ ЖИТЕЛЬ

Куда девались прежни силы?
Я. Княжнин

1

Верный друг Новикова Семен Иванович Гамалея рассказал о его возвращении в Авдотьино:

«Он прибыл к нам 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе... Доктор и слуга крепче его... Некоторое отсвечивание лучей небесной радости видел я на здешних поселянах, как они обнимали с радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую через него помощь получили; и не только здешние жители, но и отдаленных чужих селений... Сын в беспамятстве подбежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он отец ее».

Меньшей, Вере, шел пятый год, когда увезли Новикова в крепость. Ей суждено было стать секретарем отца, писать за него письма, читать вслух, — Новиков с годами терял зрение. Старшие дети, Иван и Варвара, помогать не могли — они страдали эпилепсией со дня ареста Новикова, не выдержав потрясения. Доктора считали болезнь их неизлечимой.

Императрица Екатерина, без суда посадившая Новикова в тюрьму, поспешила признать его мертвецом в юридическом

смысле и отняла состояние. Имущество Новикова было велено продать от казны с аукциона, хотя владелец вовсе не лишался прав собственности. Произвол, неслыханный доселе даже в самодержавной России...

Чиновники произвели оценку имущества. Восемьдесят восемь тысяч рублей стоил гендриковский дом, тридцать тысяч — типография, столько же аптека, напечатанных книг по продажной цене было на семьсот пятьдесят с лишним тысяч рублей. Вместе с Авдотьином и орловским имением сумма составляла около миллиона рублей. Долги же его не превышали двухсот сорока тысяч.

Но книги Екатерина приказала сжечь. Князь Прозоровский исполнил ее волю, совпадавшую и с его намерением. Десятки тысяч экземпляров изданных Новиковым книг сгорели в гигантских кострах.

На торгах покупателей не было. Имущество продолжало оставаться за казной.

Едва Новиков возвратился в Авдотьино, за ним приехал фельдъегерь из Петербурга — император Павел I звал освобожденного к себе.

Кибитка неслась без отдыха. Лошади менялись часто. Вызов был экстренным.

5 декабря прискакали в столицу. Новикову не дали переменить платье, сбрить бороду и прямо повели в кабинет Павла.

— Почему ты не поблагодарил меня, когда вышел из крепости? — спросил государь. Он ждал потока жалоб на самоуправство Екатерины и красноречивого изъяснения чувств.

Новиков принес извинение.

— Тебе возвратят имущество, взятое в казну, — сказал государь. — Что я могу еще для тебя сделать?

Чем помочь после того, что случилось? Здоровье разрушено пытками и тюрьмою — его не вернуть. Книги сожжены. Издательство уничтожено, восстановить его невозможно...

Новиков попросил государя освободить заключенных из камер Шлиссельбургской крепости. Для себя же не хлопотал ни о чем.

Аудиенция продолжалась минуты. Новиков сел в кибитку и поехал прочь из Петербурга. В Авдотьине ждали его больные дети, нищие крестьяне, взыскания по долгам, раздумья о том, где взять деньги, чтобы купить хлеба, — год в Подмосковье снова был неурожайным.

В апреле 1797 года государь вдруг повелел имущество Новикова, переданное было владельцу, опять вернуть в казну, зато поручителей в Опекунском совете по займу на покупку гендриковского дома освободить от участия в уплате долга.

Через три месяца — новый указ: по делам Типографической компании взыскивать с Новикова и с его поручителей. У Алексея Ладыженского отобрали в казну пятидесятитысячную облигацию, заложенную им при покупке злополучного дома. Потревожили и других поручителей.

«Лет за десять перед сим, или более, — писал Карамзин И. И. Дмитриеву в августе 1797 года, — Н. И. Новиков, закладывая в Воспитательном доме свой дом, просил меня быть в числе личных порук. Теперь выходит всей суммы 150 000 рублей, и велено описать наше имение; хотели даже описать и мои книги и мои фраки. Таким образом, я лишусь, может быть, последнего... Поверишь ли, что это меня не трогает?»

Но карамзинские фраки не понадобились. Московское дворянство с разрешения государя за пятьдесят тысяч приобрело гендриковский дом. Там устроили солдатские казармы, названные Спасскими. Генерал Хомяков за десять тысяч купил аптеку. Все деньги передавались в Опекунский совет, и с ним Новикову удалось расплатиться.

Долги частным лицам — семьсот пятьдесят тысяч рублей — остались. Распоряжение имуществом Новикова принял на себя Походяшин, вложивший в Типографическую компанию львиную долю этой суммы. Своих денег он, разумеется, не требовал и в течение многих лет выплачивал долги другим кредиторам.

2

Авдотьинским поместьем в годы заключения Новикова управлял его брат Алексей. Вернувшись на родину, Новиков не стал вмешиваться в хозяйственный распорядок и занялся садоводством. Письма его к друзьям полны просьбами прислать семян гвоздики, левкоев, клевера, черенков яблонь, груш, вишен, слив — недурно бы из придворных садов, Петергофского и Ораниенбаумского.

Алексей Иванович умер в 1799 году, и управление усадьбой принял Новиков.

Начал он с того, что заложил Авдотьино в Опекунском совете. Деньги были нужны, чтобы поправить дом, починить крестьянские избы, купить семян.

Но едва приступили к работам, оказалось, что выгоднее и проще не чинить старые постройки, а ставить все сызнова. И не деревянные, а каменные.

Камень ломали на берегах реки Северки, протекавшей че-

рез поместье. Из него строили крестьянские избы, по одной на четыре семьи, крыли железом. Получался четырехквартирный каменный дом, с отдельными входами. Эти здания стоят в Авдотьине по сей день. В них живут колхозники, добром поминая строителя.

Новиков придумывает способы увеличить доходы — приготовляет картофельную крупу, гонит водку из свекловицы, заводит суконную фабрику. Но у него нет опыта в промыслах, связей с покупателями, и начинания эти приносят убытки.

Для своей семьи Новиков в 1800 году поставил двухэтажный каменный дом. На первый этаж вели десять ступеней главного подъезда, на второй — дубовая лестница. В окна виднелись окрестные поля, Северка. Большие печи с голубыми изразцами жарко топились: после крепости Новиков полюбил тепло.

На верхнем этаже, вправо от расположенного посередине зала, была гостиная, кабинет и спальня Новикова, а в угловой комнате библиотека. Влево комнаты для приезжающих гостей. Одну занимал сын Иван, по причине своей болезни редко спускавшийся вниз.

В первом этаже обитали вдова Шварца, ее сын Павел, Семен Иванович Гамалея, дочери Новикова Варвара и Вера.

Кабинет Новикова служил ему и спальней. По стене против окон стояли диван, заменявший хозяину кровать, и бюро, заваленное кипами бумаг и заставленное склянками лекарств. Новиков лечил своих крестьян, выписывая снадобья из Москвы и Петербурга. В письмах его постоянно встречаются просьбы корреспондентам купить и прислать лекарства.

День располагался так.

Новиков вставал в четыре часа утра, пил чашку чаю и садился к письменному столу. В темное время зажигались четыре восковые свечи. Он писал и читал до восьми часов, когда семья собиралась к утреннему чаю. Потом Новиков занимался хозяйственными делами, принимал больных. В первом часу садились обедать. Ивану и Варваре обед носили в их комнаты.

После обеда Новиков спал час-полтора, а затем гулял по саду — он раскинулся на двенадцать десятин — или шел в деревню, навещая больных, осматривая гумно, суконную фабрику. В этих прогулках Новикова сопровождал мальчик с кульком пряников. Их раздавали по дороге крестьянским детям, и они с криком: «Барин идет!» — бежали ему навстречу.

Да, Новиков был помещиком — и крестьянские ребята бежали к нему. Вспомним, что кричали дети, описанные в «Отрывке путешествия в*** И*** Т***»: «Это наш барин! Он нас засечет!» Литератор М. Н. Лонгинов, посетивши Авдотьино

в 1858 году, через сорок лет после смерти Новикова, рассказывал, что крестьяне-старики, помнившие барина, говорили о нем с чувством: «Куда как был ласков и добродушен наш Николай Иванович ..»

Новиков был очень умерен в пище, соблюдал строгую диету — больной желудок постоянно заставлял помнить о себе.

За столом он обычно беседовал о прочитанных книгах. В шесть часов пили чай, а в десять Новиков уходил в свой кабинет и ложился спать. Жизнь в доме замирала до утра.

Привыкнув ограничивать себя во всем, Новиков сожалел, что не расстался с привычкой нюхать табак. Обращаясь к московским друзьям с просьбой выписать для него из Сарепты нюхательного табаку, он писал в свое оправдание:

«Мы часто и легко оставляем то, что захочет наша воля, но не так легко разделываемся с тем, что нам приятнее и что воля наша хочет удержать, а услужливый разум тотчас представит целую кучу резонов, почему этого оставлять и не должно; одному легко оставить табак, другому — чай, и наоборот. Дело не в чае и табаке, но в преломлении собственной воли. Что мы легко оставляем, то и весом легко и не есть добродетель, но то, что мы делаем с превеликим насилием воли своей, то воистину добро».

Новиков по-прежнему внимательно заботился о людях, которые нуждались в помощи. Он хлопочет у московского архиерея Августина о дьяконе авдотьинской церкви, отце большого семейства, которому грозил перевод в другое место. Новиков объясняет в письме профессору Чеботареву причины своей просьбы оставить дьякона в Авдотьине:

«Дьякон учился хорошо, разум имеет и дарование, что немного найдется и в архиереях таких. Переписывал у меня книги, тонко входил во все материи. Но при всем том пьет запоем, и я только один мог его воздерживать. В другом месте погибнет! Он уже слышал и понял такие истины, что и в архиереях едва ли найдутся, которые бы так много разумели, а потому-то я и содрогаюсь о бессмертной его душе...»

Весьма вероятно, что в первые годы царствования Александра Павловича Новиков, как и многие русские люди, был обманут показным либерализмом государя и получил надежду вернуться к издательской деятельности. Известно, что в 1805 году он намеревался взять в аренду типографию Московского университета, подобно тому, как сделал это четверть века назад, и был уверен, что возобновление предприятия, разрушенного императрицей Екатериной, даст ему средства, чтобы расплатиться с долгами. Разумеется, он думал вести дело в прежнем духе, не искать прибыли, но распространять просве-

щение. Однако университетское начальство не откликнулось на предложение Новикова. Его история была еще свежа в памяти современников.

В 1806 году владелец типографии Решетников начал выпускать журнал «Московский собеседник» и перепечатал в нем несколько статей из новиковских изданий — «Живописца», «Утреннего света», «Покоящегося трудолюбца» Не был обойден и «Отрывок путешествия в ***И***Т***». Как показала Л В. Крестова, «Отрывок» был заново отредактирован умелой рукой, по мнению исследовательницы — авторской. Эта публикация «Отрывка» после исправлений, внесенных в нее, является, в сущности, «третьей редакцией «Отрывка путешествия», причем наиболее исправной, полной и политически заостренной» *.

3

Вокруг Авдотьина жили помещики, на тамошнего барина непохожие. Они были заняты псовой охотой и, гоняясь за зайцем, не раз выбегали на новиковские поля, езживали по соседям играть в карты.

Впрочем, попадались и чудаки. Один из них изобретал вечный двигатель, употребил на работы свое состояние и продал восемьсот душ крестьян.

— Зачем вам этот двигатель? — спросили его.

— Бог его знает, — ответил изобретатель. — Да ведь, живучи в деревне, надобно чем-нибудь заняться.

Другой помещик сажал деревья проспектами к усадьбам своих соседей.

Новиков не завел дружбу с окрестными дворянами.

Император Павел, окончательно разорив Новикова, более о нем не вспоминал. Вельможи не баловали его вниманием. Только однажды, в конце 1799 или начале 1800 года приятель Новикова Лабзин уведомил его, что с ним хочет познакомиться граф Федор Васильевич Растопчин

Близкий к Павлу сановник, в ту пору член императорского совета, а позже, в 1812 году, главнокомандующий Москвы, Растопчин владел подмосковным имением Вороново и был рачительным хозяином.

Новиков ответил Лабзину, что слышал о Растопчине много хорошего и имеет к нему сердечное почтение, однако не видит никакой возможности сблизиться

«Он весьма высок, — писал Новиков, — а я весьма низок,

* Л В Крестова, Из истории журнальной деятельности Н. И. Новикова. «Исторические записки», 1953, № 44, стр 282

Автограф Н. И. Новикова.

так что между нами весьма великое расстояние пустоты. Чем же ее наполнить? Исканием? Но я никогда не искал, не учился тому и не умею Его сфера знакомства знатная, великочиновная, а моя малая и весьма бедная и короткая, то как же нам сойтись?

Какая цель сего сближения и знакомства? Мирская, а я к ней сделался неспособным и диким Знатные не терпят противоречия, а ежели я с тем не согласен, так буду молчать и говорить холодное «Так, ваше сиятельство», — следовательно, покажусь ему дураком Да и какой же с его стороны интерес подвигнуть его к сему может, тем паче, что

я опубликован обманщиком и бездельником: так ведь много надобно сделать с его стороны жертвы».

А что, если граф после сделанного знакомства полюбит, как выражается Новиков, «известные материи» и захочет в них упражняться, то есть сойдется с масонами? «Но я весьма опасаюсь, не философ ли он? То есть не вольнодумец ли, что ныне синоним, и не считает ли наше любимое или глупостью и скудоумием, или обманом только для глупых?»

Опасения Новикова вряд ли были напрасными. И не потому, что Растопчин мог претендовать на свою принадлежность к философам или вольнодумцам, — такого за ним не водилось, — а оттого, что, по всей вероятности, Новиков интересовал его именно как «опубликованный обманщик». В свое время Растопчин уверял, что однажды у Новикова за ужином бросали жребий, кому зарезать императрицу Екатерину, и жребий этот достался Лопухину. Дом Типографической компании представлялся ему аванпостом революционной Франции. Раболепный царский слуга Растопчин, очевидно, желал узнать, чем теперь занимается бывший издатель журналов и книг, экземпляры которых побывали в руках у всех русских читателей. Цель знакомства была вовсе не бескорыстной. Новикова продолжали опасаться в правительственных кругах, и разведка Растопчина пришлась бы кстати.

Однако Новиков отверг притязания графа на знакомство, и Лабзин более не настаивал.

Впрочем, в 1804 году Новиков пожелал обратиться к Растопчину с просьбой принять в ученье его крепостного человека. После убийства Павла I Растопчин, принимавший в нем пусть косвенное участие, взял отставку и переселился в Москву. Он устроил в своем Воронове школу английского земледелия и объявил через «Ведомости» о приеме учеников. Растопчин принял ученика, посланного Новиковым, о чем известил письмом, в котором выразил уважение к нему, и сказал, что с давних времен почитает его как человека, образовавшего нужное просвещение и нравственность в отечестве нашем.

«Вы претерпели обычные гонения, — писал Растопчин, — коим превосходные умы и души подвержены бывают, и лучшие намерения ваши обращены были ядом зависти в дурные, но провидение, оставя злым раскаяние и стыд, наградило вас спокойствием души и памятию жизни добродетельной».

Пожалуй, Растопчин к «превосходным умам», претерпевшим гонения, относил и себя и думал о своей вынужденной отставке, но положение его весьма отлично было от судьбы Новикова. Через несколько лет он опять понадобился государю, и Александр I сделал его обер-камергером.

Простодушный Новиков поверил уважительным речам Растопчина и даже собирался поехать в Вороново к этому вельможе, надеясь, что, может быть, «милосердному господу угодно будет учинить его истинным и великим орудием милосердия его к истинному благу отечества нашего». Но больному человеку трудно было предпринять путешествие, и поездка не состоялась.

А в октябре 1812 года в Кашире был задержан на перевозе через Оку крестьянин. У него нашли письма чиновника московского почтамта Камкина к Новикову и сыну почт-директора Ключарева, известного масона Содержание этих писем показалось начальнику Тульского ополчения таинственным, он заподозрил в них шпионские донесения и переслал их Растопчину.

Ключарев был масоном, Новиков тоже Растопчину казалось, что масоны желают победы французам. Очевидно, этим заблуждением объясняется расправа Растопчина с купеческим сыном Верещагиным в 1812 году, изображенная Л. Н. Толстым в романе «Война и мир». Верещагин свел знакомство с сыном Ключарева и получал от него номера иностранных газет, запрещенных в России цензурой Он переводил некоторые статьи. Листки, писанные его рукой, были найдены полицией. Растопчин объявил Верещагина изменником и выдал его разъяренной толпе.

Почт-директор Ключарев, не сохранивший тайны газет, был уволен от должности и выслан в Воронеж. Верещагина уже после смерти его суд признал государственным преступником и приговорил к вечной каторжной работе в Нерчинске. Так задним числом была одобрена бдительность Растопчина, опознавшего врага России в молодом Верещагине и ценою его гибели сумевшего усилить народное негодование против Наполеона.

Случай этот остался в памяти современников. Письмо Ключарева как бы связывало Верещагина с Новиковым, который проявлял подозрительную гуманность к побежденным завоевателям.

Растопчин приказал бронницкому исправнику Давыдову разузнать, какие сношения Новиков и Ключарев имели с неприятелем, и следить за их поведением.

И через двадцать лет после ареста Новиков продолжал казаться начальству человеком грозным. Растопчин, не поскупившийся на письменные похвалы Новикову, первым заподозрил его в якобы изменнических действиях.

Новиков жалел пленных французов Он сказал крестьянам, что будет платить по рублю за каждого пленного, приведенного к нему в дом, — Авдотьино не было занято неприяте-

лем — и слова его распространились по округе. Мужики приводили французов. Иногда их собиралось в доме по десять человек, и Новиков совершал свой подвиг милосердия, деля с ними запасы круп и солонины. Потом староста отводил окрепших французов в Бронницы и сдавал исправнику.

Гуманность Новикова была подозрительна начальству, о ней ходили рассказы в деревнях, и соседи-помещики толковали о том, что Новиков ко всем его масонским свойствам еще, наверное, и бонапартовский агент, с французами в дружбе и недаром так милостив к пленным.

4

Старый Карамзин рассказывал Н. И. Гречу о своих связях с Дружеским ученым обществом и Типографической компанией так:

— Я был обстоятельствами вовлечен в это общество в молодости своей и не мог не уважать в нем людей, искренне и бескорыстно искавших истины и преданных общеполезному труду. Но я никак не мог разделить с ними убеждения, будто для этого нужна какая-то таинственность, и не могли мне нравиться их обряды, которые всегда казались мне нелепыми. Перед моею поездкою за границу я откровенно заявил в этом обществе, что, не переставая питать уважение к почтенным членам его и признательность за их постоянное доброе ко мне расположение, я, однако ж, по собственному убеждению принимать далее участие в их собраниях не буду и должен проститься. Ответ их был благосклонный: сожалели, но не удерживали, и на прощание дали мне обед. Мы расстались дружелюбно. Вскоре затем я отправился в путешествие...

Новиков знал и помнил Карамзина. Он прочел пятый и седьмой томы его сочинений, вышедшие в 1804 году, и угадал, что под именем Мелодора автор изобразил самого себя, а в образе Филалета — своего друга Петрова. Новиков не согласился с тем, что он называл философией Карамзина, потому что нашел в ней «более пылкости воображения и увлекания в царство возможностей, нежели основательности...» Он писал автору:

«Молодой Филалет со стоической холодностью философствует, а философия холодная мне не нравится; истинная философия, кажется мне, должна быть огненна, ибо она небесного происхождения; однако, любезнейший мой, не забывайте, что с вами говорит идиот, не знающий никаких языков, не чи-

тавший никаких школьных философов, они никогда не лезли в мою голову. это странность, однако истинно было так, но о сем в другое время».

Эти неосторожные фразы, характерные для величайшей скромности Новикова, почему-то особенно охотно цитировались исследователями, подтверждавшими ими ложный тезис о незнании Новиковым иностранных языков и его необразованности. Слово «идиот», употребленное здесь в смысле «невежда», как будто не противоречит такому пониманию текста письма. На самом же деле, как мы знаем, он переводил с французского и редактировал переводы товарищей, читал иностранные философские книги. Возможно, Новиков не владел разговорным языком и это именно имел в виду. Иначе толковать откровенность Новикова было бы недобросовестно по отношению к нему.

С большой проницательностью говорит Новиков о «холодности» философии персонажа Карамзина, характерной и для самого автора. Признание равноправности чувств бедных и богатых людей, крестьян и помещиков, уравнение сословий перед алтарем чувства не сопровождалось у Карамзина любовью к обездоленным и желанием помогать им. Это была умозрительная, отвлеченная любовь, далекая от стремления прийти на помощь несчастным, чем всю жизнь горел Новиков. Его философия была в этом смысле «огненной», она была исполнена пламенной любви к людям.

Таким Новиков оставался и по выходе из тюрьмы, и это составляет главную черту его личности. Мудрено ли, что после своих тягчайших испытаний он не сохранил научной ясности мышления и отдал предпочтение религиозным догматам?! В том же письме Карамзину он утверждает, что «ни больше, ни меньше семи планет быть не может, понеже бог их сотворил только семь и наполнил их силами, каждой приличными». Но вместе с тем дальше он писал, что и «неподвижных звезд быть не может, ибо неоспоримая истина: что не имеет движения, то мертво, понеже жизнь есть движение».

Новиков испытывает недоверие к науке и как бы порицает ее стремление вперед. Он пишет:

«На моем веку во всех науках несколько систем переменилось; да я уверен, что и ныне существующие системы недолго устоят и переменятся в другие новые; нам любезнее всего новое, новое и новое .. Химики все прежнее отбросили и наделили нас какими-то газами, то есть пустыми словами, не имеющими ни значения, ни силы. И кто может все их бредни исчислить?..

Древние прекрасно сие изъясняли; они даже в человеке находили извлечение из трех миров и учили, что человек состоит

из тела, души и духа. Отсюда произошло то, что они поставляли надпись над дверьми храма: познай себя и пр.».

Архитектор Витберг, создавший проект храма Христа-спасителя в Москве, вместе с профессором Московского университета М. Я. Мудровым посетил Авдотьино после изгнания французов из Москвы. Он высоко ценил Новикова. В записках, составленных под его диктовку Герценом в вятской ссылке (1836—1838), Витберг говорит:

«Новиков, положивший основание новой эре цивилизации России, начавший истинный ход литературы, деятельно неутомимый, муж гениальный, передавший свет Европе и разливший его в глубь России...», — «жертва сильного стремления к благу родины...»

Витберг ожидал увидеть в Авдотьине «стариков строгих и неумолимых». Имя Новикова для лучшей части интеллигентной молодежи начала века сияло ореолом невинного страдания. Строгие его принципы и глубокая религиозность были известны. Не без основания думали, что Новиков продолжает свои масонские упражнения и, может быть, достиг в них высших ступеней. За другом его Гамалеей давно установилась репутация человека почти святой простоты. Суд их был бы нелицеприятен и строг.

Отъехав от Москвы по бронницкой дороге верст семьдесят, Витберг увидел шпиц церкви села Авдотьина, Тихвинского то ж. Деревенька была небольшая и бедная. Витберг не обратил внимания на то, что все дома в ней были каменные.

Вскоре открылись ветхий господский дом и запущенный сад Все окружающее показывало нужду и отшельничество.

Гости были проведены в приемную комнату на первом этаже, где обыкновенно пила чай и обедала семья хозяина.

Новиков показался Витбергу старым, бледным и болезненным. Однако взор его еще горел и показывал, что он может воспламеняться и любить. Большой открытый лоб, длинные волосы. Серьезный вид смягчался во время разговора и становился очень приятным. Он принял гостей с душевным расположением.

Речь Новикова была увлекательна. Он обладал превосходным даром красноречия. Гамалея говорил мало, резко, но за внешней суровостью крылась любвеобильная, приветливая натура.

— Рад, что вздумали вы навестить старого страдальца и отшельника, — сказал Новиков. — Если привезли свой проект — а я о нем слышал много, — извольте показывать.

Витберг развернул чертежи и принялся объяснять идею храма и архитектурное исполнение.

Новиков слушал внимательно, хвалил — в репликах его чувствовался любитель изящного. Выслушав Витберга и осмотрев чертежи, он посоветовал отбросить некоторые частности, украшения, чтобы сильнее подчеркнуть главную мысль и заставить чище звучать основную идею.

— Если необходим наружный храм, — говорил Витберг, — все камни его должны быть проникнуты общей идеей, а внутренний смысл нужно суметь вложить в каждую форму.

— Весьма несправедливо думают, — ответил Новиков, — будто наружные дарования, науки, художества препятствуют внутреннему возвышению человека. У кого есть талант, тот обязан быть верным своему призванию. Вообще поэзия и искусства, эти сестры, отнюдь не мешают, но способствуют внутреннему развитию. Пусть всякий исполняет свое. Необходима совокупность трудов и усилий всех людей — и тогда будет воздвигнут настоящий храм из целого мира. И поэтому познание самого себя есть важнейшее познание. Оно покажет нам, с чистым ли побуждением избирает душа занятие или нет. И мы нуждаемся в опыте других — они могут предостеречь, отстранить горькие испытания.

Новиков был полон пламенных и живых идей, по словам Витберга Гамалея не соглашался с ним, он полагал, что «наружные занятия» могут принести в жертву «высшее», отвлечь человека, занять его суетными мирскими помыслами.

В кратких словах Новиков изложил Витбергу свою историю. Он работал с друзьями на пользу образования в России. Успехи Типографической компании вызвали зависть и привлекли общее внимание. Свое желание разрушить успешно начатое дело враги его подкрепили подозрениями насчет избрания Павла протектором компании, то есть обвинили в преследовании политических видов. Клевета достигла цели — Новиков попал в крепость. Лишь после смерти Екатерины II он возвратился в Авдотьино.

Этим старикам чужда была праздность. Гамалея переводил с немецкого и латинского языков религиозные книги, Новиков читал, кое-что записывал, занимался переплетом книг. В его библиотеке стояло полсотни томов, собственноручно им переплетенных.

— Вот сколько труда мною положено, — сказал он Витбергу. — Но с искренней скорбью вижу, что некому завещать все это, некому передать мысли для завершения начатого.

Витберг провел в Авдотьине несколько дней и после приезжал еще дважды. Новиков согласился позировать ему для портрета, и Витберг написал его. Гамалея же наотрез отказался.

Конец 1813 года принес Новикову большие тревоги. Он сообщал одному из своих корреспондентов: «Вы, может быть, не поверите, что я в 1792 году, когда меня взяли в постели и повезли, был гораздо спокойнее, нежели ныне. Тогда была надежда и уверения, что я один страдать буду, а ныне нет надежды, и я видел перед собой пропасть, в кою повергнуться должны не один я, но все семейство и живущие со мною друзья, что раздирало сердце мое».

До нового года Новикову предстояло заплатить проценты по займу, полученному под залог имения. Если не внести, продадут Авдотьино, семья лишится последнего убежища. Новиков лихорадочно собирает деньги у знакомых и отводит угрозу аукциона.

Болезни одолевали Новикова, он исхудал и ослаб.

В апреле 1817 года здоровье его совсем расстроилось. «Тяжелее этого года я, кажется, еще в жизни моей не имел», — сообщала под его диктовку Вера в одном из писем.

3 июля 1818 года у Новикова был удар. он потерял память, речь. Три недели продолжались предсмертные страдания 31 июля он скончался в возрасте семидесяти трех лет и был похоронен в авдотьинской церкви.

После его смерти Карамзин обратился к императору Александру I с запиской о Новикове. Он кратко изложил обстоятельства жизни и деятельности покойного издателя, которого «взяли в Тайную канцелярию, допрашивали и заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении...».

Карамзин писал: «Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживал общественную признательность. Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения, извинительного, но несправедливого. Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца...»

Александр I прочел записку.

Авдотьино за долги было продано с публичного торга.

Ялта — Москва
1965

Основные даты жизни и деятельности Н. И. Новикова

1744, 27 апреля — в семье бывшего капитана флота и алатырского воеводы Ивана Васильевича Новикова родился сын Николай.

1755, 12 января — вышел указ об открытии Московского университета, и Новиков записан в гимназию при нем.

1758, 12 мая — фамилия Новикова напечатана в «Московских ведомостях» в числе учеников гимназии, достойных награждения.

1760, 3 июня — из гимназии «за отлучку, о которой никого не предупредил, исключен, и его имя пропечатано в газете».

1762, январь — вступил на службу в Измайловский полк, через полгода произведен в унтер-офицеры.

1766 — впервые выступает как издатель.

1767, 17 августа — назначен «для письменных дел» в Комиссию о сочинении Нового уложения.

1768, 1 января — выпущен поручиком в армию с оставлением при Комиссии.

1769, 16 января — отчислен из Комиссии и направлен в Военную коллегию, где взял отставку от службы.

1769, май — апрель 1770 — выпускает журнал «Трутень».

1770, июнь—июль — выпускает два номера ежемесячного журнала «Пустомеля».

1772, апрель — июль 1773 — выпускает журнал «Живописец».

— Издал свою книгу «Опыт исторического словаря о российских писателях».

1773—1775 — издает «Древнюю российскую вивлиофику».

1774, июль — август — издает журнал «Кошелек».

1775 — выпустил третье издание журнала «Живописец», в которое включил лучшие материалы из этого журнала и из «Трутня». Принят в масонскую ложу.

1776 — издал «Повествователь древностей российских», «Историю боярина Артемона Матвеева» и другие книги.

1777 — издает «Санкт-Петербургские ученые ведомости». С **сентября 1777** года по **август 1780** года издает журнал «Утренний свет».

1778 — открывает в Петербурге два училища для бедных детей.

1779, 1 мая — берет в аренду сроком на десять лет типографию Московского университета.

1779, январь — декабрь — выпускает «Модное ежемесячное издание, или Библиотеку для дамского туалета».

1780 — начинает издавать журнал «Экономический магазин», который составляет А. Т. Болотов.
1781 — выпускает «Московское ежемесячное издание».
Женился на Александре Егоровне Римской-Корсаковой, племяннице князя Н. Н. Трубецкого.
1782—1783 — издает журнал «Вечерняя заря».
1782, 6 ноября — торжественное открытие Дружеского ученого общества.
Издает «Городскую и деревенскую библиотеку» (по 1786).
1783, январь — 1784 — издает «Прибавление к «Московским ведомостям».
1784—1785 — издает журнал «Покоящийся трудолюбец»,
— **август** — Комиссия о народных училищах предъявляет Новикову обвинения в незаконном издании учебников.
— **1 сентября** — учреждена Типографическая компания.
— **23 сентября** — Екатерина II запретила Новикову печатать «Историю иезуитов».
1785—1789 — издает журнал «Детское чтение для сердца и разума».
23 декабря — указы Екатерины II московскому главнокомандующему графу Брюсу и архиепископу Платону об испытании Новикова в законе божьем.
1786, 23 января — указы Екатерины II московскому губернатору Лопухину о допросе Новикова.
1787 — неурожай хлеба по всей России. Новиков занимает деньги у Г. М. Походяшина и кормит голодающих.
1788, 17 октября — Екатерина II приказывает московскому главнокомандующему Еропкину не продолжать срока аренды Новиковым типографии Московского университета.
— Издает «Магазин натуральной истории, химии и физики», составляемый А. А. Прокоповичем-Антонским (по 1790).
1789, июнь — уезжает в деревню.
— **14 июля** — взятие Бастилии, начало Великой французской революции.
1790, июль — выход книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».
1790—1792 — безвыездно живет в своем имении Авдотьино.
1791, 12 апреля — смерть жены Александры Егоровны.
— **ноябрь** — подписан акт об уничтожении Типографической компании.
1792, 13 апреля — по приказанию Екатерины И типографии Новикова подвергаются обыску.
— **22 апреля** — арест Новикова.
— **17 мая** — отвезен в Шлиссельбург.
— **3 июня** — допрошен С. И. Шешковским.
— **1 августа** — указ Екатерины II с приговором Новикову.
1796, 7 ноября — указ Павла I об освобождении Новикова.
— **19 ноября** — прибыл в Авдотьино.
1797 — указы Павла I о выплате Новиковым его долгов.
1818, 31 июля — смерть Новикова.

Краткая библиография

Боголюбов В., Н. И. Новиков и его время. М., 1916.

Вернадский Г., Николай Иванович Новиков. П., изд-во «Наука и школа», 1918.

Добролюбов Н. А., Русская сатира в век Екатерины. Полн. собр. соч., т. II, М.—Л., ГИХЛ, 1935.

Западов А., Русская журналистика XVIII века. М., изд-во «Наука», 1964.

Ключевский В. О., Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени. В кн.: «Очерки и речи. Второй сборник статей В. Ключевского». М., 1913.

Лонгинов М. Н., Н. И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

Макогоненко Г., Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., ГИХЛ, 1951.

Новиков Н. И., Избранные сочинения. Подготовка текста, вступит. статья и комментарии Г. П. Макогоненко. М.—Л., ГИХЛ, 1951.

Плеханов Г. В., История русской общественной мысли. Гл. XII. Соч., т. XXII. М., Госиздат, 1925.

Сатирические журналы Н. И. Новикова «Трутень» (1769—1770), «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кошелек» (1774). Редакция, вступит. статья и примечания П. Н. Беркова. М.—Л., изд-во Академии наук СССР, 1951.

Светлов Л. Б., Издательская деятельность Н. И. Новикова. М., Гизлегпром, 1946.

Семенников В. П., Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пб., Госуд. изд-во, 1922.

Оглавление

Западов Александр Васильевич

НОВИКОВ М «Молодая гвардия», 1968
192 с, с илл (Жизнь замечательных людей Серия биографий Вып 17 (441)

8Р1 + 9(С)14

Редактор *Г Померанцева*
Серийная обл *Ю Арндта*
Оформление *А Степановой*
Худож редактор *А Косаргин*
Техн редактор *А Бугрова*

Сдано в набор 2/XI 1967 г Подписано к печати 28/II 1968 г А04143 Формат 84×108¹/₃₂ Бумага типографская № 2 Печ л 6 (усл 10 08) + 9 вкл Уч изд л 12 8 Тираж 75 000 экз Цена 58 коп Т П 1968 г № 442 Заказ 2288

Типография изд ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Москва, А 30, Сущевская, 21